

Е.И. РОМБАНДЕЕВА

**ИСТОРИЯ НАРОДА
МАНСИ
(ВОГУЛОВ)
И ЕГО ДУХОВНАЯ
КУЛЬТУРА**

Администрация Ханты-Мансийского автономного округа

Научно-исследовательский институт
социально-экономического и
национально-культурного возрождения
обско-угорских народов

Е.И. РОМБАНДЕЕВА

**ИСТОРИЯ НАРОДА
МАНСИ
(ВОГУЛОВ)
И ЕГО ДУХОВНАЯ
КУЛЬТУРА**

(ПО ДАННЫМ ФОЛЬКЛОРА И ОБРЯДОВ)

«СЕВЕРНЫЙ ДОМ»

Северо-Сибирское региональное книжное издательство

г.Сургут

1993

ББК 81.2Ма-96
Р-69

"История народа манси и его духовная культура"— работа о мировоззрении, духовной культуре народа манси. В ней даны представления о возникновении Земли, жизни на Земле, Вселенной - семиэтажном жизнедеятельном пространстве, значении Звезд, способах создания семьи для продолжения человеческого рода в различные эпохи, а также сведения о миграции манси, веровании и иных обрядах.

Этот труд будет полезен философам и социологам, фольклористам и историкам, этнографам и археологам, преподавателям истории, культуры народа манси в школах, вузах, где обучаются представители финно-угорских народов. Он станет нужным пособием для пропагандистов, работников культуры, экскурсоводов, музейных кадров в первую очередь Западно-Сибирского региона, в местах проживания обско-угорских народов.

Работа выполнена автором, будучи сотрудником лаборатории комплексных исследований в 1990-91 гг.

Утверждено к изданию Ученым Советом НИИ возрождения обско-угорских народов.

Редактор: Н.Г.Ширыкалова.

Рецензенты: В.Ю.Лыткина, Т.Д.Слинкина.

Ромбандеева Е.И.

История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: АИИК "Северный дом" и Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1993 - 208с.

Р $\frac{47.2.2/80.25-17}{Г55(03) - 93} - 90 - 93$

ББК 81.2Ма-96

ISBN 5 - 8260 - 0220 - 4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа создана на основе изучения и обобщения богатейшего фольклорного наследия народа манси, собранного мною за многие годы, начиная с 1958 г., а также на основе фольклорных текстов, записанных у манси венгерскими учеными в середине XIX столетия и изданных в Венгрии с переводами на венгерский язык, и в начале XX века – финскими учеными и изданных в Финляндии с переводами на немецкий язык. Кроме того, за многие годы мною изучены все основные обряды этого народа. Постепенно материал накапливался, обрабатывался, систематизировался и обобщался, а затем создавались отдельные статьи по основным обрядам народа манси. Они изложены строго в той последовательности, в какой проводятся в жизни. Некоторые из них были опубликованы за рубежом. В частности, в Венгрии была издана статья на немецком языке "Обряд, соблюдаемый в связи с рождением ребенка" В кн.: *Glaubens Welt und Folklore der Siberischen Volker*. Budapest. 1963. Позднее эта статья издается на английском языке. В кн.: *Popular Beliefs and Folklore Tradition in Siberia*. Budapest. 1968, а также на венгерском языке: *Az asszonyi élet*. В кн.: *A vizimadarok nepe. Europa kongykiado*. Budapest. 1975. Работа о веровании народа манси тоже вышла в Венгрии на венгерском языке и опубликована в кн.: *Rulonlennyomata Nyelvtudomanyi Kozlemenyek* №86. Budapest. 1984. В нашей стране были изданы статьи "Погребальный обряд сыгвинских манси" В кн.: Семейная обрядность народов Сибири. М., Наука, 1980; "Миграция манси по данным фольклора" в кн.: Фольклор и этнография народов Западной Сибири." Томск. 1990; "Обряд, связанный с медвежьим праздником" вышел в свет в журнале "Югра" №№10,11 за 1992 г. Исследования же по свадебному обряду народа манси публикуются впервые.

Актуальность данной работы состоит в том, что история народа манси, быстро ассимилирующегося ныне и не имевшего письменности до 30-х годов XX столетия и даже зафиксированной летописной хроники, может быть восстановлена на

основе сохранившихся устных преданий – живого музея народа, материальной и духовной культуры народа, а также хранящихся в музейных фондах хоть скудных, но ценных археологических находок.

Предлагаемое пособие имеет большую научную ценность и практическую значимость. На основе его есть возможность вести курс лекций "История народа манси и его духовная культура" для учащихся старших классов мансийских школ, национальных учебных заведений и вузов. Программа курса, рассчитанного на 120 часов, разработана и представлена на одобрение НИИ ВОУН автором настоящего труда.

Эта работа является первой попыткой создания курса по истории народа манси, его духовной культуре на основе устного творчества, отражающего прошлое этого народа с того момента, как он начал осознавать себя и как он сохраняет живую память о своем далеком прошлом, о местах своего пребывания и о том, какими путями и через какие огромные пространства передвигался на свою теперешнюю родину. Примечательно то, что сведения, представленные в фольклорных произведениях о миграции манси, подтверждаются объективными лингвистическими данными – топонимами на территории Приуралья, начиная с Кировской области, Удмуртии, Башкирии и даже западнее и далее на Северо-Востоке европейского материка и Западной Сибири, где они проживают в настоящее время.

Изучение культуры обских угров, несомненно, будет продолжено. По моему глубокому убеждению, исследования как духовной, так и материальной культуры наших предков – ханты и манси – следует проводить по отдельным регионам и фронтально. При этом давать точное и всестороннее освещение каждого объекта культуры. Это позволит уловить и отразить сходство или различие культуры людей одного региона с культурой соседствующих или отдаленных этнических групп даже в деталях. Такие работы будут весьма ценны для подведения объективных научных выводов, которые должны исходить из самого исследуемого материала. Имеющуюся литературу о нашей культуре анализировать с критических

позиций, так как в ней наблюдаются факты искажения, непонимания, а порой пренебрежительного отношения к ней.

В заключение выражаю бесконечную благодарность маме – Ромбандеевой Марии Дмитриевне – первому моему информанту и безотказному консультанту, она мне еще в детстве привила любовь к родной мансийской речи, чутье к ней, веру в нее. Благодарна редактору моей работы Ширыкаловой Н.Г., и Акст Л.П., Приваловой Р.В. – сотрудникам НИИ ВОУН, а также рецензентам: Лыткиной В.Ю. – директору окружного краснעדческого музея и Слинкиной Т.Д. – представительнице и носительнице культуры народа манси, всем моим землякам, оказавшим помощь при создании этой работы, щедро делившимся своими знаниями.

Признательна Чурилову В.А. – председателю Ханты-Мансийского окружного Совета, Филипенко А.В. – председателю администрации округа и его заместителю Курикову В.М., а также Тюменцевой З.П. – начальнику окружного УНО, создавшим в свое время в г. Ханты-Мансийске научно-исследовательскую лабораторию комплексных исследований, позднее – научно-исследовательский институт социально-экономического и национально-культурного возрождения обско-угорских народов.

Введение

Манси (вогулы) относятся к семье финно-угорских народов. Угорскую ветвь из них составляют народы манси, ханты и венгры. Манси и ханты называют еще обскими уграми, а их языки – обско-угорскими.

Мансийский (вогульский) язык в начале XX века составлял четыре диалектные группы. В настоящее время сохранилась лишь одна – северная группа. Мансийский язык сильно ассимилируется языками соседних народов, главным образом – русским.

Манси (вогулы) живут на территории в северо-западной части Сибири по левым притокам Оби в пределах Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. Несколько десятков семей живет в Свердловской области. В Пермской же области в верховьях Вишеры сохранились лишь потомки манси, которые говорят по-русски, но называют себя до сих пор вогулами.

Основным занятием манси с глубокой древности была охота и добыча диких животных. Это отмечается во всех самых ранних фольклорных произведениях манси: мужчина охотится, а женщина шьет соболиную шубу. Позднее появляется оленеводство. Это на азиатской территории, после того, как они перешли ледяные каменистые горы. Стада у манси были, по-видимому, очень большие. В сказании "Торм лавум акв нуса" 'Самый бедный человек' говорится, что пастух, хозяин оленей, обходит свое большое стадо за семь дней, так много оленей у него было, и он хотел найти выход, чтобы их стало меньше, было бы посылно управлять ими. Ему лень семь дней обходить стадо своих оленей...

Манси занимались и рыболовством, устраивали запоры, делали деревянные крючки, добывали свежую рыбу на еду зимой и летом. В летнее время занимались сбором ягод, грибов, орехов, трав.

Поселения манси были маленькими, состояли из нескольких домов и редко – из десяти или двадцати. Все они размещались по берегам рек, основным артериям движения в

летнее время, а также поближе к лесным массивам – охотничьим угодьям.

Жили манси в деревянных домах, чаще с одним окошком. Кочевали посезонно: летом поселялись на самом берегу реки, многие манси отправлялись на больших лодках-каюках к низовью реки, к Оби, навстречу поднимающейся рыбе, а в августе поднимались вслед за рыбой вверх, волочили нагруженные вяленой и сухой рыбой лодки бечевой против течения реки, преодолевая две-три, а то и больше сотни километров пути.

Вниз по реке, к рыбе навстречу, спускались манси ранней весной, во время половодья при быстром течении реки. В это благодатное время люди меньше заняты, они пели, шутили, играли в загадки, детям рассказывали детские сказки. По поверьям манси, в летнее время рассказывать сказки взрослых нельзя, можно только зимой, приблизительно с середины ноября до середины марта. В зимнее время очень холодно, дети и пожилые люди сидят дома, дни короткие, ночи длинные. И вот по вечерам при слабом освещении копилки именитый сказитель вводит в мир сказок, преданий и сказаний всех своих слушателей. Сюжеты сказок впечатляющие, захватывающие. Вместе с героями сказов переживают страхи и радости победы все слушатели, как взрослые, так и дети.

Мне думается, запрет рассказывания сказок в весеннее, летнее и осеннее время придуман мудрым манси для того, чтобы работоспособных людей, любящих сказки, не отвлекать от занятий ловли рыбы, заготовки снастей и транспортных средств и других неотложных дел. В детстве мы искренне верили всем и всяким запретам и ограничениям нашего народа.

У манси не было письменности до 30-х годов XX столетия. Его истории, его прошлое отразилось в фольклоре – в преданиях, сказаниях, героическом эпосе о славных предках, в обрядах и обычаях. Их следует зафиксировать и сохранить для потомков.

Фольклор народа – это словесный документ. Он отражает историческую истину (иногда несколько в приукрашенном состоянии). Он является историей и летописью для народа, но повествует об исторических событиях без указания точной даты. В нем отражены и контакты между древними этносами, военные события, происходившие с соседними народами. Говорится и о древних миграционных путях предков манси. Есть косвенные сведения в преданиях, что они некогда заходили даже за полярный круг, где солнце пряталось и устанавливался мрак.

Фольклор отражает и духовность народа, его мудрый ум, национальный дух, его мировоззрение, нравы, обычаи, надежды и чаяния, характер и силу. Фольклорное наследие народа – это его огромный духовный мир, его могучее средство духовного воспитания народа, национальной гордости.

Фольклор и литература для бесписьменного народа выражают одно целое. Фольклор помогает созданию литературного языка.

А.М.Горький писал: "Учите фольклор, на основе его мы поймем язык."¹ "Фольклор – важный фактор развития культуры народа, одна из форм общественного сознания. В нем отражен язык народа, мировоззрение народа", – так отмечает профессор Пропп В.Я.²

В фольклоре отражены не только искусство слова, поэтическое мышление, мировоззрение народа, но и зафиксирована материальная культура народа, описание одежды, предметов быта, жилища, промысла, снаряжения охотников и воинов, а также различные способы создания семьи для продолжения человеческого рода. Фольклор отшлифован веками самим народом.

В.Я.Пропп в своей монографии "Фольклор и действительность" отмечает, что "ни одна гуманитарная наука – ни этнография, ни история, ни литература, ни история литературы – не могут обходиться без фольклорных материалов и изысканий".[Пропп 1976, стр.16]

1 Горький А.М. О литературе. М., 1953.

2 Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М. 1976.

Народное поэтическое творчество – явление социальное, его основы восходят к социальным причинам, а причины эти лежат в области хозяйственной и социальной жизни народов. "Фольклор есть явление исторического порядка, и фольклористика есть историческая дисциплина". [Пропп 1976, стр.28] Фольклор, требующий исторического изучения, может сам оказаться драгоценным историко-этнографическим источником. Прошлое народа манси в его преданиях, сказаниях и мифах, героическом эпосе о славных предках, одухотворенных потомками до божества – признанных духами-покровителями и почитаемых испокон веков до сих пор.

Мировоззрение любого многочисленного или малочисленного народа по глубине и содержанию своему – проблематика весьма не простая. По этой причине временным налетом разобраться в нем весьма сложно, тем более, если исследователь не владеет языком носителей определенной культуры и только лишь со стороны наблюдает за фактами действительности.

До наших исследований (моя работа, посвященная духам-предкам, была опубликована в Венгрии в 1984г. на венгерском языке) к теме верований народа манси обращались неоднократно, однако это были представители некоренных народов, а люди иной, отдаленной культуры (начиная с Новицкого, кончая некоторыми его последователями). Им не удалось глубоко вникнуть в стройную систему верований народов манси и ханты. Они наших духов-предков в своих работах просто-напросто называют "идолами" или, усиливая краски, – "бездушными болванами" Весьма вероятно, они не разобрались в существовании нашей веры и отнеслись непочтительно к ней. Они не усвоили того, что мы поклоняемся нашим выдающимся предкам, которые заслужили низкий поклон за выдающиеся дела при жизни. За что и были одухотворены своими потомками после смерти (см. об этом ниже стр.51-80)

Традиционные обряды любого народа способствуют пробуждению общественного сознания и несут известную социальную функцию. Они позволяют народу сохранить определенные моральные критерии (нормы). "Обряды народ-

ные возникли на базе национальных обычаев", – пишет Ю.К.Субботин в своем труде "Православные таинства" [Субботин, М., Изд-во полит. лит. 1990, с.10].

Обряд всегда связан с эмоциональным отношением к нему участвующих, поскольку он должен возбудить в них соответствующие чувства (на свадьбе – веселятся, на похоронах – скорбят манси вместе). Обрядом руководит пожилой человек.

Обряд выполняет социальную функцию со времен далекого прошлого человечества, сплачивая определенные группы людей. В обряде каждый участвующий приобщается к жизни коллектива, сопереживает вместе с ним то событие, которое лежит в основе. Обряд осуществляет связь между его участниками, закрепляет отношения между людьми. Обряд имеет общественное звучание.

Объектом религиозных обрядов манси являются духи-предки. Духи – это души давно умерших наших предков. Им посвящены легенды, предания, через них мы узнаем о прошлой жизни народа манси. Наши люди им поклонялись коллективно.

Обряды порождены в глубокой древности стремлением людей вместе переживать радость удачи или утрату близкого человека, что способствует облегчению переносимого человеком горя (например, похоронный обряд). Коллективно устраивают и увеселительные мероприятия (например, свадьбу). Это также усиливает радость, поднимает дух, настроение участников веселья.

Исучив все обряды своего народа, его мировоззрение, я пришла к убеждению, что верование этноса манси возникло в глубокой древности на базе погребального обряда. Таким образом, первой стадией религии народа манси является "Погребальный обряд". Он возник на основе почитания памяти умершего близкого человека. Этот обряд установился, по видимому, еще при матриархате, так как в проведении его ведущими исполнителями всех основных действий до сих пор являются женщины, в основном пожилые.

Второй ступенью религии народа манси является "Хара кан" стр. 65. Он сооружается на лоне природы в память утонувших в воде, погибших в лесу или на войне, то есть не захороненных, не приданных земле. В проведении этого обряда принимают участие на равных правах как мужчины, так и женщины. "Хара кан" делают мужчины, пользуясь мастерски топором. Ходят же туда молиться в основном женщины, пожилые мужчины и подростки со своими матерями.

Третья ступень религии манси – "Пурлахтын кан", "Тõрум кан", называют иногда просто "Кан", где обряд проводится только при участии мужчин. Там молятся выдающимся духам-предкам мужского или женского пола. Эта ступень религии народа манси установилась, вероятно, при патриархате, так как на такое святое место ходят только мужчины. Женщины остаются дома, они могут устраивать в это время угощения своим домашним духам-предкам, находящимся в доме в переднем углу (мулы сãм). В такие дни нельзя посещать кладбище.

В мужском святом месте обязательно принимали участие сильные нййт хõтпа, как было принято называть их в народе. Они обращались к тем духам, к которым пришли люди. У каждого духа есть своя призывная мелодия (кай сов) и речитатив приглашения. Их исполняют, и тогда являются, якобы, духи угощаться на устроенный для них пир (пӯри).

Семейная обрядность. В далеком прошлом и позднее при создании семьи манси руководствовались принципами чисто человеческих потребностей: выбирали себе жену по деловым качествам самой девушки (или женщины), а также ориентировались на ее родителей – от хороших родителей – хорошие дети (по тому же принципу выбирали при сватовстве и супруга-мужа). На долю матери-северянки ложилась большая ответственность: она должна была выдержать тяжелый домашний труд в суровых условиях Севера, поднять на ноги детей, сформировать из мальчика будущего северянина-охотника, а из девочки – будущую мать-северянку, которая была бы в состоянии продолжить свой человеческий род (муж же ее – добытчик пищи и одежды из природы, она – хранитель

очага, тепла, уюта и благополучия в доме). По указанной выше причине у манси в фольклорных произведениях полностью отсутствует тема бракосочетания между Мбсь¹ и Пор; о выборе же супруги (супруга) по деловым ее качествам всегда отмечается в устном народном творчестве, если речь идет о создании семьи. О древнейших способах создания семьи повествует фольклор народа манси. В нем говорится о том, кто и в какую эпоху проявлял активность при создании семьи для продолжения человеческого рода. В сказке-сказании "Черный и рыжий звери Мбщнэ и Порне" (Мбщнэг Порнэг сэмл уиг, выгр уиг) сказывается, что женщины – и только они – участницы организации и сохранения семьи – это явная эпоха матриархата. Хороший муж достается морально честной, чуткой, внимательной девушке (см. Приложение №3).

О втором способе создания семьи говорится в сказке-сказании "Муж и жена Касыр" (Касыр экваг бйкаг)²

В ней отражен этап перехода от матриархата к патриархату: девушка с явным намерением найти себе мужа отправляется в путь, находит его. Мужчина вежливо предлагает ей связать судьбу с ним. Но быть женой для него может быть только добрая, послушная и честная в поступках девушка, дурная погибает.

Следующий – третий способ создания семьи – выбор будущего мужа, будущей жены на основе взаимной вежливости, взаимного стремления друг к другу. Он отражен в сказании "Сыновья Усың бтыр бйки и Тбнтон бйки" (Усың бтыр бйка, Тбнтон ойка пыгыг) – этот способ создания семьи также можно отнести к переходному периоду.

Четвертый способ – воровство будущей жены, приобретение ее посредством ловкости, а иногда и обмана. В эту пору власть и сила на стороне мужчины. Тут отражена явная эпоха патриархата. (см. Приложение №1)

1 Обозначение звука с (с мягкого) в термине Мбсь посредством сочетания букв с+ь (мягкий знак) или буквой щ считается равноценным (напр.: Мбсь Мбщ, Мбсьнэ Мбщнэ и т.д.).

2 Термины бйка 'мужчина', эква 'женщина' добавляются к собственной или нарицательной форме имени мужчины, женщины, как формант вежливого отношения к личности.

И пятый способ создания семьи – это сватовство. Он отражает ту ступень общественного развития, когда люди стали более или менее состоятельными. За дорогую цену по договоренности мужчина может купить себе жену. По-видимому, тут отражена эпоха распада патриархального уклада жизни. В фольклоре в эту пору упоминаются русские цари, купцы, т.е. отражается эпоха контактов с русскими торговыми людьми и богатырями, вероятно, воинами как с той, так и с другой стороны.

У манси очень развит фольклор, но ни в одном из его текстов мы не находим, чтобы сказочный герой был назван христианским именем. Это говорит о том, что до встречи с русскими и составления ясачных списков у манси не было христианских имен. Они пользовались родственной терминологией по линии кровного родства и по линии свойства. Родственная терминология, связанная с этими направлениями родства, весьма богата и разнообразна. Терминов такого рода насчитывается не менее ста.

Верование. У манси именитых предков, отличавшихся чем-либо значительным при жизни перед своим народом, было очень много. Веками их все больше и больше накапливалось. Одни из них помогли манси обосноваться там, где теперь они живут. Таковыми были Тәгт Котиль ойка, Аяс ойка, Нёр ойка, Полум ойка, Тэк отыр. Другие дали сильное и здоровое потомство, например, Нярс най эква, букв. 'Румяноликая женщина', жила она в верхнем течении Сосьвы; или помогали продлить род людей, например, Калтащ эква, она жила на берегу Оби в деревне Калтащ павыл. Эта женщина умела оказывать помощь при родах, до родов облегчала тяготы беременной. Она всем безотказно помогала, все ехали к ней, даже издали просили о помощи. Она всем помогала. В ее призывной священной песне (кастыл) так и говорится: савың ағи, вбсин ағи самвит сәги 'всем страдающим помогает...'

Для того, чтобы увековечить память най отыров, признавали местности священными и таким местам присваивали нарицательные имена выдающихся предков. Таких священ-

ных мест на территории проживания манси было очень много. О них манси знают, берегут их. На таких местах люди не охотятся, не ловят рыбу. В итоге они оказывались как бы заповедными местами. И все хозяева таких мест, духи-покровители, отражены в фольклоре. В настоящее время на территории проживания манси появились люди других национальностей. Все святые места осквернены, разорены, взбудоражены. Уже нет естественных заповедников. И не будет, так как путей возврата к прошлому нет. Молодежь живет по-новому. Уже редко собираются люди вместе, чтобы рассказывать друг другу сказки, устраивать обряды.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАРОДА МАНСИ (ВООУЛОВ) О ЗЕМЛЕ - КОСМОСЕ

Представления манси о возникновении Земли и жизни на Земле

В мифах народа манси о возникновении Земли отмечается, что вода первоначальна, она основа жизни. Сначала была только вода, не было видно земли, она находилась глубоко под водой. Однако на воде все же плавал торфяной клочок (тунра сяхыл), и на нем размещался домик. В нем жили муж и жена; откуда они появились, не отмечается. В одном варианте сказания говорится, что у этих мужа и жены была гагара и другая водоплавающая птица, называемая лұлы. Эта птица лұлы по просьбе мужа и жены, плавающих на торфяном клочке земли, с большим трудом достает из-под воды на клюве крохотный кусок земли, прикрепляет ее на уголок домика.

В другом же варианте сказания говорится, что гагара и лұлы – железные птицы, появляются они с Верхнего Мира. Лұлы достает землю. Земля постепенно начинает расти и растет кругом так, как расширяются волны от упавшего в воду предмета, а "она все вращается вокруг" (аквмус ёңхи). О круглой форме Земли, о ее росте и вращении, жене и мужу все докладывает белый ворон "их внук" Однажды он

долго не возвращался с разведки, проверяя окружность Земли – Земля стала большая, выросла. Во время долгого пути ворон проголодался, пищи нет, но нашел человеческий труп (где-то тоже есть люди), и он попробовал оттуда три крошечных кусочка, стал черным.

Земные дед и бабушка выразили недовольство этим поступком ворона и присудили ему навсегда остаться черным...

Земля первоначально была гладкая, неустойчивая, легкая и шаталась. Однажды она семь дней грохотала, появились каменные горы, тогда Земля укрепилась, больше не шаталась.

Представления манси

о происхождении человека, растений и животных

В мифе о происхождении Земли присутствуют муж и жена. Откуда они появились на торфяном клочке земли, плавающей по воде, в сказании не отмечается и не говорится о том, были или нет у этих людей мать и отец, сын же у них появляется, рождается.

В другом мифе говорится, что люди – это дети Торума Бога, в образе человека, живущего на Небе, в верхнем мире. А как он там оказался и как возник, не сказано, просто говорят, что там всегда было так, как есть теперь, о подробностях того Верхнего мира манси не высказывают ничего. Они говорят лишь, что на небе живет Тõрум 'Бог', у него были дети, сыновья и дочь. Дети выросли и начали оспаривать мнение отца. Однажды отец рассердился на них и спустил их в серебряной люльке на Землю, на остров. Вокруг него незамерзаемая вода. Отец сказал: "Если вы действительно умны, спасетесь, выберетесь с острова, если же вы глупы, погибнете там." Дети его не погибли. Младший брат Тõк õтыр выручил всех четырех братьев и сестру (см. ниже "Сведения о культуре предков, духов-покровителей").

В третьем сказании говорится, что дочь Нуми Торума посмотрела вниз, Земля кажется ей сверху красивой, гладкой. Со слезами она настояла, чтобы ее спустили вниз. Отец спу-

стил ее в серебряной люльке на Землю. Однако, Земля оказалась действительно покрытой болотами, густыми чащами черемухи и шиповника, о чем ее предупреждал отец. Она, дочь Нуми Торума, не выдержала муки бродячей жизни на Земле по болотам и чащобам шиповника и превратилась в конце концов в медведицу (об этом см. ниже).

В представлении манси первым деревом на Земле был кедр. Он вырос на клочке земли за домиком первых Земных мужа и жены, которых носило туда сюда от ветра на торфяном клочке по водному простору (см. Приложение №1).

Рыбы обитали в воде, муж и жена торфяного клочка ими питались. Муж их добывал через порог, не выходя из своего дома.

Из птиц у этих мужа и жены, как отмечалось выше, были гагара и лўлы, и был белый ворон. О других существах в первой половине священного сказания о "Возникновении Земли" нет речи. Позднее же в сказании появляются лошади, овцы, коровы, змеи и прочие существа. (В одном из преданий говорится, что "сама Земля породила всякие пакости" – Мā такви тѣлтум сясянэ).

Мансийские предания отмечают, если нет Солнца и Луны, нет жизни, без них "Небо и Земля перевернутся" (Тѳрм-мā сбсхаты). Солнце и Луна – главный источник жизни, их отсутствие губельно.

Легенда о происхождении медведя¹

1. Жила-была женщина, у нее был сын, воспитывала она его без отца. Однажды собрались мальчишки и начали играть. Через некоторое время они (товарищи по игре) стали избегать сына той женщины, стали бояться его! Мальчик в недоумении. Обратил он внимание на себя и что же видит: руки мохнатые, покрытые шерстью! Пальцы, оказывается, превратились в большие, длинные когти. Обратил внимание на тело – оно тоже стало мохматым! Подойдет к одному дому,

1 Запись Ромбандеевой Е.И. сделана в 1958 г. от Овесова Егора Семеновича, родом он из сказителей, родился в 1911 году в деревне Хошлог Березовского района Тюменской области.

к другому дому, собаки лают, набрасываются на него. В конце концов, он вынужден был отправиться в лес. Мать мальчика взяла в руки русскую шапку и ремень, покрытый серебряными пуговицами, и пошла вслед за сыном. Идет и уговаривает его: "Сыночек, сыночек, не уходи, не покидай меня. Прежде я тебя не для того растила с большим трудом, чтобы ты покидал меня; собирала у людей косточки и плавнички рыб, кормила тебя не для того, чтобы ты покидал меня."

Сын очень рассердился на мать и сказал: "Оставь меня в покое, а то вернусь и разорву тебя на куски!"

И все же потом он сжалился, повернулся к матери, подошел к ней. Мать обняла его, целовала, миловала. Затем она надела ему на голову русскую шапку, надела ремень с серебром, что взяла с собой и сказала: "Эта русская шапка и этот серебром украшенный ремень пусть будут священными. Женщина к ним не должна прикасаться. Пусть одна твоя половина тела будет доступна только женщине, а другая половина тела будет принадлежать мужчине."

После этих слов мать снова обняла сына, снова целовала, миловала его, а затем отпустила его на волю, в лес.

Сын этой женщины ушел от матери, от людей. Шагая по чащам, покрытым кустами черемухи, по чащам, покрытым шиповником, превратился он в медведя.

До сих пор люди придерживаются заповеди этой женщины из легенды: убьют в лесу медведя, в первую очередь отделяют от тела священную его шапку, "расстегивают" священный ремень, т.е. делают разрез шкуры его у пупка. Привозят его домой – женщины подходят целовать медведя с правой стороны, а мужчины целуют медведя с левой стороны, с сердечной, – это мужская сторона медведя.

Охотники говорят, что освежеванный медведь походит на голое тело человека: у медведя лишь конечности значительно короче, чем у человека, и голова (аватэ) отличается. Некоторыми повадками медведь тоже походит на человека. Например: начнут донимать медведя комары – соберет он трухлявые гнилушки, получится как-будто дымок. Или найдет в лесу расщепленный пень, начнет играть, забавлять-

ся дрожащим звуком, словно он человек (комментарий информанта). Ведь первоначально медведь произошел от человека. Поэтому мы его называем а́псикве 'младший братик'. Если он в лесу встретится и идет к тебе навстречу, то следует ему сказать: "Какое корыто ты с костями поставил тут? Поэтому ты идешь ко мне навстречу!" И вот он тут сам напугается, быстро повернется и уйдет прочь от тебя.

Вот такой он и есть, понимает человеческую речь – комментарии информанта.

II. Живет Нуми Тõрум на небе, у него дети... Дочь его просится на землю. Земля сверху кажется гладкой, красивой, как ковер, ей захотелось погулять по ней. В конце концов, отец сажает дочь в серебряную люльку и постепенно (с испытаниями) опускает ее на землю. Земля, оказывается, покрыта густой чащей, болотами, густыми зарослями шиповника, черемухи. Дочь небесной силы не выдерживает мук на Земле, превращается в медведицу, идет бродить по лесам, болотам и добывать себе пищу...

Люди при определенных условиях озвереваяют. Не эта ли идея здесь заложена?!

III. Дочь Нёр õйки превращает одного надоедливого жениха в медведя. Это уже пример того, как волшебная сила девушки "превращает" человека в зверя.

Приведенные выше мансийские предания не наводят ли на мысль о космическом происхождении человека на Земле.

Итак, в священном сказе о "Возникновении земли" отмечается, что: а) первоосновой жизни является вода, на воде все растет, в том числе сама земля; б) человек возник еще до появления земли на планете Земля; в) землю из-под воды достала небесная крылатая птица лўлы; земля росла на воде вкруговую и вращалась; г) первым деревом на появившейся земле был кедр, выросший на ней; д) первым деятельным лицом у истока жизни на Земле была женщина. Мужчина же сидел дома и через порог добывал рыбу (домик их стоял на торфяном клочке, и его носило по воде ветром то в одну, то в другую сторону); е) у мужа и жены был также белый

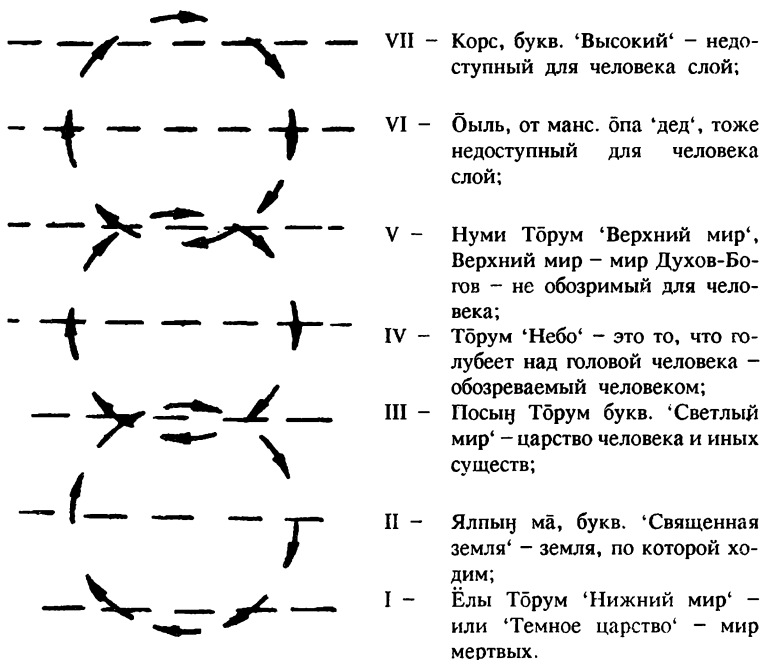
ворон, каким образом он появился на свет, не сказано ничего в мифе (см. Приложение №1).

Слои жизненного пространства в представлении манси

В представлении манси жизнедеятельное пространство окружающего мира состоит из семи слоев, или этажей. По нашим данным они следующие: 1) Ёлы тōрум 'нижнее царство' или 'нижний мир' – там обитают в основном недружелюбные человеку существа или духи "обратного мира", причиняющие, как правило, болезни, неприятности людям; 2) Ялпын м̄а 'священная земля' или слой, на котором держится жизнь; на нем будущее жизни, сила жизни (ōлн ёр, букв. 'сила жизни'); 3) М̄а ӯнлуп, ӯнлуп тōрум или посы̄н тōрум 'земное царство' – это все то, что обитает на земле, все то, что существует на виду и не видимо для глаз простых людей. Они прячутся от людского глаза за тоненьким слоем бересты (с̄ас халюп с̄айт ѓлнэ м̄ахум) – пространство от Земли до голубого Неба; 4) Тōрум 'Небо' – голубое пространство над землей; 5) Нуми Тōрум – это мир над небесным куполом, что голубеет над нами; это тот слой, на котором держится жизнь духов или людей верхнего мира, в том числе Бога и его детей; оттуда хорошо просматривается наша земля, однако она кажется оттуда совсем гладкой и пестро-красивой; 6) Ōпыль – это верхний слой жизненного пространства над Нуми Тōрумом (термин ѓпыль восходит к манс. ѓпа 'дед по отцу', т.е. по отцовской линии); 7) Корс>Карс, букв. 'Высокий'. Там обитают всемогущие силы, всевидящие силы, не занятые земной жизнью повседневно, но при сильной беде людям можно обратиться к ним с словесной мольбой о помощи. Их символы не изображаются, они не видимы, неизобразимы. Молебных мест, посвященных им, у манси нет в природе.

Связь между слоями жизненного пространства

Манси выделяют, как отмечалось выше, семислойное жизненное пространство (сӓт нак лӓблит ялпын тӓрум), признают и определенную связь между ними. Изобразим это схематически:

Как видно из схемы, во-первых, круговой цикл существует между Первым — Нижним миром и Третьим — Светлым миром, включая в этот цикл и промежуточный Второй мир — Священную землю.

Во-вторых, круговой цикл признается между Третьим — Светлым миром и Пятым — Верхним миром, включая в свой цикл и промежуточный Четвертый — Небо.

В-третьих, связь существует между Пятым — Верхним миром и Шестым — Ёпыль, а также Седьмым — Корс. Эта связь

жизненных слоев человеку недоступна. Человеческий контакт доходит только до Пятого мира – Верхнего мира или мира Духов-Богов. Человек с Шестым и Седьмым мирами связан опосредствованно через Пятый мир, т.е. через Нуми Тõрума, причем очень слабо, как отмечают информанты.

О силе Солнца и Луны

В одном из преданий говорится, что Мосьнэ по совету Порнэ¹ снимает с Неба Солнце и Луну и заносит в дом, прикрепляет их у своих нар, где она занимает место в доме. Ее свекор Ёсын õтыр õйка выходит на улицу – полный мрак, туда ткнется, сюда ткнется, нет пути, нет жизни...

Следует отметить, что во всех текстах мансийского устного народного творчества Солнце, Луна, Огонь да и вся природа – это как живые существа. У них есть так же, как и у людей, глаза, уши и все прочее. У них есть дети. На дочерях Луны, Солнца... женится мансийский сверхмудрый сказочный герой Эква пьгрись (см. священный миф о "Возникновении Земли").

Звезды

В мировоззрении манси звезды на небе не безлики. На небесном куполе столько звезд, сколько людей на земле. Родился человек – появляется на небе новая звезда. Если он в жизни будет значимым, выдающимся, то его звезда на небе горит ярко. Умер человек – его звезда скатывается с неба. Падение звезд с неба очень зримо в зимние ясные, морозные вечера. Выходишь на улицу в такие вечера и видишь, как скатываются звезды с небосклона, на мгновение оставляя за собой шлейф – светлую дорожку. У манси уход звезд с неба вызывает печаль: кто-то уходит из жизни. Видевший падающую звезду манси обязательно плюнет в ту сторону и при этом скажет: "ТЬфу, наң ёлыл, ам нумыл! 'ТЬфу, ты внизу, а я вверху!' Что значит: плюнувший в ту сторону человек

1 Со слов одного из моих информантов Е.С.Овесова Порнэ – это дочь Небесной силы (Тõрум аги). А что это значит, он не объяснил мне.

не желает умереть: пусть он видел сейчас не свою падающую звезду. Кроме людей, на небе отразились звери, птицы, предметы быта, культуры и орудия труда. Так, Мбсьхум ёсаң лѣх 'Лыжня Мосьхума' – это Млечный путь. Мосьхум проложил эту лыжню в то время, когда он гнался за шестиконечным священным лосем с южного конца горы до северного конца ее. Тут он достигает священного лося и отрубает его задние две конечности (см. об этом более подробно ниже, на стр. 40). Янгуй 'Лось' – это 'Большая медведица', Пупак-ве 'Медведь' – это Малая медведица, Мбсьнэ колтāгыл 'Семья женщины Мосьнэ' – это 'Полярная корона', Мбсьнэ силың сāмп тōр 'Платок с бубенчиками на четырех его углах женщины Мосьнэ', астрономическое его название нам неизвестно. Тāрыг 'Журавль', Нāпар 'Сверло', Ёвт 'Лук' и т.д. Для манси звезды служат ориентиром во времени и пространстве. По звездам ночью они определяют направления четырех сторон света: лӯи 'север', алы 'юг', холы 'восток', нѣрпал 'запад'. По звездам манси ориентируются во времени суток в ночное время. Главным образом по тому, в каком положении находится фигура ковша Большая медведица (или 'Лось' – по-мансийски) по отношению предметов ориентира на Земле.

История народа манси по данным фольклора

У манси, как отмѣчалось выше, до 30 годов XX столетия не было письменности, следовательно, у них не было и летописной истории. О прошлом народа манси мы узнаем через его устное творчество.

Легенды, предания и сказания – богатство устного народного творчества – в своей основе отражают то или иное событие, они созданы народом на основе реальных фактов, происходивших в далеком прошлом. Фольклорные данные нередко оказываются единственными источниками знаний о прошлом народа, лишенного зафиксированной истории и летописной традиции.

Изучение фольклорного материала народа манси приобретает особую важность еще потому, что он дает нам до-

полнительные фактические данные в определении некоторых лингвистических явлений, например, топонимов.

Тематические жанры мансийского фольклора и характер их исполнения¹

Мансийский язык относится к числу младописьменных. Письменность была создана в 30-х годах XX в. В настоящее время издается литература на родном языке для первых 4-х классов мансийских школ. Оригинальной литературы на родном языке нет (кроме "Нюлы эрыг" Ю.Шесталова, Свердловск, 1984 г., 193с., Макем ат. Х.-Мансийск, 1958, 43 с.; Мәнси павыл няврамытн. Л. 1960, 37; Суй. Свердловск, 1978, 61 с.) Однако это совсем не значит, что у манси в прошлом не было поэтов, не было творчества. Манси обладают богатейшим устным народным творчеством. Впервые произведения фольклора были зафиксированы венгерскими и финскими учеными, начиная с середины прошлого столетия. Среди них имеются 1) мифические сказания (мә унтум ялпың мөйтыт); 2) героические песни, сказания (Эрг-өтырт йис потырыт, ляңхыт); 3) призывные песни, посвященные духам-предкам (кәстыл латың); клятвенные речи (нюлтыл), заклинания (сәтыл ләтың). Все они имеют обрядовую значимость; 4) песни, посвященные воспеванию медведя, сильному зверю, хозяину леса (уй эргыт). Это тоже обрядовые песни; 5) сатирические, юмористические песни (тұлыглап эргыт), которые исполняются только на медвежьем празднике; 6) лирические песни или "песни судьбы", как их называет Б.Мункачи, (эргыт), прославляющие человека; 7) сказки (мөйтыт). В них отражена вся прошлая жизнь народа; это могут быть пересказы о героических делах предков или обучение людей мудрости на охоте, о нравах людей, обычаях и обрядах, о животном мире; 8) детские сказки (няврам мөйтыт), особого рода произведения, знакомящие детей с действительностью окружающего мира, с взаимо-

¹ "Жанровое" распределение мансийского фольклорного материала нами представлено здесь в том плане, в каком народ пользовался своим богатством устного творчества в жизненной необходимости.

связью явлений природы на простых примерах, на четком, понятном языке; 9) множество загадок (āмысь), в которых отражен весь окружающий мир; загадки о животных, рыбах, растениях, земле, человеку и его духовном мире; 10) пословицы и поговорки (ханисьтап лātңыт-потрыт); 11) нравоучения и запреты (ялпың, рōвтāлут хўлтуп), сводимые в итоге к сохранению здоровья человека, продолжению человеческого рода, охране окружающей среды.

Каждый жанр устного народного творчества имеет свой художественный стиль изложения и исполняется при определенных, ограниченных условиях, продиктованных обычаями народа, его жизненной потребностью.

1. Мифы – это народное мировоззрение о возникновении земли и жизни на земле (о людях, о животном и растительном мире). В мифе отражена как бы степень "образованности" народа, его восприятие окружающего мира. Сущность мифа – рассказ о прошлом. Мифы сочинены в прозе, очень складным языком. Они исполняются редко и с определенной подготовкой, и их знают немногие люди. Мифы исполняются не один день. Рассказчика за два-три дня до сбора людей просят согласиться рассказать о том, как возникла Земля, как установилась жизнь на Земле. Собираются люди в большом доме, почтенные мужчины занимают переднюю часть дома, рядом с рассказчиком; женщины и дети занимают места, оставшиеся от стариков. Разводится костер в очаге, поджигается чага, кладется в чашечку или в баночку и ставится в передний угол на полку, обязательно кладется на стол нож. Все это делается при полном молчании присутствующих людей. Возможно, все это проводится для подготовки психики людей, чтобы их настроить к восприятию рассказа, сосредоточить их внимание. Рассказчик сидит на самом почетном месте, в переднем углу. Сказитель начинает речь, все присутствующие молчат. Маленьких детей среди слушателей нет, чтобы они не нарушали тишину.

Долго ли говорит Сказитель, коротко ли говорит Сказитель, делает знак ведущему, как бы своему помощнику. Тот встает и говорит, причем очень вежливо: "Дорогие жен-

щины, рассказ дошел до священного места, вам дальше слушать нельзя, вы идите, занимайтесь своими делами" Все женщины без единого возражения встают и говорят: "Я-та, минитёв, кональ патталахтэв" 'Ну-ка выйдем-ка, выберемся на свежий воздух'. Спокойно, без суеты выходят женщины. А на улице они говорят и задают друг другу вопросы: "О чем же дальше говорится?..."

В другом мифе сообщается, что люди – это дети Торума в образе человека, живущего на небе. А как он там оказался и как возник, ничего не говорится, предполагается, что там всегда было так, как есть теперь.

2. Героические песни, сказания – это исторические обрядовые произведения. Они сочинены в стихах и прозе. Часть из них относится к обрядовым произведениям, другие называются, как воспоминание о прошлом предков. Это делается иногда на медвежьем празднике. Они, не называя точные даты, отражают исторически реальное прошлое существовавших некогда лиц; воспоминания о них, жизненный опыт их и наблюдения передаются в виде типических образов, которые, как справедливо отмечает "Эстонский фольклор" (1980, с.273), "с целью их заострения дополнительно наделяются и фантастическими штрихами" О времени таких событий иногда устанавливаем по косвенным данным, например, предание о товлың пәсыт. В нем отражено событие, происходившее после основания крепости Березов на Сосьве, а предание о Хõнт тõрум õйка – более раннее событие, в нем отражен рассказ о походе нёртапал сят виклың в места расселения манси на Сыгве и их поражении за деревней Мувьңтес, на болотистых местах притока Сыгвы – Сбрахте (от манс. сõрга ахта 'Питательная (рыбная) речка').

3. Призывные песни – это обрядовые произведения, сочинены в стихах. Их исполняют при строгом соблюдении требований и только определенные, посвятившие себя этому делу люди (нййт хõтпа). Каждая песня посвящена определенному духу-предку и имеет свою мелодию. Этот обряд проводится при необходимости и в присутствии людей, нуждающихся в помощи со стороны духа-предка. В эту же

группу следует включить тексты клятвопринижения, а также заклинания.

4. Медвежьи песни – это обрядовые произведения. Они изложены в стихах. Исполняются перед началом представления на медвежьем празднике. Если это медведица, то перед ней становятся четыре человека, взявшись за мизинец, одевшись в шелковые халаты и надев на головы шапки с острыми концами, качают руками в такт пения. Перед медведем ставят чашки с угощениями и блюдо с дымящейся чагой. Если медведь мужского пола, то исполняется пять песен, все песни длинные. Для детского внимания они утомительные, и ходить при исполнении их нельзя! Певцы заканчивают песню, делают поворот по часовой стрелке и произносят какие-то междоментные слова..., снимают халаты (халат на одной завязке), головные уборы, угощаются тут же, а затем начинается представление артистов с берестяными масками. Сказки же о медведе сочинены прозой.

5. Сатирические, юмористические песни, высмеивающие недостатки людей, исполняются только во время медвежьего праздника. Их содержание предназначено для того, чтобы изжить недостатки людей, они адресованы всем присутствующим, их критика касается всех. Они предупреждают, если кто-либо нарушит общепринятые нормы поведения, то будет представлен на посмешище всех зрителей. Вот так остерегают людей от зла и воспитывают их хорошим нравом. Сатирические песни, не называя имени нарушителя, так метко и реально критикуют людей, что виновные обязательно узнают себя, они не должны обижаться на артистов, иначе "медведь может наказать их" за то, что не принимают критику и не исправляются.

Язык всех названных выше жанров своеобразный, употребляются особые архаичные слова, своеобразные синтаксические обороты, иногда – устаревшие формы.

6. Лирические песни. Они поются в течение всего года при хорошем и плохом настроении, во время отдыха и труда. Они изложены в стихах. Сочиняются людьми о себе или о

других, они могут быть и серьезные и шуточные, и насмешливые.

В песнях о себе, о других и об окружающем мире, в песнях судьбы люди излагают свои сегодняшние мысли, желания, надежды, прославляют ум и силу человека, иногда осмеивают его слабости, лень, поют о любви и грусти, вызванной несбывшейся мечтой. Такие песни широко не оглашаются самими сочинителями, сокровенно скрываются от других людей, гласными они становятся случайно. В принципе каждый манси стремится сочинить песню о себе. О маленьких же детях сочиняют песни их матери. В них содержится мечта матери о будущем своего ребенка. Эти песни тоже широко не оглашаются. Песни о судьбе людей поются и после смерти человека и сохраняются как память о нем, о его делах.

7. Сказки сочинены прозой и посвящены самой различной тематике жизни. В них отражена вся жизнь народа со всеми ее радостями и горестями, мудростями и оплошностями, умение вести борьбу с суровой окружающей природой.

Сказки имеют сезонный характер исполнения. Их можно рассказывать только зимой, приблизительно с середины ноября, до середины марта. В это время на улице большие морозы, дети, женщины и пожилые люди находятся дома, дни короткие, ночи долгие. И каким-то образом надо скоротать время в долгие зимние вечера. В прошлом было принято в такие вечера собираться вместе в определенном доме (в каждой деревне были такие признанные дома). В нашей деревне, где было приблизительно 20 домов, кроме нашего дома, имелось еще два – дом Сайнахова Антипа Осиповича и Ромбандеева Петра (отчества его я не знаю, погиб он в 1938 г., в народе его называли Пётрав бйка или просто Сорт бйка, букв. 'Щука мужчина', его прабабушка была привезена из Средней Сосьвы, из местечка, где добывали много шук) В доме Сорт бйка собирались в основном мужчины. В этом доме, вероятно, тоже было очень интересно слушать мастеров-сказителей. Хозяин этого дома знал миф о возникновении земли и установлении жизни на земле. Мой отец,

Ромбандеев Иван Петрович, знал эту сказку, через этого старика – своего двоюродного брата Пётрав Ёйка.

В доме Сайнахова Антипа Осиповича собирались подростки, он умел играть на сѣнквылтапе, рассказывать сказки, петь. А позднее его дом был заменен домом Овесова Егора Семеновича – это был великий народный талант шутить, играть на санквылтапе, петь, плясать, острить по-доброму и весело.

Женщины любили собираться в нашем доме. Мама моя, Ромбандеева Мария Дмитриевна, была большая мастерица, по вечерам всегда шила, кроила. Собирались к ней другие женщины, брали с собой свои такие же работы – шитье, выделку шкур и т.д. Женщины для мужей-охотников, для всей семьи чинили старую или шили новую обувь, одежду в зимние долгие вечера перед слабым светом огня нѣйсан. Это берестяная чашечка с жидким рыбьим жиром, в него опускали туго накрученный шнур из волокон крапивы, пропитанный жиром и подожженный с конца. Перед этим слабым огоньком сидели женщины, шили или занимались кройкой шкурок для обуви, одежды. Иные же женщины накручивали жилы-нитки из сухожилий оленя. Это очень милое, дружное собрание женщин, остроумных и веселых. Я до сих пор слышу их звонкий смех, вижу добрые и нежные улыбки, ласковые лица...

На таких сборах обязательно присутствовали дети – девочки и маленькие мальчики. Они никогда не мешали матери, не плакали, не прыгали, не кричали, а прижимались как можно ближе к взрослым и оказывались в прекрасном мире сказок. Обычно на таких вечеринках сначала рассказывали детские сказки, затем сказки для взрослых. Моя мама знала очень много сказок, очень много древних сказов (пѣс потыр), случаев из жизни древних и современных людей, далеких и близких. Она в молодости с отцом, со всей семьей выезжала на Обь заготавливать на долгую зиму сушеной рыбы, рыбий жир на еду и на освещение в темные зимние вечера. С моим отцом они даже ездили в город Ивдель (от мансийского ивтал>йивтѣл 'Безлесный') или Сапса 'Шапша', что

значит "Запасливый", т.е. город с запасами. В прошлом он был обменным пунктом между манси, ханты – с одной стороны, и русскими, коми – с другой. Северные манси в этот город с запасами товаров увозили пушнину, мерзлую свежую рыбу (из Конды и Оби тоже приезжали туда, они – на лошадях, а северные – на оленях). Там свою пушнину обменивали на муку, сахар, на хозяйственные товары, привозили и самогон в больших бутылках. О всех этих поездках мама рассказывала другим подругам-слушательницам. А те в свою очередь рассказывали все, что они видели и слышали в жизни. Бывали у них и забавные истории, тяжелые случаи. Все это очень интересно и интересно было слушать и познавать нам – детям. Многие из женщин были большие шутницы, говоруньи, мудрые рассказчицы. Как говорится: "Хоть хлебом не корми, только дай поговорить" Моя мама была одна из таких. Прожила она 92 года, сохранила до последних дней ясный, светлый ум, возможно, потому, что она все время тренировала память воспоминаниями, сказками. Наш дом всегда был как мастерская, как помещение для рассказов всего того, что знает человек из прошлой или настоящей жизни.

Сказки нельзя рассказывать весной, летом, осенью, когда ворона еще не улетела из тех мест, где живут манси. Если кто-либо нарушит этот запрет, то его голова покроется паршой (говорили: ворона нагадила на его голову). В действительности, дело, по-видимому, не в вороне, а в том, что весной, когда становится тепло, дни становятся длиннее, прилетает ворона. Начинаются весенние работы: заготовка весенних и летних ловушек, нет времени слушать сказки. Но для того, чтобы заставить отказаться от развлекательных занятий – слушания талантливого сказителя – мудрый манси придумал строгое наказание нарушителю установленных норм – голову покрыть паршой! Известно, люди по своей природе стремятся противиться запретам, ограничениям. Вот и придумали "покрыть" голову нарушителя запрета трудно-излечимой болезнью – паршой. Вот так в рабочее время вы-

нуждают людей отказаться от радостных и увлекательных вечеров сказок.

Сказки по содержанию излагаются, как правило, хронологически последовательно и имеют варианты в том плане, насколько живой и образный язык самого сказителя, насколько развито его воображение, кругозор, восприятие красок природы и явлений. Сказки могут рассказывать как старые, так и молодые, как женщины, так и мужчины. Сказки слушают все внимательно. По ходу изложения сказки могут вставляться какие-либо одобрительные слова, вроде: тый 'вот как', ёлас тэстэ 'вот так ему и надо!' и т.д. Словом, дают понять, что все слушают внимательно, понимают суть текста.

Сказки любят все, поэтому всякими путями находят причину выявления рассказчика сказок. Так, например, если человек съест заячью голову, то он должен рассказать семь сказок. Зимой много ловили зайцев петлями. Когда едят заячье мясо, приглашают знатоков сказок и кладут перед ним "почетный кусок" – голову зайца. Этот обычай особенно любили подростки. На мясо ими добытого зайца приглашали всеми уважаемых в деревне почетных дедов или бабушек, которые по старости не могли сами петлями добывать зайцев. Слух о том, кто начнет рассказывать сказку в тот или иной вечер, быстро расходитя по деревне, и к вечеру желающие слушать сказки быстро заполняют дом. Таким сказителем иногда бывает приезжий гость из другой деревни. Вечера сказок долгие, если устанет один сказитель, начинает рассказывать другой. Иногда просят подростка пересказать сказку, которую они прослушали недавно на таком вечере сказок. Так выявляют новых и будущих сказителей.

8. Детские сказки обычно рассказывают женщины-матери или старые бабушки. В нашей деревне жила мисиң Эква, букв. 'коровная женщина'. Она была слепая, но сказок знала удивительно много. Такими же мастерами-сказителями были и три ее сына: Юван, Сэман и Ёхыр. Последний умел играть и на струнном инструменте.

Детские сказки мы выделяем в особую группу, так как они существенно отличаются от сказок для взрослых. В них

объективная истина излагается как бы в миниатюре, нет примеси волшебства.

Летом детские сказки тоже запрещается исполнять. Мужчины неустанно день и ночь на рыбалке, женщины и старики из пойманной рыбы делают заготовки на зиму, дети помогают взрослым. Нет времени заниматься сказками. Но зато песни, шутки, ловкость человека и добрая хитрость ума действует круглый год.

Кто нарушит запрет сказок в летнее время, будет наказан... Дети, подростки искренне верят в это предупреждение и не рассказывают сказок сами и не просят других.

В детских сказках, читалках говорится об окружающем мире детей правдиво и только правдиво. Детей не нужно вводить в заблуждение, они должны познавать суровый окружающий мир таким, каким он есть. В детских сказках нет фантазий, в них о земле, о воде, о ветре и зверях, о явлениях природы и их взаимосвязи говорится прямо, кратко, просто. В конце или по ходу обязательно прилагается нравоучительный вывод сказки (см., например, очень древнюю сказку *А́кврись-а́кврись*) для 3-х – 4-х летних детей. В ней говорится, что огонь опасен для леса, но вода сильнее огня... земля пропитывает воду, но землю разрушает чудище виткась. Однако его могут убить мальчишки, вооруженные луком и стрелой, а мальчишки (люди) могут провалиться под тонкий лед *Эт хулум янк*, солнце может расплавить лед, тучи закрывают солнце, ветер гонит их и т.д. Малыш – дитя природы – должен знать все это, видеть, наблюдать, думать... Детские сказки по форме очень простые, в них названия одних и тех же предметов повторяются циклично, с небольшими последовательными изменениями, например, "*Мāтāпрись мōйт*" и другие. Дети такие сказки очень легко запоминают и рассказывают друг другу сами.

Язык сказок краток, четок, ясен, предложения простые. В них, в отличие от сказок для взрослых, применяется диалог. Сила маленького существа – это его разум, его хитрость. Они могут победить большую силу, они помогают раздобыть

себе пищу, прокормить и других (например, Пулакве ос кусяр, Мātāпрись ос хār бйка).

Детские сказки почти все нравоучительны: не будь ленив (лень и нужда – это братья, в мансийском языке они обозначаются одним термином сав), будь внимателен, чтобы "ту-чаң" собака не унесла. Учись на примере других людей и зверей – это твои враги, если ты глуп, это твои друзья, если ты умный...

Вот так было у манси, и все это так или иначе отражено в устном народном творчестве народа, не имевшего письменности, но сумевшего создать свой мир поэзии в надежде развить свой разум, свою мудрость в лесах дремучей тайги, в высотах необъятных гор, один на один в борьбе с суровой природой.

Отражение исторических формаций в фольклоре народа манси

В мансийских фольклорных текстах в какой-то мере отразились основные формы первобытно-общинного строя: матриархата, где ведущую роль в жизни играла женщина, и патриархата, в котором главенствующая роль стала принадлежать мужчине.

Древние и современные способы создания семьи

В древних сказках народа манси сохранились сведения о том, что в жизни людей семья создавалась различными путями. Древние сказки представляют нам следующие способы создания семьи:

1. Молодой женщине (девушке) помогает приобрести мужа пожилая, умудренная опытом бабушка, повидавшая жизнь. Доброй, внимательной, сердечной девушке она нарекает мастерового, жизнеспособного мужа, а недоброй и неучливой девушке – злого мужчину, с которым не будет и жизни.

В эту эпоху женщина находила себе мужа и приводила его в свой дом. Молодой помогает пожилая. В таких про-

изведениях отражена явная эпоха матриархата (см. Приложение №3 Мосьнэг, Порнэг сэмл уйыг выгр уйыг).

II. Девушка, предупредив родителей, отправляется искать себе мужа, находит мужчину-охотника, поселяется в его доме, но мужчина испытывает ее человеческие качества: послушность, честность. Если она оказалась послушной, честной и заботливой, создается семья. Если же девушка оказалась непослушной, не выполняет советы мужа, она по своей вине погибает; семья не получается (см. Приложение №4, сказание о дочерях "Касыр Экваг бйаг").

III. Третий способ создания семьи заключается в том, что более мудрому юноше достается в жены лучшая девушка, как бы "случайно", путем запуска стрелы юношей и выбора ее девушкой. Кто из девушек берет запущенную юношей стрелу, та и достается ему, становится его женой. Лучшей считается та, которая более нарядно одета, умеет шить себе красивую, удобную одежду – значит, она мастерица. А также та, которая обладает нравственными качествами – честностью, добротой, скромностью, чуткостью. Это как норма, и этот принцип строго прослеживается в фольклоре народа манси (нар. сказание о дочери мужа и жены Касыр, сказание о сыновьях "Усың бтыр бйки и Тбнтон бйки" и другие, см. Приложение №6).

В приведенных выше во II и III способах создания семьи отражен явно переходный период от матриархата к патриархату.

IV. Четвертый, более поздний способ создания семьи – это тот, когда мужчина (юноша) приобретает себе жену посредством ловкости, хитрости, воровства (например, "Эква пыгрис" обманном путем приобрел себе несколько жен, см. Приложение №1). В этом сказании отражается явная эпоха патриархата, проявление силы, мудрости мужчины в создании семьи и в продолжении человеческого рода.

V. Пятый способ создания семьи, отраженный в фольклоре и сохраняющийся до сих пор, – это так называемое сватовство, приобретение жены посредством купли-продажи и получение приданого вместе с женой, которую приобрел

мужчина. Этот способ создания семьи отражает ту эпоху, когда люди стали более состоятельными, когда появилась возможность купить и продать девушку, но ни в коем случае не юношу (см. ниже "Свадебный обряд").

VI. Существует и шестой способ создания семьи, как бы "тайный": лесная миснэ берет в мужья юношу или мужчину, уводит к себе, он пропадает для человеческого мира или живет среди людей, но тайно живет с той. Это происходит, ли миснэ пожелает соединить свою судьбу с манси хум, то она предстает перед ним в образе необычной женщины: одна нога ее лосиная. Мужчина, заметив это, должен решить для себя, согласен ли он жить с необычной женщиной в супружеской жизни. Если не желает, то он скажет ей, чтобы она не садилась на его нарту или лодку. Но она за отказ может ему отомстить смертью или иным несчастьем.

Следует отметить, что при матриархате и патриархате, при всех пяти способах создания семьи происходит выбор мужа (в раннюю стадию) и жены (позднее) по деловым, душевным и моральным качествам человека. Ни в одном из сказаний мы не наблюдаем выбор жены и мужа, т.е. создание семьи по признакам Мбсь или Пор. Об их брачном смешении и продолжении человеческого рода нет преданий и сказаний!

На основе всего исследованного нами фольклорного материала о людях Мбсь и Пор мы приходим к выводу, что люди Мбсь и Пор – это не родо-племенные группы, а два этноса. Более того, не два, а было больше этносов. Во-первых, Пор Приуралья, т.е. европейской части Урала. Этот этнос был довольно высокоразвитый, обладал железом (тёр). Во-вторых, этнос Пор Зауралья, т.е. азиатской части Урала. Этот этнос был слаборазвитый. Он в хозяйстве пользовался лыковыми веревками и легко разбивающимися глиняными горшками, грубой одеждой, питался рыбой. В-третьих, этнос Мбсь Приуралья, т.е. европейской части Урала. Он пользовался в хозяйстве только деревянными и берестяными предметами. По данным преданий, Мбсь европейской части Урала, перевалив горы, попадает в азиатскую часть Урала. И тут происходит брачное смешение Мбсь людей с людьми

Мис м̄хума. Мис м̄хум – это уже четвертый этнос. По преданию, это весьма состоятельные люди. У них богатые стада оленей, шелка, сукна. Знают железо и медь. С помощью Мис м̄хума Мбсь на азиатской территории становится тоже состоятельным, появляется у Мбсь м̄хума мягкая, красивая одежда из меха, богатые стада оленей, сукно и шелк. Питаются они оленьим и лосиным мясом (мбсьхум снимает святой статус с лося вместе с тем, что он отрубает две задние – пятые и шестые конечности лося, см. об этом ниже Мбсьхум ёсаң л̄х 'Лыжня мосьхума' на стр.40). Таким образом, "дуальная экзогамия" З.П.Соколовой фольклорными данными народа манси не подтверждается¹

Ошибочность выводов в работе З.П.Соколовой, по-нашему мнению, объясняется двумя обстоятельствами: 1) автором работы использована методика анализа социальной организации Б.О.Долгих, примененная при изучении общественной организации кочующих по тундре людей, не приуроченных к определенной местности; 2) автор труда сведения, присущие какой-либо группе ханты, распространяет на всех обских угров (ханты и манси).

Не владея ни хантыйским, ни мансийским языками, не будучи носителем культуры, З.П.Соколова не берет во внимание или не замечает детали в укладе жизни наших народов. А ведь в любой исследовательской работе, тем более при изучении разных народов, необходимо брать во внимание порой малозаметные различия, которые могут подвести исследователя к неожиданным выводам.

Миграция манси

Достаточно достоверными сведениями о миграции манси можно назвать сказания о "Людах Мбсь и Пор", о "Млечном Пути на небе"², некоторые сведения из "Погребального об-

1 З.П.Соколова. Социальная организация ханты и манси в XVIII-XIX вв. Изд. Наука, М. 1983.

2 По фольклорным данным, предки манси двигались с юга на север, так, как тянется с юга на север Млечный путь, на мансийском языке он называется Мбсьхум ёсаң л̄х 'Лыжня мосьхума'

ряда" народа манси, показывающие путь на далекую прошлую родину предков манси, о "реке Печоре" и о "Священном молоке (воде)" В нем говорится об огненной воде, которая заливала всю сушу на некоторое время, и это половодье разнесло людей в разные уголки земли, например, из Саквья в Пашторы на Оби и т.д.

Предание о людях Мбсь и Пор

По древнему сказанию (Мбсь махум йис потыр) о своем прошлом, свою непрерывную историю манси помнят с того времени, как Мбсь и Пор жили в соседстве где-то на холмистых местах с редким лесом (места, напоминающие средний, южный Урал или Приуралье). Зимой выпадал снег, по-видимому, довольно глубокий, так как Мбсь махум надевали деревянные лыжи, чтобы не провалиться в снег, и собирали дрова, сухостой. Рядом с Мбсь махум жили Пор махум, которые пользовались, якобы, железными лыжами (тем самым подчеркивая, что эти два народа по экономическому уровню развития стояли на разных ступенях - Мбсь пользуется деревянными, берестяными предметами, Пор же - железными). Однако как те, так и другие жили в землянках - дочка Мбсьнэ легко забиралась на крышу дома Порнэ, и дымоход в их доме назывался "Сурум сунт", который мог быть только у землянки или легкого летнего домика из бересты. Если жилье Мбсь махума - землянка, то значит эти люди жили за пределами вечной мерзлоты, в более южных районах, чем теперь живут их потомки-манси. Мбсь махум пользовались деревянным гребнем, огонь добывали посредством най ахтвтас 'огнива', которыми выбивали огонь, осекая, и подкладывали таплак - выделанный мягкий, легко воспламеняющийся гриб-трутовик.

В это пору решающую роль в жизни играла женщина - была эпоха матриархата. В этом сказании мужчина присутствует лишь как младший братик.

Жили два народа Мбсь и Пор недружно. Порнэ сказителем представляется весьма агрессивной, злой, наделяется даже чертами людоедства. Порнэ преднамеренно убивает Мбсьнэ

своими железными лыжами при спуске с горы во время заготовки дров, привозит домой, кладет ее у очага... Дети Мбсьнэ тайно узнают о случившемся, убегают из этих неспокойных мест. Дочь Мбсьнэ сажает своего младшего братика в берестяной кузов, который носит на спине, берет с собой частый деревянный гребень, огниво и небольшой брусок — точильный камень. Порнэ обнаруживает их уход, начинает преследовать, вот-вот догонит детей Мбсьнэ. Те узнают об этом, и дочка Мбсьнэ бросает свой деревянный частый гребень, в результате чего образуется непроходимый густой лес за спиной убегающих... В этой чащобе, напоминающей непроходимую тайгу, Порнэ на некоторое время задержалась. Вскоре снова догоняет дочку и сына Мбсьнэ. На этот раз дочка Мбсьнэ бросает огниво, отчего образовался сильный пожар за спиной убегающих (манси свой огонь могут направить против врага, как разрушающую силу. Сила огня велика, манси его боятся, остерегаются, обращаются с ним осторожно, называют его ласково "тйк э́кв а́кув" букв. 'наша бабушка огонь' (тйка — название огня из детской речи). Порнэ задержалась из-за пожара, но вскоре снова показалась, бежит и догоняет детей Мбсьнэ. Местность редколесная, словно горелая (вероятно, имеются ввиду здесь лесотундровые места). Наконец, дочка Мбсьнэ бросила брусок, и за ее спиной образовались каменистые горы, такие ледяные, скользкие и гладкие, что за них нельзя зацепиться. Через эти горы трудно было перебраться Порнэ. Дети Мбсьнэ спаслись от преследования, оказавшись за теми горами. Сказитель при этом отмечает, что из-за того, что дочка Мбсьнэ бросила брусок, теперь на некоторых горах (на Урале) люди находят нужный для людей точильный камень. Сказитель явно намекает тем самым на Уральские горы, находящиеся поблизости от территории расселения манси.

В этой части сказа говорится о древних путях миграции Мбсь — предков манси.

На новой спокойной местности Мбсь ма́хум встречают добрых и состоятельных людей мис ма́хум. Места оказались

богатые ягодами, но болотистые, весьма напоминающие теперешнюю территорию проживания северных манси.

На новом месте Миснэ берет в мужья брата Мбсьнэ, подчеркиваем, женщина берет мужчину в дом. Не говорит ли это о матриархальном общественном укладе в этническом обществе Мис мӕхума? Далее в предании говорится, что дочь Мбсьнэ, потеряв брата, идет дальше одна, доходит до большой воды. В пределах этой местности оказались люди Пор. Судя по одежде и экономическому укладу – это новый этнос, но снова называемый Пор, как и оставшийся за горами Пор.¹

Приведенное выше предание весьма убедительно говорит о том, что смешение людей Пор и Мбсь не происходит ни здесь на новой территории, ни на пути их следования вдоль Урала на Север. Однако была попытка создать семью между Мбсь и Пор, но это намерение не осуществилось: Пор категорически не хотел этого, стремился уничтожить Мбсь мӕхума. (см. Приложение №5).

После того, как Мбсьнэ стала женой сына Ёсың бтыра, Порнэ стала женой Тбнтон бйки, они съездили к своим родным и вернулись в дома своих свекров с подарками от родных. Мбсьнэ привезла богатые подарки: шелка, сукна, пестрых и белых оленей, это редкостные масти даже в большом стаде. Люди Мбсь и Мис мӕхум питаются мясом. Порнэ же привезла скудные подарки - две породы озерной рыбы: карась и сорога. Родные этой Порнэ по общественному развитию стоят ниже, чем прежняя европейская Порнэ, а также по сравнению с родными пришлой Мбсьнэ. Следовательно, та Порнэ, которая осталась за Уралом, была представительницей более высоко развитого этноса, чем Порнэ, которая встретилась с Мбсьнэ на берегу большой реки или озера. Она у Мбсьнэ обманым путем отнимает нарядную меховую одежду, а той отдает свою, грубую, как кора хвойного дерева, одежду... Не говорит ли это о том, что азиатский Пор некогда перенял меховую одежду у Мбсь мӕхума. Азиатская Порнэ хорошо ориенти-

1 Термин Пор, по нашему мнению, восходит к слову пӕри 'посторонний' (народ). В слове пори' (рбчэ) конечный закрытый гласный переднего ряда э легко мог быть утрачен при частом употреблении зависимого слова как самостоятельного имени.

руется на местности. Она явно местная жительница и предлагает Мбсьнэ идти дальше вместе с ней в сторону городища Ёсың бтыр бйки и Тбнтон бйки.

Ёсың бтыр бйка и Тбнтон бйка, по данным предания – это аборигены, две этнические группы, причем жили они в городищах, пользовались луками и стрелами. В общественном развитии они стоят на разных уровнях: Ёсың бтыр бйка обладает железными вещами, медным котлом, а Тбнтон бйка пользуется глиняной посудой, которая легко бьется, лыковой веревкой, берестяной посудой.

Далее говорится, что Мбсьнэ угадывает в жены сыну Ёсың бтыр бйки, а Порнэ, как бы не хотела, но все же угадывает в жены сыну Тбнтон бйки (см. Приложение №1).

Таким образом, на этой азиатской территории происходит смешение Мбсь мэхума с двумя аборигенными этносами: с Мис мэхумом и с людьми Ёсың бтыр бйки.

Люди Пор азиатской территории совсем бедные, у них обломанный глиняный горшок, лыковая веревка, а в нарту запрягать нечего. Питаются рыбой, есть у них только рыба, причем дешевая – сорога и озерная рыба карась, одежда у них грубая, как кора хвойного дерева. И живут где-то на берегу большого озера. Не Нумто ли озеро имеется ввиду? Если так, то значит, там жили Пор.

По одному из мансийских преданий, ханты мужчины могут жениться на манси девушках, так как одна из дочерей именитого предка манси Тагт котиль бйки (по другим данным

Нярс нйй эквы) была замужем за одним из именитых богатейшей казымских ханты. По этой причине взаимный брак между названными двумя народами признается до сих пор. Следовательно, история и современность перекликаются.

О Млечном Пути, о лосе и мужчине Мбсьхум

У манси есть легенда, в которой говорится о том, что у лося когда-то было шесть конечностей, его невозможно было догнать и убить. Лось был священным животным. И

вот однажды Мбсьхум (мужчина Мбсь) решил сделать его доступным для человека, чтобы использовать мясо лося в пищу, а шкуру – в хозяйстве. Приняв такое решение, Мбсьхум надсваивает свои быстрые лыжи, покрытые выдровой гладкой шкурой, берет в руки саблю и мчится вслед за лосем. Он катится с южной части Урала (ур алы ѓвыл, букв. 'юг конец возвышенности, горы') и догоняет усталого зверя лишь на северном его конце (ур луйи ѓвыл, букв. 'север конец возвышенности, горы'). И там взмахом своей могучей острой сабли отрубает задние конечности лося, и они падают недалеко от лося. Это четыре более тусклые звезды на небе в два ряда по вертикали, они слабо светятся с правой стороны, чуть пониже ковша "Большой Медведицы" (на манс. Лось). Манси считают, что этот факт сказался на внешнем облике лося: после того, как Мбсьхум отрубил у него задние ноги, задняя часть лося стала выпуклой (кумалын).

С этого времени лось перестает быть священным, люди начинают охотиться на него. Однако мясо убитого лося следует варить долго и обязательно три раза добавлять воды в котел, ибо только тогда выкипает "священность" из мяса лося (в сыром виде его мясо никогда не употребляют в пищу). Заметим, что Мбсьхум катится с юга на север, как тянутся Уральские горы. Не говорит ли это о том, что манси мигрировали с юга на север вдоль Уральских гор.

Отрубая пятую и шестую конечности лося, Мбсьхум сказал так: "Если ты рожден для пищи человека, зачем тебе шесть конечностей!" (наң элмхѓласн тѓнkv те лаввѓсн, манрыг наң хѓт кѓтупа-лѓглупа!).

За эту принесенную людям пользу Мбсьхум так прославился, что его лыжня, проложенная во время погони за лосем, пролегла по небу (Мбсьхум ѓсаң лѓх, букв. 'Лыжная дорога мужчины Мбсь', это "Млечный Путь"). Так как Мбсьхум очень быстро бежал за лосем, и комья снега от его лыж падали по обе стороны от лыжни, лыжня получилась вся разбрызганная комочками снега – звездами. Сам лось, убитый Мбсьхумом, тоже виден на небе – над северным Уралом, где его догнал Мбсьхум, видны семь ярких звезд, называемых

Янгуй, букв. 'Лось' – это "Большая Медведица" Судя по этой легенде, манси на теперешнее местожительство пришли с южного Урала и шли вдоль Урала в том направлении, как тянется Млечный Путь с юга на север.

Мрак небесной силы

Сохранились предания, что в прошлом солнце иногда скрывалось на 7-10 дней – Тбрум турман вāри 'Небесная сила устраивает мрак' (это не сигнализирует ли, что манси во время миграции заходили за Полярный круг, где солнце не появлялось из-за горизонта определенное время). Люди обычно искали для поселения лучшие, незатапливаемые земли в весеннее половодье, и, возможно, в это время предки манси так далеко заходили на Север, что оказывались за Полярным кругом, и зимой их поражала непривычная полярная ночь. Сказывают манси, что во время "мрака" в тех местах свирепствовали какие-то существа, маленькие ростом. Они беспокоили у Мбсь мāхума детей, женщин, пока мужчины находились на охоте... Якобы, у тех необычных людей нет заднего прохода, поэтому они пищу не едят, а лишь понюхают и затем вываливают собакам. (По всей вероятности, это были весьма состоятельные местные жители. Они пищу – мясо не обгладывали до костей, как пришлые бедные Мбсь мāхум).

О теплом крае юге (мбортым мā, алы мā)

Существует и другой источник, свидетельствующий о том, что люди Мбсь в Приобье откуда-то из теплых мест. Прежде они жили "за лесами и за горами". Таким источником является поверье манси о переходе одной из четырех душ (пяти для мужчин) умершего манси на постоянное местожительство в теплые края, на юг, где жили, якобы, отцы-прадеды. Еще называют это место хбмāнёл 'далекий край'. Слово состоит из компонентов: хом 'человек', мā 'земля', нёл 'мыс', букв. 'мыс земли человека'. Душа человека на пути переходит через горы, через леса и преодолевает теплое море. Через

теплое море душа переправляется по шнуру, сделанному из волос человека. Для этого в первые же минуты смерти человека, пока близкие оплакивают его, у родственников покойного с затылочной части головы отрезают пучок волос. Считается, что с помощью этих и своих волос покойный доберется до "мыса человека", пересекая при этом теплое море по шнуру из волос, соединяя их по одному волоску. Покойный будет продолжать жизнь на берегу теплого моря. Манси считают, что душа человека здесь живет уже обратной жизнью – до превращения в ребенка, а затем в паука, если это женщина, или в жука, если мужчина; знаменитые, сильные мудрые же люди после смерти признаются духами-покровителями, они попадают в верхний мир (об этом см. ниже стр. 51-80)

О реке Печоре

Существует еще одна версия в подтверждение того, что манси жили на европейской части Урала и им были хорошо знакомы его географические объекты, большие и малые, в том числе и Печора. В частности, об упрямом человеке говорят, что "дед такого упрямого человека большую реку Печору переплыл без весла". Эта поговорка существует потому, что, якобы, в прошлом один упрямец-манси действительно переплыл реку Печору без весла, загребая воду руками, как лопатами. В книге Пал Хунфалви [Хунфалви 1864, с.82] эта река называется Манси хум я 'река мансийского мужчины (человека)'.
101

Фольклорные данные о миграции манси подтверждаются географическими названиями, сохранившимися до наших дней на Урале. В районе Печоры предки манси заходили за пределы Полярного круга, где солнце скрывалось за горизонт на неделю; на десять дней (турман в̄арыглас); и в это время беспокоили манси какие-то существа, ростом с собачий хвост.

По данным преданий, манси жили на европейской части Урала, доходили, двигаясь на Север, до Печоры, что восходит к мансийскому слову пащара > пащар 'рыбина'. Гласные а,

ä русскими и коми передаются через е, мансийский шепелявый мягкий согласный ш – через ч. Вариант слова с конечным гласным а восходит к древнему варианту мансийских слов, когда все слова в нем оканчивались на гласный звук. Манси Печору до сих пор называют Пащар äс ‘Большая река Пащар’ (пащар рябина, äс>ас ‘дыра’...‘пропасть, через которую льется много воды’).

Деление манси произошло еще на Урале, в Приуралье. В Зауралье они перебрались не синхронно и переходили Урал разными путями, в разных местах. В результате сложилось несколько диалектных групп мансийского языка, весьма существенно отличающихся друг от друга. Эти отличия охватывают в той или иной мере все уровни языка. Особенно существенные отличия в них – в фонетике и лексике. Диалектные группы мансийского языка настолько сильно отличаются, что взаимопонимание их представителей почти полностью исключается. А.Регули, Б.Мункачи, А.Каннисто и В.Н.Чернецов еще застали представителей западных, восточных и южных диалектных групп. В настоящее время сохраняют язык только северные манси, остальные группы манси ассимилированы соседними народами.

О большой "огненной воде"

У северных манси существует предание о том, что в прошлом на той земле, где теперь они живут, однажды появилась большая огненная (горячая) вода, поверхность земли тогда сторела, почва окрасилась в цвет охры, в слое земли, якобы, эти следы до сих пор видны. Вода всплывала ненадолго, всего лишь на то время, в течение которого можно сварить мясной суп (акв пүт пайтнэ сысн хулиглäлыс). О надвигающейся беде люди узнали за семь дней до события, в результате чего у них была возможность подготовиться к встрече с бедой. Люди спаслись от наводнения только потому, что сделали плоты из семи слоев лиственничных бревен (древесина лиственницы не впитывает влаги). На этих плотях люди сидели под укрытием полога из стерляжьей кожи, поэтому их не кусали змеи и иные пакости; плоты свои они привязали к

вековому дереву с помощью корня из тип ййв 'дуба-гальника'. Те плоты, которые были привязаны более слабым корнем, течением унесло вниз по реке. Так, людей из дер. Муwentес на сакв-я, поклонявшихся предку-духу Паштор (Пастыр ойка), унесло далеко на Обь, в те места, где впоследствии возникла дер. Пашторские юрты (по названию предка этих людей, букв. деревня людей Паштора), и до сих пор они живут там. Манси говорят, что возвращаться им было нельзя. По поверью, в этом случае они бы все умерли. Манси на Сакв-я и манси, ассимилированные хантами на Оби, на Пашторских юртах, действительно считаются между собой кровнородственными людьми и называют друг друга 'брат' и 'сестра'

Итак, по данным фольклора манси не находились на одном и том же месте. Они в поисках пищи, одежды и покоя от нападков соседей обошли горы Урала и его отроги со стороны Европы и Азии.

Судя по преданиям северных манси, на территории Западной Сибири по рекам Сакв (Ляпин) и Тагт (Сосьва) аборигенами, как отмечалось выше, были Мис махум, Усың ойтыр ойка и Тонтон ойка. Пришлыми являются Мбсь махум, весьма вероятно, и Пор, оказавшийся в пределах Оби или какого-то большого озера, у берегов которого можно было купаться и собирать каких-то съедобных жучков — так называется в предании манси.

Потомки северных манси из деревни Муwentес (ныне исчезнувшей) некогда пришли тоже из иных краев, из Верховий Лозьвы, и поселились по реке Сбрахта — приток реки Сакв (Ляпин). Это были сильные воины. В призывной песне (песне духов-предков) говорится, что они прошли через семь рек, шесть рек, не нашли препятствий, не было сильнее их людей. Сумели защитить себя и окружающих слабых, по этой причине впоследствии эти богатыри были признаны духами-покровителями. И до сих пор им поклоняются их потомки, живущие на реке Сакв-я, Хошлогские манси.

В более позднее время, где-то в XIX-XX вв. пришли сюда ханты из Саня-я (с реки Сынья). Наши манси этих людей

называли: "санян пыг рут" 'родня сына мужчины из (реки) Саня'. Так постепенно и смешивались разные народы на своем веку, близкие и далекие.

Антропонимия

В прошлом, до крещения церковью, у манси не было личных имен¹ и фамилий.

В своих маленьких деревнях люди знали друг друга без фамилий, имени и обращались друг к другу терминами родства или свойства, пользовались возрастной терминологией. Кроме того, манси при общении друг с другом употребляли слова: тэхам² 'товарищ' – обращение к мужчине, оно образовано от манс. тэ>та>та 'тот', хам>хаом>хом>хум 'человек', 'мужина', букв. 'тот мужчина'; тынэ 'товарка' – обращение к женщине, оно образовано от манс. ты 'эта', 'этот', нэ 'женский пол', 'женщина'. Или употребляли слова: ойк 'муж', 'мужчина', эква 'жена', 'женщина', юртā 'друг' юртквё 'дорогой друг' (обращение как к мужчине, так и к женщине), слово юрт 'друг' в переводе с мансийского языка значит 'спутник', 'пара', 'сопутствующий'.

В мансийском языке терминологическая система по родству, свойству и возрастным особенностям очень развита. В той или иной мере их касался А.Каннисто. Позднее на эту тему защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук К.Вавра.

У манси, кроме имен по родству, свойству и возрасту, были имена, присваиваемые человеку по каким-либо особым признакам его характера или внешнего облика, местожительства или местонахождения его дома в селе (например, ниже или выше по течению реки, отдаленного от берега или находящегося у водоема и т.д.). Такие имена обычно присваивали главе семьи – мужчине или вдове, а

1 Все личные имена манси являются русскими, адаптированными мансийским языком, например, Мāрья 'Мария', Окуп 'Агафия', Тāтья 'Татьяна', Юван 'Иван', Ёхыр 'Егор' и т.д.

2 Долгие гласные в мансийских словах обозначены черточкой над гласными.

всех остальных членов семьи именовали через его прозвище, прибавляя к нему слово *бйка*, *Эква* или термин, обозначающий родство или свойство, например, *хоривāt бйка* 'мужчина, живущий на берегу болотистого места, где растет голубика'. Старшего сына этого человека называли: *хоривāt бйка яныг пыг* 'старший сын мужчины *хоривāt бйка*' (*хори* – разновидность болота, *вāта* 'берег', *бйка* 'мужчина', 'муж', *яныг* 'большой', *пыг* 'сын').

Впоследствии такие имена главы семьи, сохранившиеся порой от прозвищ древних предков, при составлении ясачных списков или при крещении были превращены в фамилии.

По этой причине одни манси свои фамилии называют *пōт нам* 'ясачное имя' (чаще это употребляется у нижнесосьвинских манси), другие – *бпарищ нам* 'имя дедушки (по отцу)', 'имя прадеда'. Ввиду этого однофамильцы оказывались кровнородственными. Термины 'имя дедушки (по отцу)', 'имя прадеда (по отцу)' явно говорят о том, что в период крещения манси у них был патриархат – главой семьи являлся мужчина.

Среди мансийских фамилий сплошь и рядом встречаются слова, восходящие к прозвищам, и все они этимологизируются через мансийский язык (например, *Овесов* – *овылсов* 'первая звезда', *Ромбандеев* – *рāмпаньти* 'спешащий', *вāтисуп* 'короткорубашник' и т.д.).

Тем, кто не имел прозвищ (или скрывал его по каким-либо причинам), попы или ясачники давали русские фамилии, они сохранились в адаптированном мансийском языке состоянии, например, *Качанов* – *Катыщанп*.

Ввиду того, что у манси не было личных имен, то при крещении каждому лицу давали не только фамилию, но и имя. Все личные имена манси восходят к адаптированным христианским именам. Новые присвоенные людям имена были непопулярными, манси продолжали пользоваться привычными им терминами родства, свойства и возраста. Очень часто христианские имена забывались вообще. Если же их употребляли, то их обязательно сопровождали словом *бйка* 'муж', 'мужчина' или *Эква* 'жена', 'женщина'. Это делалось

для того, чтобы было понятно, является ли данное имя характеризующим мужчину или женщину. Христианские имена манси называли пуп нам, что значит 'поповское имя'. Терминами по родству и свойству, а также по возрасту манси пользуются до сих пор. К ним тоже добавляются слова Эква, бйка. Позднее сочетание христианского имени с терминами бйка, Эква стало восприниматься как вежливый тон речи и уважительное отношение к человеку.

Тот факт, что у манси в прошлом не было имен и фамилий, весьма наглядно отражено в фольклоре. В исконно мансийских фольклорных произведениях нет ни одного христианского имени. По наличию (или отсутствию) в фольклоре христианского имени можно легко определить, какие из фольклорных произведений являются исконно мансийскими, а какие – заимствованными у других народов.

Мансийские фамилии, восходящие в своей основе к прозвищам, могут быть чисто мансийскими или обско-угорскими, поскольку они обозначают наименование конкретного предмета, название которого может быть общим для указанных языков.

Мансийский и хантыйский языки являются близко родственными, в них есть сходство и отличие. По этой причине для разграничения мансийских или хантыйских фамилий можно пользоваться этимологизацией антропонимов, но проводить это следует соответствующим образом, умело и с ответственностью перед наукой и историей народов.

В 30-х годах нашего столетия у этнографов-североведов было модно заниматься этимологизацией различных национальных терминов. Тогда доходило дело до такого абсурда, что "шаман", "шамать", "шамашедший" признавали словами, восходящими к одному и тому же корню¹

Аналогичным образом начала действовать над мансийскими и хантыйскими антропонимами и З.П.Соколова¹

Так, в своей работе антропонимы Каслипаев и Каслынов она возводит к одному корню. В действительности же эти

¹ Соколова З.П. Социальная организация ханты и манси в XIII-XIXвв. Проблема фратрии и рода. М., 1983, с.46-47.

слова являются разнокоренными, восходящими к различным семантическим основам. Антропоним Каслипаев образован от слияния двух основ и русского суффикса=в: касл(и)>кас-ос(и)>косл(и) 'ноготь', 'коготь', пәе 'большой палец', букв. 'ногтястый большой палец', суффикс=в был добавлен при обращении указанных слов в фамилию. Антропоним Каслынов восходит к слову каслын 'веселящийся', образованный от основы кәс 'веселье' и причастного суффикса непрерывного действия=лын и суффикса=ов – показатель антропонима, добавленный по подобию русских фамилий. Фамилии Пирчин и Перчин тоже возводят к одному корню. В действительности антропоним Пирчин образован от слова пирчин 'состоятельный', 'богатый, имущий' (мансийский шепелявый мягкий звук щ русскими воспринимается как звук, близкий ч, заднеязычный носовой ң передается через н). Антропоним же Перчин обозначает 'борющийся (врукопашную)' Антропоним Пурчин восходит к слову пурчин 'свинью имеющий'. Здесь те же адаптации звуков, что и в слове Пирчин.

З.П.Соколова на основе своих искаженных этимологий антропонимов делает выводы о миграции ханты и манси¹

Фамилии – это прозвища, о чем говорилось выше. В различных местах могли дразнить людей одинаково, например, кривоногий или одноглазый и т.д. В результате этого аналогичные по звучанию фамилии могли появиться независимо друг от друга в различных местах без каких-либо миграций людей.

Ниже приведем нашу этимологизацию некоторых мансийских фамилий:

Алпин – от алпин 'добычливый'.

Алмин – от алмин 'многоподъемный'.

Анемхуров – от анем>анең 'украшения, имеющий', хурп 'похожий', букв. 'немного украшенный'.

Анямов – аням>аняң 'красивый', 'нарядный'.

Гындыбин – кантиниң 'сердитый', 'злой'

Соколова З.П. Социальная организация ханты и манси в XIII-XIX вв. Проблемы фратерии и рода. М., 1983, 77,84.

Воюптин, Воюттин – воюп ‘берущий’, тин, тын ‘плата’, ‘цена’, букв. ‘плату берущий’.

Волкуп – волкуп ‘стройный’, ‘бездетный’.

Елин, Елың – ‘постоянно ходящий или ездящий’.

Кузин – кусиң ‘дары имеющий (берущий)’.

Каулев – каули ‘гологоловый’, ‘голый как камень’

Кукин – кукиң, кукаң ‘много рыбы имеющий’, кука ‘рыба’ (на детском языке).

Купчин – кувщиң ‘ меховой чехол (одежду) имеющий’.

Лаплах – ‘обманчивый’, ‘лживый’

Лелятов – лелят ‘малорослый’ =ов – суффикс.

Лоншаков, Лонщаков, Ланщаков – ланьшаки ‘плохо подпоясывающийся’ (эти люди пришли от хантов из Сыньи).

Меров, Нэров – мёруп, нэруп ‘бордовый’.

Награчев – награц ‘тупым ножом пользующийся’.

Нигылев – ниг ‘лыко’ – съедобный нежный слой дерева; может быть от коми нигыль, что значит ‘скользящий’, ‘слизистый’, =ов – суфф.

Номин – номиң, намиң ‘именитый’.

Оманов – омаң ‘мать имеющий’.

Остеров – остерп, остэрп ‘поверхностный’, ‘нескрытый’.

Пакин – пәкиң, пәквиң ‘шишкастый’, ‘шишки имеющий’.

Пагин – пәкиң ‘далекий от берега’.

Паланзеев – пәланьсь ‘полоумный (человек)’

Самбинталов – сампилтәл ‘слепой’, =ов – суфф.

Солянов – сүляң ‘бренчащий украшениями’ (эти люди в свое время пришли на Ляпин из-за Урала).

Сайнахов, Сойнахов – сәй (сәви) ‘кривой’, нах, нак ‘сустав’, т.е. ‘кривоногий’

Тасманов – тәсмаң ‘запасливый’.

Таратов – тәра ‘корень’, тов ‘ветка’, букв. ‘коренная (древняя) ветка’.

Хапхалив – хәп ‘лодка’, хали ‘быстроходный’, ‘ходкий’, букв. ‘быстроходную лодку (имеющий или делающий)’.

Хозымов, Хазымов – хәсым, хәсың ‘умелый’, ‘умеющий’

Хотанов – хотаң ‘лебедь’, ‘очень белый’.

Шесталов – сәстәлп ‘невеселый’, ‘грустный’

Шешкин – сескин ‘веселый’, ‘радостный’.

Щетов, Щетан – сетап, сѣтап ‘нитка’, ‘тонкий как нитка’.

Чотов – то же самое, что и Щетов.

Лясманов (Лышманов) – ‘защелкивающий’.

Кимлобазов – ким (тим) ‘ток’, лѣпас ‘полоса’, букв. ‘полоса (тетериного) тока’.

Примечание. В мансийском языке нет звонких согласных, но в соседстве с сонорными и между двумя гласными согласные несколько озвончаются, и русскими они воспринимаются как звонкие согласные. Это отражено в мансийских фамилиях. Шепелявый мягкий согласный щ, близкий по звучанию согласному ч, в русском варианте слова обозначается буквой ч. Согласные м-н (н); п-в, п-т, в-г, с-ш-щ, щ-ч, м-в, к-х, а также гласные а-о в мансийском языке чередуются, русскими и коми церковными служителями эти явления отражены в мансийских словах-фамилиях.

ОБРЯДЫ НАРОДА МАНСИ

Сведения о культе предков духов-покровителей¹ (по данным сыгвинских манси)²

Манси поклонялись нӓй ѓтырам, букв. ‘героиням, богатырям’. В представлении манси – это души предков. Они тоже занимались охотой, рыболовством, оленеводством, были сильными и мудрыми. Манси говорят так: “В прошлом наши героини, богатыри жили, как и мы, лишь затем их сделали бессмертными.” Еще при жизни нӓй ѓтыры или (акиянув ѓкванув ‘деды-бабушки’) прославили себя чем-либо, сделали что-либо значительное для своего народа, и по этой причине после смерти их души не погибают вместе с ними, а про-

1 В работе использованы материалы автора, собранные у северных манси, начиная с 1958 года. Эта статья впервые была опубликована в Венгрии в 1984 году.

2 Полевые исследования молебных мест народа манси, в основном сыгвинских, – по реке Сакв-я (Ляпин) были проведены известным ученым Гемуевым И.Н. и его соавтором Сагалаевым А.М. и представлены в труде “Религия народа манси” Изд. наука. Новосибирск, 1986.

должают жить на земле и оказывают добрую помощь, услугу людям, если эти люди хранят память о них, почитают их и если эти люди добры и кротки. Души предков могут помочь людям в их охоте или рыбной ловле, в сохранении жизни и здоровья. А люди, в свою очередь, должны помнить их, поклоняться им, символически угощать их, устраивая обрядовые поминки: угощения после удачной охоты, рыбной ловли. Они могут также обращаться к ним за помощью в самые тяжелые минуты жизни: во время голода, болезни и т.д., при этом обещая вознаградить того или иного духа-предка при первой же возможности появления у человека чего-либо ценного или вкусного.

По преданиям и сказаниям, одни *най õтыры*¹ считаются древними, другие – более поздними или пришедшими из других краев, но тоже прославившими себя чем-либо при жизни. Сведения обо всем этом изложены в призывных песнях *най õтыров* или сказаниях о них. Некоторые из духов-покровителей были одинокими, молодыми и даже детьми, другие – взрослыми и семейными, у них были дети. Некоторые из этих детей впоследствии тоже были признаны бессмертными, подобно их родителям. Считалось, что и они, якобы, тоже могут помогать людям в жизни, в сохранении их покоя, счастья.

Судя по преданиям и героическим песням сыгвинских манси, первоначальных предков, положивших основу жизни на территории Сосьвы, Сыгвы (Сакв-я), Оби (около устья Сосьвы) и Пелыма, было шесть *най õтыров* ‘героинь и богатырей’ (пятеро мужчин и одна женщина – их сестра). Все они и по настоящее время именуются по названиям тех мест, где их считали хозяевами. Это: *Тāгт котиль õйка*, *Нёр õйка*, *Полум õйка*, *Аяс õйка*, *Тэк õйка* и *Хāñылсам най эква*. По преданиям, все они были дети *Нуми тõрума*. Жили они, якобы, на небе. Все пять братьев и их сестра на земле оказались будто случайно. Сыновья *Нуми тõрума*, набираясь сил, мужества и мудрости, осмелились оспаривать волю отца. Тогда

¹ Долгие гласные в мансийских обозначены горизонтальной черточкой над соответствующей гласной буквой.

Нуми торум ойка 'хозяин неба' рассердился на сыновей и дочь, спустил в наказание их всех, своих детей, на землю, на необитаемый остров, находившийся посередине незамерзаемого моря, поставил стол и туда посадил их, ожидая, что же будут делать они там. Сыновья и дочь оказались мудрыми, вышли живыми с необитаемого острова: самый младший из братьев Тэ́к б́йка в образе лисы сел лицом к северному ветру и голосом лисицы начал молить у земной силы похолодания. Вскоре подул северный ветер, море покрылось тонким слоем льда, и тогда все братья и их сестра перебрались на сушу по льду и разбежались в разные стороны, в леса, воды и, в конце концов, оказались в тех уголках земли, где их считали хранителями земли, и там положили начало жизни. Там они прославились, там о них люди сложили сказки, песни – так говорится в сказаниях и в песнях их призыва.

Примечание. Насколько нам известно, предания не сохраняют сведений о том, где именно находился этот остров среди теплого моря. Отец же их, якобы жил на небе.

Н́ай отыры были сильными, мудрыми. Слава одних н́ай о́тыров заключалась в том, что они помогли в прошлом освоить земли и обосноваться манси там, где теперь живут, другие отразили врагов, посягавших на их территории, третьи спасли от голода людей в трудные годы, четвертые положили начало сильному здоровому потомству и т.д.

Одним из выдающихся предков считался Та́гт котиль ойка. Он жил в 20-м км ниже Сортыньи и являлся главой всех н́ай отыров тех мест, поэтому из всей Сосьвы, из Сыгвы и Оби осенью к нему привозили различных н́ай о́тыров и одевали их, наряжали, тут приносили им жертвы, угощали их, прося от них благополучного зимовья до следующего года этого же времени. Это делалось в Петров день, когда люди возвращались с Оби после ловли рыбы с богатыми запасами продуктов на зиму. Сбор таких людей проходил у речки Охыр с́унт. Туда собиралось очень много народу из разных мест. В дни этого обряда молодежь вечерами устраивала разные игры, знакомились девушки и юноши, а затем намечались сватовства, свадьбы.

Тәгт котиль бйка был очень сильным и здоровым, он даже, как говорится, не горел в огне, был одет в кольчугу и вооружен саблями, луком и стрелами. Мужеству, ловкости и храбрости он и своих детей обучал. Был он мудрым и умным человеком, врагов не пропускал ни вверх по реке, ни вниз по реке. Там, где находился его город, он перегородил р.Сосьву камнями, сделал плотину (перегородку) из камней, и никто не мог проехать по реке. Однажды его каменная перегородка была сломана: сверху по реке на плоту плыли семь богатырей из Верхней Лозьвы. Они дошли до плотины, погрузились в воду и через некоторое время всплыли на поверхность немного ниже этой перегородки. Таким образом была сломана каменная плотина, и люди получили возможность ездить по реке. Но проезжая мимо этой плотины — каменистого переката, обязательно нужно было бросить серебряную монету в воду или связанных вместе семь лоскутков материи, если нет монеты. Вода и земля на этом месте считались священными, поэтому нельзя было наступить на землю, нельзя было уронить в воду ни малейшей соринки, волоска. Этого обычая манси придерживаются до сих пор, они говорят: "Лылың соссыл, лылың юрл сәнсың аки" 'Он дух, у которого живые змеи обитают, такой он сильный'. В пределах этой запретной территории имеются нерестилища рыб, главным образом чебака (на манс. яхул 'речная рыба' или мәнсьи хул 'мансийская рыба'. Так именовали манси эту скоропортящуюся рыбу потому, что ее промысловики не принимали; манси из нее выплавляли полезный и нужный людям рыбий жир.)

Сказывают, что сыновья его метко попадали во врага, они стреляли по врагу из лука такой огромной величины, что его могли бы поднять только семь современных мужчин.

В одном из преданий говорится, что снизу по реке шел большой великан Меңкв бйка (в образе его представляется, по-видимому, один из сильных врагов). Он хвастал, что растопчет, уничтожит Тәгт котиль бйку и не почувствует его силы. Сыновья Тәгт котиль бйки заволновались. Тогда сказал Тәгт котиль бйка: "Не волнуйтесь, дети, подпустите его бли-

же и прицельтесь прямо в ту точку, где на груди соединяются ключицы. Это у него самое уязвимое место!" Сыновья его так и сделали. Метким выстрелом из лука они сразили врага, и тот разлетелся на куски, все части его тела и его вещи унесло течением на десятки километров вниз по реке, и теперь по их названию именуется там местности от Олттумпа до Нижнего Сѵпоклѵмта: Олттумпыт – это три острова, один за другим и именуется по названию его внутренностей: Энтап ѵбыл ягыг 'Две реки концов его ремня', Люль нампя – это река с названием его члена, Уля хурыг тумп 'Остров его огнива', Пѵльхос тур 'Озеро от развалившегося его желудка', Яныг сѵпак лѵмт 'Большая часть его сапога', Мань сѵпак лѵмт 'Малая часть его сапога', Пешлув вѵль 'Плес его бедренной кости' (это очень длинный плес выше Сѵпоклѵмта). Во время падения от удара стрелы сыновей Тѵгт котиль ѵйки враг сильно закричал (на каком-то языке!): "Охыр-охыр-охыр!" Что значит: 'круто-круто-круто!' От этого крика, от силы выдоха великана образовалась речка, она так и называется Охыр. Находится она выше зимней деревни Куртъя.

В пределах Северного Урала на Сыгве и по ее притокам хозяином считался Нѵр ѵйка, младший брат Тѵгт котиль ѵйки. Двери его "хрустального дома", как говорится в сказании о нем, никто не может найти до сих пор. Кто бы ни пытался сделать это, все погибали. Нѵр ѵйка считается самым мирным героем из всех братьев. Настолько он был сильным, что в руки не брал оружия, кровь он не проливал, а враги от одного его взгляда обращались в бегство или окаменевали.

Он был хозяином всех оленей на Урале, были у него помощники – пастухи и Хущ ѵйка. Их дома – горные вершины, разбросаны неподалеку от его крепости горы Нѵр ѵйка. Нѵр ѵйка славен еще тем, что он украл жену себе у своего старшего брата Тѵгт котиль ѵйки. Тот погнался за ними, не догнал их.

Тогда Тѵгт котиль ѵйка запустил вслед им свою могучую стрелу. Жена Тѵгт котиль ѵйки от волнений во время пути преждевременно рождает сына неподалеку от Хартума. Этого

ребенка мать и отчим Нёр ёйка оставляют в том месте, где он родился. Люди это место считают священным, а мальчика хранителем тех мест, а также хранителем жизни и счастья людей на Хартуме. Люди ему поклоняются, т.к. он сын сильного богатыря-предка, люди к нему обращаются с мольбой за добром, за здоровьем, счастьем.

Жену и брата Тэгт котиль ёйка не догнал, дошел он до дому Нёр ёйки, обошел вокруг, не нашел ни двери, ни окна. Младший брат тогда говорит ему, что бесполезно пытается он попасть в его крепость, пусть лучше смирится с бедой, возьмет взамен своей жены всех его оленей. Старший брат согласился с этим, поехал домой, и потянулись за ним олени; отныне богатство оленей будет не на Ураде, а на Средней Сосьве. Однако Тэгт котиль ёйка нарушил условие, поставленное братом Нёр ёйкой – не оглядываться назад. Тэгт котиль ёйка не выдержал поездки без оглядки до своего дома. Ему было любопытно знать, идут ли на самом деле за ним олени. Доехав до мыса Нэтлех павыл, Тэгт котиль ёйка остановился, оглянулся назад: олени нарушили стройную нить движения за его нартой и побежали обратно. Лишь часть из них потом пошла за ним и дошла до Сосьвы. Теперь говорят, что по этой причине, якобы, и нет оленей в средней и нижней Сосьве.

Пока стоял Тэгт котиль ёйка на реке и разглядывал оленей, кисти от подвязки его обуви примерзли ко льду. Тогда он вытащил острый нож из ножен, обрезал эти примерзшие кисти и при этом сказал: "Пусть они превратятся в двух больших священных змей, и пусть через их спины не проедет ни одна женщина и даже девочка".

Примечание. И действительно, этот наказ люди соблюдали. До самой весны 1940-41 гг., пока не начал ходить пароход "Петр Шлеев" по Сосьве, женщины по специально вырубленной прямой дороге пешком от Нэтлех до Ахвтаc пунк павыла вместе со своими дочками малыми или большими шли по этой дороге при поездках вниз или вверх по реке. По воде на лодке плыли только мужчины с детьми мужского пола. Правда, тяжело больных женщин и девочек

оставляли на лодке, при этом их сверху покрывали священным шелковым халатом. За борт лодки, пока плывут по этому священному месту, нельзя плюнуть, нельзя уронить в воду соринку. На этом священном месте тоже нерестилище рыб, главным образом нельмы.

Нёр ёйке манси при необходимости приносят в жертву белого олененка. Самым дорогим даром для него является олененок белой масти. Его одежда и обувь – белый мех.

Третий брат – Полум ёйка, позднее, якобы, его начали называть Полум тёрум ёйка в связи с его спорами с Хёнт тёрум ёйкой, являвшегося покровителем в деревне Мувыңтес по реке Сакв-я. Споры у них были за высшее звание Тёрум 'Бог'. Эти споры переходили даже в драку. Тогда, якобы, их небесный отец Тёрум связал этих двух враждующих сыновей за волосы и бросил через поперечную жердь, повесил их за волосы и сказал: "Кто из вас скажет слово "больно", тот проиграл, не получит мое звание тёрума" Однако эти сыновья одинаково оказались стойкими, никто из них не вымолвил ни слова. Отец снял их с жерди и дал им равные права, одинаково назвав их тёрумами.

Полум тёрум ёйка находился на реке Пелым в среднем его течении и был там главным защитником людей от всех бед. Он был хранителем богатств по реке Пелым и по просторам, прилегающим к этой реке. Людей он щедро кормил рыбой из этой реки. Полум ёйке в жертву подают самый простой дар – три узкие полоски сукна шириной с палец и три куска из продуктов, которые можно сразу взять в рот. Так было наказано Хёнт тёрум ёйкой потому, что тот с ним враждовал, и Хёнт тёрум ёйка вышел победителем.

Четвертый брат – Аяс ёйка. Он был хранителем людей и просторов на нижней Сосьве. Крепость Аяс ёйки находится напротив Березово. Этот брат умел предсказывать погоду, вовремя направлять людей на хороший улов обской рыбы. Говорят, что он славился суровостью и строгостью: мог причинить беду людям, мог не давать рыбы и заготавливать запасы рыбы и рыбьего жира на зиму. (Рыбий жир считался самой питательной пищей и лекарством для больных, истощенных

людей.) Аяс бйка считался хозяином грозы – Шахыл тбрум. Ездит он по небу, якобы, на коне. Если сверкает молния – это сверкает его кнут. Он был настолько крутой, что однажды создал ненастный день и погубил собственного сына. Тем самым предупредил и всех будущих потомков быть осторожным с природой.

Пятый брат, самый младший – Тэк бйка (позднее стали называть Тэк бтыр, т.е. ‘богатырь деревни Тэк’). Был он хранителем людей и мест за пределами Березово к Уралу и ниже по течению реки в лесных и водных просторах притоков Оби. Жилье его находилось недалеко от населенного пункта Теги. (Теперь там живут ханты.) Он может преобразиться в рыжую лису.

Шестой из первоначальных най бтыров – это сестра пяти названных выше братьев, она называется Хаңылсам най Эква или Нярс най Эква. Ее владения простирались в верховьях Сосьвы, начиная вверх по течению от деревни Нильдино. Она считалась хозяйкой дорогих пушных зверей – соболя, горностая, бобров и выдры, хозяйкой лосей и иных богатств. Ее священными зверями считаются лягушки (как и у Тагт котиль бйки). Она может показаться в глаза людям в виде лягушки. Это героиня-покровительница славилась тем, что она дала сильное здоровое потомство, ее дети-потомки всегда были краснощекими. Она сама, по-видимому, тоже была румяная, поэтому и называют ее Нярс най Эква ‘румяная героиня’, от няр ос ‘румяная кожа лица’. Чернецов В.Н. термин нярс ошибочно переводит ‘болотный’.

Важно отметить, что огромные территориальные владения первоначальных духов-покровителей совпадают с регионами диалектных групп мансийского языка (верхнесосьвинского – владения Хаңылсам най Эквы, среднесосьвинского – владения Тагт котиль бйки, нижнесосьвинского – владения Ялйус бйки; обского, устьесосьвинского – владения Аяс бйки и сыгвинского – владения Нёр бйки, пелымского – владения Полум бйки и т.д.

Родственные отношения одной группы манси с другой до сих пор сохраняются те же самые, в каких состояли между

собой их предки, душам которых они поклоняются. Так, сыгвинские, среднесосьвинские, устьсосьвинские признавали (пожилые и теперь признают) родство между собой по линии родства на́й бтыров, т.е. они считаются родственными по крови, как и их предки Нёр бйка, Тагт котиль бйка, Аяс бйка, а с верхнесосьвинскими признают родство по свойству, т.е. верхнесосьвинских считают свояками, сватами, так как сестра первоначальных тех пяти братьев была замужем за главным покровителем верхнесосьвинских манси. Верхнелозьвинских манси некоторые считают также свояками, т.к. дочь Тагт котиль бйки была замужем за младшим братом семи богатырей из Верхней Лозьвы, за братом тех богатырей, которые сломали каменную плотину Тагт котиль бйки и которые украли младшую дочь его, хоть он, отец, и берег ее в крепости в большом секрете от посторонних глаз и содержал ее в доме без огня, без воды.

Антропологические исследования, проводившиеся среди северной группы манси, тоже позволяют выделить несколько более или менее отличающихся друг от друга самостоятельных групп¹, границы которых совпадают с границами первоначальных предков и диалектных групп, выделенных на основе некоторых языковых отличий².

Приведенные выше сведения весьма убедительно говорят о том, что в преданиях и героических песнях о предках отражена та или иная историческая действительность народа манси, то или иное событие, происходившее в их жизни.

Кроме названных выше первоначальных (более важных) духов-покровителей, у манси имеются и другие, которых народ начал почитать несколько позднее, чем первых, — это дети названных выше первоначальных предков. Они разошлись по разным уголкам земли и являются уже хранителями местности и людей тех владений, которыми обладали их отцы или матери, т.е. первоначальных духов-покровителей.

1 Давыдова Г.М. Антропологические исследования северных манси и некоторые вопросы их расо- и этногенеза. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1976, с.6.

2 Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. М., 1973, с. 4-5.

Эти най̆ отыры, именуемые как мӑ-вит кўщай 'хозяин земли' или пӑвыл кўщай, ус̆ кўщай 'хозяин деревни, города' Позднее у них появились дети, некоторые из них тоже прославили себя в свое время чем-либо перед народом, и потомки о них тоже сохраняют память и почитают их. Они являются подчиненными своим отцам и матерям, а вместе с ними они находятся в подчинении самого старшего первоначального духа-покровителя Тӑгт котиль ой̆ки, он как бы самый главный из всех духов-покровителей по возрасту и "чину"

Из детей "дедов и бабушек" в деревне Пёткас на Сосьве прославил себя сын Полум ой̆ки тем, что в трудный голодный год, когда люди падали и гибли от голода, он нашел семь озер с рыбой, повел туда людей и спас своих сородичей от голода.

Потомки этого героя представляют его как могучего, сильного богатыря, он жил долго, ходил всегда пешком, опирался на большие посохи. На медвежьем празднике его представляют богато одетым, важным, с двумя посохами: держит он в одной руке сосну, в другой руке кедр, повернется налево – сразу меняет их, повернется направо – снова меняет их, таким образом он сделает семь поворотов, и затем выводят его на улицу из помещения.

Сыновья Тӑгт котиль ой̆ки находятся по реке Сакв-я: первый находится в деревне Хартуме, называют его Суй ой̆ка, второй – в деревне Луски – Луски ой̆ка; третий у деревни Игрим – Ягрим тур̆ котиль ой̆ка, он изображен в виде халея – крупной речной чайки, поэтому здесь нельзя убивать чаек и даже целиться в них; четвертый – напротив устья Сыгвы на Люлиң воре – хозяин соболей, зверей; пятый – по реке Мӑнья у Пальи, Палья ой̆ка; шестой – в Сѓпаклѓмте тур̆ котиль ой̆ка на самом отдаленном месте озера у этой деревни; седьмой – верхней Лозьве – дочь Тӑгт котиль ой̆ки, украденная выше упомянутыми семью лозьвинскими богатырями. Она хранится в виде золотого коршуна.

Сыновья Нѓр ой̆ки находятся на Урале на отдельных горных вершинах, там же и его жена с малыми детьми находится неподалеку от самого Нѓр ой̆ки.

В верховьях Сыгвы есть гора Сакв талих ъйка – это сын Хуш ъйка (помощника Нёр ъйки) или называют еще эту гору Мисхум ъйка. Дочь Хаңылсам най Эквы находится на реке Казым. Ее образно представляют в виде кошки. Манси кошку убивать нельзя, для манси она священна. На самом устье Сакв-я – сын Аяс ъйки это Мбщхум ъйка, или как его называют Саквсунт ъйка.

По преданиям и сказаниям, были столкновения между некоторыми най ътырами, попытки захвата территорий, освоенных первоначальными предками; однако это кончалось оттеснением этих захватчиков на более окраинные места. На таких местах первоначальных предков они и обосновываются, там становятся хозяевами. Такими пришедшими являются, например, семь богатырей Я талих сат ътыр или Терың алпип сат ътыр. Это были воины, вооруженные и одетые в кольчуги. По преданию, пришли они из верховья Оби. Сначала, якобы, поселились в районе деревни Хохаң, у Хохаң воль, затем к ним пришел Тагт котиль ъйка, и их железный запор он сломал своей саблей. Но на том месте, где жили, они оставили семь мужчин в черной одежде. Их символом является птица ворон. Перед ними делали жертвоприношения. А сами же семь богатырей двинулись вверх по Сосьве, дошли до Сакв-я, пошли по ней и обосновались по речушке Сбрахта. Глава семи богатырей – их старший брат – представляется в образе овчарки или волка, они могут появляться на глаза в таком виде. Образ овчарки или волка является их атрибутом в хранилищах. На медвежьем празднике их представляют как семь богатырей, плывущих на лодке, одетых в кольчуги, а также в образе семи воинов с саблями.

Место поклонения и жертвоприношения находилось недалеко от деревни Ломбовож, по реке Сбрахта.

О семи лозьвинских богатырях говорят, что было семь богатырей, вышедших из священной воды реки Лозьвы. Они обошли все реки от устья до верховья. Были они довольно мудрыми богатырями. Им даже удалось обхитрить самого сильного и мудрого богатыря Тагт котиль ъйку: съездили они по Сосьве на Обь, сломав на пути крепкий каменный запор

Тягт котиль ойки, а на обратном пути прихватили его дочь с собой в жены для своего младшего брата. Говорят, якобы, они тоже спущены с неба. Место почитания лозьвинских богатырей находится где-то у Лозьвы, люди из Сакв-я и Сосьвы туда ездили и брали с собой своих своих най отыров, возили их туда в гости.

Столкновения Лусум талих сят отыров и их поход на Сосьву говорят о взаимодействиях, связях и контактах наших далеких предков. В преданиях о их делах отражена историческая действительность, прошлое народа манси.

В Хошлоге имеется Пайпың ойка, он является младшим братом Хулюмсунт махума. Его отличительная особенность та, что хранится он в кузове из бересты, якобы, в свое время он носил панцирь из бересты. Его жена Миснэ – младшая сестра Сакв талих махума. Говорят, она с собой на поясе привезла рыбное озеро, которое находится за деревней Хошлог, в нем есть и вкусная рыба сырок.

В деревне Мувыңтес духом-покровителем был Хонт торум ойка, его одежда – красное сукно и черный пояс. Сказывают, что один дед в мусоре нашел мальчика, его отца убили чужеземные воины, жена предала его. Сказочный герой быстро вырос и стал богатырем. Хонт торум ойку изображают также со связкой семи стрел и луком. А его деда Паст ойку представляют в образе золотого чирка.

Хонт торум ойка может принять образ сильной собаки. Сказывают, когда однажды к нему пришли враждебные людоеды – меңквы из верхней Сосьвы, он превратился в собаку и их всех изодрал на куски, убил. Другой раз пришли к нему воины из-за Урала – Нёр тапал ват виклың с мохнатыми ресницами и бровями. Он разбил и победил их, часть из них убежала по Кемпажу, а часть – по Тиртаң-я, но он их и там догнал, убил. Позднее их изображение он вырубил

из дерева, а останки их сложил в четырехугольный сруб высотой в три бревна, соорудил как бы братскую могилу. Он сделал это для того, чтобы души их не превратились в пугала и не пугали людей ни днем, ни ночью¹

Он воевал и с Полум бйкой, тут себя он прославил навечно. Хбнт тбрум бйка и Полум бйка враждовали между собой. Но никто не уступал друг другу, силы их оказались равными, они были одинаково стойкими, и поэтому, якобы, верхний бог, их отец, сказал им: "Пусть каждый из вас будет богом на своей территории, будьте равными по значимости!" – так говорится в предании, в героической песне воспевания его души. Хбнт тбрум бйка является зятем семи богатырей из Кемпажа-Яталих акиянув. Его жена – Суйур эква.

В Щекурье в Нанкаши находится дед Меңкв пйгрись. В сказании о нем говорится, что из Няксимволя (верхняя Сосьва) под предводительством Тулям урың бйки пришли воевать к Нёр бйке великаны меңквы. Нёр бйка – хранитель Щекурьинских манси – выколол глаз младшему брату меңквов, а остальных превратил в камень и сказал: "Пусть ваше место (могила) будет в Нанкаши" С тех пор на то место манси не ступают ногой, оно является священным, кто там побывает, тот сходит с ума, умирает или исчезает совсем.

В Няксимволе покровителем манси является Тулям урң бйка – глава великанов-меңквов. Они были хорошими охотниками; говорят лоб у них был низкий, и глаза у них находились словно на макушке, смотрели только вверх, под своим носом не видели ничего.

В деревне Ялыус находился Ялыус бйка, на медвежьем празднике его представляли в образе медведя. Он очень послушный и добрый най бтыр, он помогает продлить жизнь людям, избавляет их от тяжелого недуга, болезней – прославился как лекарь.

1 Оказавшись у этого сруба и порывшись в нем, И.Н.Гемув обнаружил скелеты с разбитыми ключицами или руками и делает вывод, что манси духам приносили человеческую жертву. Что совершенно не соответствует действительности. Мне посчастливилось много общаться с моими земляками, более, чем за 30 лет работы в системе АН, таких сведений мне не удалось выявить.

Несколько выше деревни Хорыңпавыл находится Йипыг бйка или Алы рощ бйка. Говорят, что это сын небесного духа. Он одолел силу отца, поэтому ему новой одежды не дарят, одевают его в поношенную рубашку...

В деревне Мәнъя находятся два молодых человека, их, якобы, спустили с неба на серебрянной люльке. Их символически представляют в образе двух синиц, их стрелы – в виде змей. На медвежьем празднике их представляют как два молодых человека, их спины прижаты друг к другу, движения они делают всегда одинаковые, как бы копируя друг друга.

Еще позднее, после, как было построено Берёзово, в Мувыңтесе появляется Пәст бйка. Он был погублен собственной матерью. Дело происходило так. Юноша очень быстро бегал на лыжах, покрытых выдровой шкурой, по прямой дороге зимой из Сакв-я до Берёзово, привозил те или иные вести оттуда, а иногда и свежий, ещё теплый хлеб для больного человека. Однажды пожилые решили его в очередной раз отправить в Березово, а мать того не захотела, чтобы он пошел еще раз к русским. Тогда она дала сыну лепешечку, которая прибавила бы ему веса, и он провалился под лед напротив деревни Мувыңтес. Место жертвоприношения ему находилось напротив этой деревни, рядом с небольшим ручьем. Он утонул в реке, и теперь на этом месте под водой находится огромный камень, якобы, это его дом. Он погиб молодым, у него не было детей и жены.

В местечке Тāпыс сунт (букв. 'устье Тапыса') находится Щохриң бйка, он является рассыльным – связным каждого пупыга, он очень быстрый, ловкий, стройный и изящный, он быстро появляется в разных местах. Ему дарят обычно тонкий, как шило, нож. Он хорошо, якобы, разрезал чирьи, являлся как бы лекарем-хирургом. Его представляют в виде стрекозы.

Авт бтыр – мальчик, который, якобы, родился от очень бедного человека. Его брат и он убил какого-то губернатора – мучителя людей, поэтому он прославился. Почитается обско-сосвинскими манси.

Таким образом, манси поклоняются духам-предкам. Одни из них помогли им освоить земли и обосноваться там, где они теперь живут, другие отразили врагов, посягавших на их территорию, третьи спасли от голода людей в трудные годы, четвертые положили начало сильному здоровому потомству и т.д. Все заслуги далеких предков сохраняются в памяти и передаются из поколения в поколение. Чем больше мы удаляемся от эпохи, тем больше их дела и слава приукрашиваются. В сознании людей утверждается, что дух тех героев не уходит из жизни, сила его продолжает существовать.

Следует особо отметить, что внешнему облику духа придавалось важное значение. Это проводилось, по мнению манси, с той целью, чтобы можно было различать друг от друга множество создаваемых духов-покровителей по внешнему признаку. В этих целях за каждым духом-предком закрепляется определенное символическое изображение.

Территории, где жили в далеком прошлом именитые предки, потомками объявлены священными. В некоторых местах они охватывают огромные лесные массивы, десятки километров по рекам и речкам, а в некоторых районах малые реки-речки признаны священными полностью. В таких местах нельзя появляться человеку ни под каким видом, тем более в целях охоты или рыболовства, заготовки ягод или грибов, вырубке леса или вывоза сухостоев на дрова. Словом, здесь все запрещено, даже переложить сухую палочку, сучок.

Если внимательно присмотреться, то выясняется, что в священных местах обнаруживаются нерестилища рыб по рекам и озерам или места размножения пушных и иных диких зверей и животных. В результате получают как бы заповедные зоны — источники жизненных основ манси.

Молебные сооружения таким духам-предкам находились на окраине, на границе священной и доступной территории, близко от водоема. Там разводили костер, приготавливали горячую пищу, символически угощали духов, приглашая их речитативом или музыкальной мелодией. После этого акта люди садились есть эту пищу, беседовать о добрых делах

настоящих и будущих. Затем, завершив обряд молебна, возвращались в свои деревни, брались за свои повседневные дела с уверенностью, что духи им обязательно помогут и будет удача в жизни, покой и мир.

Заметим, что в молебные места, находящиеся за пределами села, в лесах, не допускали женщин. Причину такого запрета мне трудно объяснить, может от того, что туда далеко и трудно добираться женщинам.

Создание *нэй* *бтыров* у манси происходило, по-видимому, все время. Из изображений умерших родственников в отдельных семьях создавали своих *нэй* *бтыров*, такие родственники при жизни почитали их за сохранение жизнеспособности той или иной семьи, или просто были любимыми людьми, детьми матери. Такие *нэй* *бтыры* не имеют общего названия, они довольно быстро утрачивают силу вместе со смертью их создателя и главного их почитателя в семье, если другие члены этой семьи не захотят сохранять и почитать его дальше.

Любой человек, погибший каким-либо образом, якобы, превращается в *нэй* *бтыра*, он способен охранять покой и благополучие в доме оставшихся в живых после него, если те его почитают по обрядовым требованиям; или же он превращается в урт и причиняет беду, если его родные нарушают необходимые обрядовые требования. Таким *нэй* *бтырам* поклоняются в хара кане. Он сооружался недалеко от села. Там молились очень пожилые мужчины, а также женщины и дети.

Хара кан — место поклонения погибшим в лесу, в воде, на войне

Приходят в укромный уголок недалеко от деревни, расчищают от шиповника, иной лесной поросли местечко, прибирают в переднем углу площадки срубленные молодые деревья, навешивают на них лоскутки. Кипятят воду, ставят перед этими деревьями, украшенными лоскутками, чашки с едой, на землю в нескольких местах разливают го-

рячую воду. Становятся перед деревьями и кланяются, затем делают поворот по ходу солнца, снова кланяются, снова делают поворот в том же направлении. Так повторяют три раза, затем садятся есть то, что стояло перед украшенными деревьями. Сваренную горячую пищу на костре вычерпывают в чашки и снова ставят перед теми же деревьями, а одну чашку – перед костром, другую – возле источника воды (реки, озера). Повторяют те же поклоны и повороты несколько раз. Горячая пища перестала выделять пар, тогда садятся есть, так как духи будто угостились, пар прошел. Это тоже было придумано несомненно мудрым человеком. Ведь горячую пищу есть вредно для здоровья.

В хара кане для украшения выбирают следующие деревья (небольшие, поросль, чуть выше человеческого роста. Ниже макушки завязывают веточки в виде вытянутых рук):

- 1) березу – небесное дерево, так как оно светлое,
- 2) кедр – дерево прародительницы, так как оно кормит людей,
- 3) сль – дерево невидимых духов, оно черное как болезнь, смерть,
- 4) лиственницу – дерево лесных великанов, могучее дерево,
- 5) сосну – дерево бтыра, всенародного главного покровителя.

В представлении манси имеется два мира: верхний из нескольких этажей и нижний. Верхним правит Нуми Тбрум – это хозяин неба, света и хозяин светлой земной жизни; он изображается пожилым умудренным человеком. Выше его находится Опыл бйка. Нижним же миром правит Хуль бтыр бйка. Он мучитель людей, разные болезни людей исходят от него. Из того места, откуда он выходил на землю, оттуда появились и комары. В сказках он называется Симтāl Мāйттāl хōн ‘Царь без сердца и печени’. Комар – символ Хуль бтыра.

По мнению манси, земля держится на спине срша, поэтому, якобы трудно жить на земле.

Примечание. Сказывают, что если человек на этом свете был плохим, то он попадает в нижнее царство, небо там высотой с хвост собаки, там покойный будет жить только ползком, сесть нельзя – низкое небо. Если же человек был добродетельным, то он попадает в светлое царство, будет жить где-то на берегу теплого моря, где вечно живая, незамерзающая вода, зеленая трава, снуют там вечно живые утки, словом, рай.

По нашим наблюдениям, вера в духов-покровителей берет свое начало и исходит из похоронного обряда, который следует определить первоначальной стадией в системе верования у народа манси. Кроме того, вера в духов связана как бы со стремлением людей к вечной жизни, к бессмертию. Изображение в память об умершем делают в виде куклы, размером приблизительно 25-30 см в рост, наряжают сначала в такую одежду, какую носил умерший в последнее время или в какой он был похоронен.

По преданиям, сказаниям и героическим песням, появление предков манси на территории Западной Сибири произошло задолго до встречи с русскими, даже еще до встречи их с народами, относившимися к людям Усың отыр, Тонтон ойка. Позднее начинается совместная жизнь или жизнь по соседству с названными выше людьми. И намного позднее происходит сближение с русскими и налаживаются с ними торговые связи. Это относится к времени торговли с новгородцами, а затем прихода Ермака за Урал, к XVI и последующим столетиям, к периоду совместных (манси и ханты) жертвоприношений белогорскому богатырю Мир суснэ хум или Эква пыгрисю и Калтащ. Эква пыгрись, якобы, был сирота, его вырастила бабушка, которую называют Калтащ. Это была очень мудрая женщина, она способна была помогать в родах женщинам; давала людям знания по укреплению здоровья младенца, советовала, как из него вырастить сильного, здорового охотника, мудрого рыбака или счастливую мать из девочки. Сама же она, Калтащ, вырастила внука – Мудрого Эква пыгрися. Внешне ее представляют нарядно одетой, спокойной, солидной женщиной.

Волосы седые, похожие на "весеннюю или осеннюю шкурку зайца", но сама она отнюдь не считается вышедшей из зайца или просто зайчихой, как ошибочно толкует З.П.Соколова¹

Заяц у ханты и манси не считается священным животным.

Эква пьгрися позднее начали называть *Ас бтыр*, что значит 'Обской богатырь', или говорят *Тбрум пыг* 'сын неба'. С русскими он очень умело ладил, много раз (семь раз) женился на девушках разной национальности; у него была русская жена. Сын его русской жены содержался в *Хбрыңпавле* – бтыр пыг. Если человек в беде и если сумеет его уговорить о помощи и если он услышит этот зов о помощи, то он из любой беды, якобы, спасет человека. Хранился он в самом большом доме – в доме Соляновых.

Другой сын *Эква пьгрися* находился в *Няксимволе*, ему суждено приносить в жертву молодого теленка лося. Убьют в лесу случайно лосенка, садятся на его зад и прокричат семь раз – это значит жертва ему принесена. Затем берут тело лосенка домой и едят сами. Сына *Эква пьгрися* у них изображали в виде золотого гуся. *Няксимвольские манси* говорят, что гусь каждой весной в их деревню прилетает и, сделав круг, летит к своему гнезду.

Среди духов, хранителей покоя отдельных семей, могут быть похожие символические изображения духов-покровителей. Это объясняется тем, что те или иные семьи по каким-либо причинам поклоняются одному и тому же духу. Так, многие семьи в доме держат *мисьнэ*, символическое изображение доброй лесной женщины. Она владетельница лесных зверей, идущих на пушнину и на пищу, и на одежду, а также богатства на водных просторах и оленей.

Из изложенного выше видно, что число духов-покровителей все время нарастало, сначала было семь первоначальных покровителей, а затем появились их дети, к ним прибавились пришедшие из других мест. Наряду с этим, создаются духи-покровители из отличившихся позднее пред-

1 З.П.Соколова. Пережитки религиозных верований у обских угров. Сб. Религиозные представления и обряды народов Сибири... стр.219. (Подробнее см. список литературы)

ков, имевших значимость для группы людей, а также умерших родственников, имевших значимость для матери-женщины в семье, так как таких духов-покровителей создавали женщины. Одни духи переставали помогать людям, создавали других, более сильных, именитых.

Однако постоянными и важными и самыми древними предками для всех манси были – Тõрум, Õпыль, Корыс – боги – небесные жители, представленные в образах седых мужчин. Калтащ – букв. 'подмогу делающая' – прародительница, изображаемая в виде седой женщины, и их внук Мир Суснэ хум, букв. 'За народом наблюдающий человек', были сильными, мудрыми духами и были значимы для всех людей (манси и ханты), они и теперь считаются пожилыми одними из главных и вссильных духов-покровителей.

У манси было принято приносить жертвы и делать дары всем духам-покровителям. Манси, подарившие своим духам нарядные дорогие подарки, не извлекали их обратно для своих нужд. Что касается народа ханты, то, по словам Груни Песиковой, подаренные платки и одежду через некоторое время они могли носить сами, но взамен клали туда новые дары. Это, возможно, объяснялось рациональностью использования тех дорогих подарков, которые люди дарили своим духам.

В сознании манси отсутствует общее понятие бога и служение божеству. Идеи христианства среди манси не распространились и не привились, люди в церковь не ходили и молитвы не знали. Но чтобы манси все же посещали церковь и чтобы можно было брать с них подати пушными зверями или деньгами, попы местных церквей наименовали "священными домами" того или иного най õтыра, например, Березовскую церковь – домом Аяс õйки, Щекурьинскую – домом Нёр õйки, Сартыншинскую – домом Тагт котиль õйки, Ломбовожскую – домом Семи богатырей из Кемпажа, Самаровскую – Домом Мир суснэ хума и т.д. Поэтому манси церковь называют "священным домом", как и места жертвоприношений в лесах, на природе.

Вопрос о религиозных представлениях манси довольно сложен, и характеристика тех или иных явлений духовной культуры требует не только знания всех тонкостей ее, но и особенностей психики людей, создавших эти представления.

Чтобы разобраться в духовной культуре народа манси, нужно войти в духовный мир народа, а не наездами брать некоторый материал и толковать его по своему усмотрению.

Символические изображения духов-предков манси¹

Най̆ б̆тыров веками накапливалось много. Внешнему облику каждого най̆ б̆тыра придавалось важное значение для того, чтобы их отличать друг от друга. Люди их наряжали в различные виды одежды. Кроме того, многим из них в дополнение к человеческому образу прикладывали символическое изображение зверя, птицы или иных существ. Они являлись как бы тамгой – их отличительным признаком. Такое разграничение помогало отличить каждого из них при хранении или представлении их на медвежьем празднике, во время молебных обрядов, где не было принято называть того или иного най̆ б̆тыра прямо по имени, например, по местонахождению. (Христианских же имен у манси не было, таковых имен мы не встретим в мансийских героических и призывных песнях, сказаниях и легендах, даже сказках, если они не заимствованы у русских.) Итак, манси своих предков представляли так, манси говорят, что если внимательно присмотреться к человеку, то в его характере, натуре или внешнем облике можно обнаружить нечто сходное с тем или иным животным, зверем, дичью и т.д. По этой причине можно прилагать к духу-предку тот или иной символ, и дух-предок в таком образе может показаться на глаза человеку с острым зрением, т.е. наделенных даром видения. Это совсем не значит, что они произошли от зверей.

¹ Здесь использованы материалы автора, собранные у северных манси, начиная с 1958 года.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что утверждение некоторых ученых о том, что "манси были распределены по двум фратриям – Пор и Мось" и что "фратрия Пор связывала свое происхождение с медведем, а фратрия Мось – с зайцем"¹ является вымыслом, не соответствующим представлению самих манси о возникновении мира и жизни на земле. Напротив, манси считают, что люди при определенных условиях становятся зверями. Так, в преданиях о медведе говорится, что дочь Нуми торума небесной силы превращается в медведицу (см. об этом выше стр.16-18).

Во многих сказаниях говорится, что души некоторых выдающихся предков могут перевоплотиться в образ собаки, птицы. Здесь мы представим известные нам символические изображения того или иного духа-предка, прилагаемые к тряпичным изображениям най о́тыров: например, Нёр о́йка в призывной песне воспевается как мужчина, одетый в белую меховую одежду и обувь, он ездил на белых оленях; Та́гт котиль о́йку представляли как сильного воина, в одежде из тонкого сукна, в кольчуге, с саблями, с луком и со стрелами; Полум о́йку – куклой с черной суконной повязкой на шее, шириной в три пальца; Па́йпың о́йку всегда содержали в берестяном кузове, так как он при жизни надевал на себя защитный панцирь, сшитый из прокипяченной плотной бересты; Хо́нт то́рум о́йку – в виде куклы в красной суконной обертке с семью стрелами, его образом может быть большая волкообразная собака; Су́йур э́кву – в виде нарядной женщины в платке с солнцобразными рисунками; Калташ э́кву – как пожилую женщину с весенней или осенней заячьей шкуркой на голове, якобы, это ее седые волосы, до такой степени поседевшие от времени; Ёипыг 'Филин'; Ёипыг аки 'дед филин' или Алы ро́сь о́йка, букв. 'мужчина верхнего плеса' (плеса вверх по реке) – это образ одного из сыновей главного и древнего покровителя. Находится он с женой выше деревни Хо́рыңпа́выла. Их одевают обычно в поношенную

1 Очерки общей этнографии. М., 1960, с.331-332; З.П.Соколова. Пережитки религиозных верований у обских угров. Сб. Религиозные представления и обряды народов Сибири, стр. 216; она же: Социальная организация хантов и манси в XVIII-XIX вв. М., 1983г.

одежду, т.к. сын-филин оспаривал волю отца. Изображение кошки – это дополнение к образу казымской героини, она дочь Хәңылсам нәй Эквы, Кассум ворсик ‘синица’, в образе синицы представляют приложение к двум младенцам, спущенным, якобы, с неба в серебряной люльке, и почитались они в Манье. На медвежьем празднике представляют их в виде близнецов с прижатыми друг к другу спинами, и все движения они копируют точь-в-точь. Гусь – это дополнение к образу хозяина Няксимволя, он сын Эква пйгрися. Комар – это душа невидимых людей (духов), почитались они во многих домах, – это кукла из черных лоскутков. Дождевой червь – это завязки шубы Сүйур Эквы, ее почитали в Хошлоге. Чирок – это дополнение к образу предка Товлың пәсыт ‘крылатый пасыт’, он являлся дядей Хөнт төрум бйки; отца Хөнт төрум бйки называли Пәкв пөсы войкан бтыр – ‘белокурый богатырь, как зернышко кедрового ореха’, он был хранителем покоя в Мувыңтесе. Лягушка – это дополнение к образу Нярс нәй Эквы, она была сестрой, как отмечалось выше, Тәгт котиль бйки и почитались людьми в Верхней Сосьве. Медведь – это образ Ялыус бйки, был хранителем покоя в нижней Сосьве. Волк или большая собака-овчарка – это образ Хөнт төрум бйки, зятя семи богатырей из Соракта, пришедших когда-то с верховий Лозьвы через Обь, они почитались в Сыгве. Стрекоза – это образ души Сәхриң бйки, мужчины с тонким, как шило, ножом, он людям помогал разрезать чирии, был как хирург, он хранился в Ясунте, Сёртыңс – на Сыгве и Тапысе и в других местах. Гагара – это дополнение к образу Хуль бтыр бйки, в сказках его называют ‘царь без сердца и печени’, был хозяином в Ясунте. Речная чайка – это дополнение к образу хозяина Игримского большого рыбного озера, он сын Тәгт котиль бйки. Лебедь – это дополнение к образу Тәгт талих бйки ‘мужчины верхней Сосьвы’. Коруш – это дополнение к образу деда, жившего на Хөртхан нәле (мысе), почитался людьми из Хөрыңпәвла и деревни Мувыңтес. Рыжая лиса – это дополнение к образу богатыря из Теги. Ворон – это дополнение к образу родни

богатырей из Сбрахта, в таком виде они были представлены у деревни Хохан.

Приведенное выше не следует понимать так, что манси поклонялись самим этим зверям и иным существам, как таковым; нет, это лишь символические признаки того или иного най быра для внешнего их разграничения. Перечисленные выше символические изображения покровителей являются как бы атрибутами в священном ящике того или иного духа. По этим признакам легко узнают каждого соответствующего духа-предка. И во время медвежьего праздника их представляли в том облике, какой образ за каждым из них закреплен изначально.

В мансийских героических призывных песнях торжественно, с глубоким уважением и почитанием предкам излагается текст о том, что делали най быры, по какой причине тот или иной най быр стал общеизвестным, уважаемым, памятным для людей.

Манси к символическим изображениям най быров, а также ко всей окружающей их природе бережно и свято относятся, одухотворяют ее. А это, с одной стороны, закладывает в человеке осторожное обращение с окружающей их природой, обожествление ее, а с другой стороны, эта осторожность предостерегает, самосохраняет их от всяких трудностей и неожиданностей в тяжелых природных условиях. Ведь вся жизнь манси зависела от природы, они из нее добывали пищу, одежду и топливо, делали средства передвижения, жилье и т.д. В настоящее время игнорирование природных условий приводит ко многим несчастным случаям на воде и на суше.

В поверии манси, умершие не исчезают бесследно. Мужчины, не получившие заслуги перед народом, после смерти начинают жить обратной жизнью и в конце превращаются в тёрың хомлах 'жука', а женщины – в нимсар Эква 'паука' "Вот поэтому нельзя этих насекомых убивать – они наши прадеды, прабабушки", – так объясняют манси детям.

У манси деревья распределяют на мужские и женские и по этому признаку определяют их принадлежность тому

или иному духу. Так, когда в прошлом устраивали молебное место в лесу, хара кан, то выбирали такие деревья: береза – это дерево неба, так как оно белое, как небо; кедр – это дерево женщины Калташ, так как оно кормит людей; ель – это дерево невидимых духов, оно черное, как болезнь, смерть¹; лиственница – это дерево лесных людей, это могучее дерево, как и сами лесные великаны-силачи; сосна – дерево богатырей. Все эти деревья называют тыр ййвыт 'жерди на молебном месте'. Хвойные деревья манси называют деревьями мансийской породы, так как они очень медленно растут и размножаются, а лиственные, например, иву, считают деревом русской породы. Они размножаются очень быстро.

Вера в духов-предков возникла в глубокой древности в повседневной борьбе с суровой природой за существование, за самосохранение и в целях утверждения силы и веры в себя. Все тонкости верования народа манси еще не нашли надлежащего освещения в литературе, она уходит из жизни вместе с пожилыми людьми манси. Необходимо поспешить зафиксировать во всех регионах проживания манси и ханты данные по верованию и по другим обрядам этих народов.

Список известных нам духов-предков манси

Алы рōш акийыг āквыг, йипыг акийн āквыг, йипыг дйка: был умным сыном бога. Жили они с женой в Хурумпауле, его символический образ – филин.

Авт дтыр – брат Тэк дтыра; он жил у устья Оби; они с братом убили какого-то человека-мучителя.

Аяс дйка (щакыл тōрум): он был очень сильный и мудрый человек, был братом Тāгт котиль дйки. Его символ – лебедь. В Березово церковь была поименована сму, называли ее дом Аяс дйки, манси приносили туда дары.

Вōр-я дтыр; семь братьев, они жили по реке Вōр-я.

Ѐвтым сос ялпын дтыр пыг, Миснэ пыг – это святой сын Эква пыгрися, рожденный от его жены Миснэ. Жил по реке

1 Еловые леса сырые, притягивают молнии, ею разбиваются высокие ели. Манси считают, что вместе с разбиваемыми деревьями уничтожаются спрятанные в них духи болезней и смерти.

Ёвтом сѳс, в свое время поднял на ноги голодных и больных людей и спас им жизнь своим умом.

Йипыг акийыг а́квыг, см. Алы рѳщ акийыг...

Калтащ Эква – прародительница – можно так именовать, жила на Оби.

Кассум ворсяк хуриң тит ѳтыр – они двойняки, якобы, некогда были спущены с неба. Жили они у деревни Мāнь-я.

Кākңпуңк ѳйка жил в деревне Хошлог, его убил отчим. Он был белокурый. Деда Кākңпуңк ѳйки называли Пāст ѳйка, который жил в деревне Мувыңтес.

Кāсум нāй āги – внучка Хāңылсам нāй Эквы, сестры Тāгт котиль ѳйки. Ее символический образ – кошка.

Корс – самый верхний, седьмой этаж Земли и Неба.

Лѳпың ус ѳйка – сын покровителя от жены Миснэ. Он был очень требовательным человеком среди своих братьев, жил в деревне Ломбовож – Лѳпмус.

Лувың хум, см. Мир суснэ хум.

Луски ѳйка – сын Тāгт котиль ѳйки, жил в деревне Луски.

Луссум вит ялпың ѳтыр, Вит ялпың пупыг ѳйка, жил на притоке реки Луссум (Лозьва); от него пошли семь богатырей, хорошие воины. Вооружены были кольчугами.

Луссум талих сāt ѳтыр, Вит уснул квāлум мāхум; их младший брат являлся зятем Тāгт котиль ѳйки, они ее украли у отца. Ее символический образ – золотой коршун.

Луссум талих Нёр ѳйка – в верховьях реки Лозьва.

Лэпла сунт ѳйка, жил он у устья реки Лэпла. К тому мысу, якобы, любил являться Мир суснэ хум.

Мир суснэ хум – он защитник всех людей. Его называют еще Лувың хум ‘Человек на коне’, Эква пыгрись, ѳтыр, Сѳрни ѳтыр. Его священное место – Белогорье. Он был белокурый, очень сильным и мудрым, ладил со всеми, оберегал людей от бед, контактировал и с русскими.

Миснэ – она младшая сестра братьев из верховьев реки Сыгвы (Сакв-я). Ее муж – Пāйпың ѳйка, который жил в деревне Хошлог. Она на поясе с собой привезла озеро, богатое рыбой. Наряжают ее шелковыми платками.

Миснэ пыг, см. Ёвтым сѳс ялпың ӕтыр. Он хозяин соболей на тех местах.

Мисхум ӕйка, хуш ӕйка, Сӕлйурн ӕйка – это помощник Нӕр ӕйки.

Мӕщнэ – это сестра Мир суснэ хума.

Мӕщхум ӕйка – это сын Аяс ӕйки, он отцом был назначен к устью реки Сыгвы (Сакв-я).

Мӕңкв пӕгрись – он был одноглазый братишка великанов и жил по реке Сукыр-я (в местечке Нӕңкыться), а приехал сюда в свое время с братьями из Няксимволя воевать, но потерпел поражение.

Нӕр ӕйка – один из братьев Тӕгт котиль ӕйки, его дом в верховьях Сакв-я – священная гора на Северном Урале, его одежда и обувь из белого меха, ездил на белых оленях.

Нӕр ӕква – жсна Нӕр ӕйки. К этой горе манси не ходят. Эта гора очень священна. На большом расстоянии устраивают обряд поклонения.

Нӕхссов хурп тӕнтың ӕтыр – сын Тӕгт котиль ӕйки, жил он в Люлиң вӕре напротив устья Сыгвы, был хозяином тех соболиных лесов по реке Тӕпыс-я.

Нӕрс нӕй ӕква, Хӕңылсам нӕй ӕква – сестра Тӕгт котиль ӕйки, жила она в деревне Хӕңылсам (Верхняя Сосьва).

Нӕхщамволь нӕй, Кӕль нӕхс сагил нӕй, жила некогда в Няксимволе.

Нӕхщамволь ӕтыр пыг – сын Мир суснэ хума; его символический образ – золотой гусь.

Нӕхщамволь тулям урҕ ӕйка – хозяин великанов, со своими братьями они ходили в поход в район расселения сыгвинских манси, потерпели поражение; в тех местах они оставили младшего братишку, одноглазого Мӕңкв пӕгрися.

Опыль ӕйка – живет выше Нуми тӕрума, как бы на шестом этаже Земли и Неба.

Ӑтыр, см. Мир суснэ хум: когда очень туго приходится человеку, то он обращается к нему, к Мир суснэ хуму.

Ӑтыр пыг – сын Мир суснэ хума, рожденного от его русской жены. Он был хранителем людей в деревне Хӕрҕпӕвл.

Палья бйка – сын Тагт котиль бйки, жил он в деревне Палья.

Патум пирва люлит бтыр, см. Паст бйка.

Пайпың бйка, Павылсыс аки, Павылсыс бйка, Пайпың бйка – младший брат Хулумсунт махума – семи богатырей из верховьев речки Сбрахта; он носил защитный панцирь из бересты, его держат в кузове из бересты; его жена Миснэ – сестра Саквталих махума из верховьев реки Сакв. Она в приданое "привезла" озеро в Хошлог, где она впоследствии жила с мужем. Это богатой рыбой озеро. Он помощник Хбнт торум бйки, жили они с женой в Хошлоге.

Пакв пѳси войкан бтыр, Лапум пирва люлит бтыр (ащум нур ёхтэгум, ягум нур ёхтэгум 'мститель из-за погубленного отца', жил в деревне Мувыңтес (по реке Сакв-я).

Паст бйка – он был очень сильный, здоровый, умный; жил в деревне Мувыңтес. До Березово ходил на лыжах, покрытых шкурой выдры, за полтора дня. Царские люди начали интересоваться им. Мать "отправила" его, он утонул напротив деревни Мувыңтес, его образ – чирок.

Полум торум бйка – брат Тагт котиль бйки, жил он по реке Пелым, приходил воевать к Хбнт торм бйке на Сыгву и потерпел там поражение.

Полум торум бйка пыг, жил он в деревне Пёткас. В голодные годы он нашел рыбные семь озер и спас людей от голода.

Порнэ – это, якобы, дочь бога.

Пуйи акиянув, см. Я тальх акиянув.

Пуйи махум, см. Я тальх акиянув.

Сакв сунт торум пыг – сын Аяс бйки, его жена – дочь святыни из деревни Мувыңтес на Сыгве (Сакв-я).

Сакв талих бйка – помощник Нёр бйки и сын Хущ бйки – пастуха Нёр бйки. Его, как и отца, называют Мисхум бйка, жил он в верховьях реки Сакв-я.

Самсай махум – почитают во многих домах, их образ – комар.

Саня бйка находится по реке Саня-я.

Салы урн бйка, см. Хущ бйка.

– Сѡпаклѡмт тѹр котиль ѡйка – сын Тѡгт котиль ѡйки.

Сѡбрахт акиянув, см. Я тальх акиянув.

Сѡрни ѡтыр, см. Мир суснѡ хум.

Сѡрниѹ хѡртхан хуриѹ нѡй – дочь Тѡгт котиль ѡйки, которую украли верхнелозьвинские богатыри для своего младшего брата.

Сѡрниѹ пирва хуриѹ ѡтыр – дед Хѡнт тѡрум ѡйки, который жил в деревне Мувынтес по реке Сыгве (Сакв-я).

Суй ѡйка I жил в деревне Хартыме, сын Тѡгт котиль ѡйки.

Суй ѡйка II жил в Няксимволе, он родня великанов.

Суйур ѡква – младшая сестра семи богатырей из верховьев Сѡбрахта. Сыгвинские манси считают, что дождевые черви – это завязки ее шубы, и поэтому они священны. Муж Суйур ѡквы – Хѡнт тѡрум ѡйка. Суйур ѡква – покровительница манси из деревни Хошлог, Мувынтес.

Сѡпыр нѡй, ками нѡй ѡнкв – мать земли.

Сѡхриѹ ѡйка – его символический образ – стрекоза. Он ловко умел лечить фурункулы, разрезая их острым, тонким как шило, ножом. Был добрым и легким на подъем, на зов больных. Ему поклоняются в Ясунт пѡуле (по реке Сакв-я), Тѡпысе, Яныг пѡуле на Урале (по верхней Сосьве), по реке Сѡртаѹ. Он был связным между людьми и многими важными покровителями манси.

Сѡлголн ѡпаѹ тит ѡтыр – два младенца, якобы, были спущены с неба на землю в серебряной люльке, им поклоняются в деревне Мѡнья (по реке Сакв-я).

Сѡрысьныл тѡтым сѡт ѡтыр жили на средней Сосьве по речке Палья (чуть выше Хохаѹ пѡвыла).

Тѡгт котиль ѡйка – жил он по Средней Сосьве, перегораживал Сосьву каменной плотиной, крепко охранял землю от врагов. Он сам и его сыновья и воины были одеты в сукно, кольчуги, были меткими стрелками. Другие покровители – предки манси подчинялись ему, в том числе и его собственные дети, поселившиеся на разных местах по Средней Сосьве.

Тѡгт котиль ѡйка пыг, Тѹр котиль ѡйка, жил он у большого озера деревни Сѡпаклѡмт.

Терың алпип сәт օтыр, см. Сярысьныл тетым сат օтыр, Палья махум.

Төрүм – Бог, общее понятие небесной силы, он много раз был женат. Его жены были разной национальности, в том числе и русской. Его сыновья обитали на земле, им поклонялись манси.

Төрм коләви урнэ мәхум – охранники прохода в небесный мир, три человека было, жили в Ломбовоже (по реке Сакв-я).

Тулям урҗ ойка – глава великанов, был хорошим охотником, жил в Няксимволе (Верхняя Сосьва).

Тәгт тәлих Нёр օйка – в верховьях реки Северной Сосьвы.

Тэк օтыр – брат Авт օтыра, жил в деревне Теги.

Хаңлсам най эква, см. Нярс най эква.

Хөнт төрм օйка – зять семи богатырей с геки Сбрахта, его отца звали Пакв псы войкан օтыр, его деда, восставшего после гибели отца, звали Патум пирва лблит օтыр (օйка). Символический образ Хөнт торум ойки – собака; был хорошим воином. Его священные атрибуты – семь стрел с наконечниками. Сестра Хөнт төрүм ойки находилась по реке Вөрья (Верхняя Сосьва), его жена Суйур эква, когда они разошлись, она жила в Хошлоге.

Хуль օтыр օйка – хозяин подземного царства, его почитали в Ясунте.

Хулюмсунт мәхум, см. Я тальх акиянув.

Хуц օйка, см. Мисхум օйка.

Щохриң օйка – во многих уголках Сосьвы и Сыгвы почитают. Его символ – тонкий, как шило, нож.

Эква пбгрись, см. Мир суснэ хум.

Ягрим тур патта օйка – сын Тәгт котиль օйки, жил в Игриме. Его символический образ – речная чайка.

Ялйус օйка жил в деревне Ялйус павыле. Его символический образ – медведь. Он умел воскрешать людей, был легким на подъем, всегда приходил на помощь к больным.

Ялпың օтыр пыг – сын Мир суснэ хума от жены Миснэ. Жил он в Ёвтым сөсе (Верхняя Сосьва).

Я тальх акиянув, Пуйи акиянув, Пуйи мәхум, Сбрахт акиянув, Хулюмсунт мәхум – семь богатырей, сильные во-

ины, прибыли в район реки Сакв (жили они по речке Сорахта) из верховьев Лозьвы, шли через Обь. Пытались обосноваться на мысу, где теперь р.п.Березово, там они посадили семь лиственниц. Затем хотели остановиться на среднем течении Северной Сосьвы, но их оттуда прогнал Тăгт котиль ойка... Символический образ их отца – золотая птичка "каткасы".

Я тальх сăт ѓтыр, см. Я тальх акиянув.

Я тальх мăхум, см. Я тальх акиянув.

Свадебный обряд сыгвинских манси¹

Как известно, свадебный обряд возник в глубокой древности и сохранил в себе черты различных исторических эпох. Естественно, что со временем он претерпевал определенные изменения, впитывал в себя новые черты и новые мотивы, обусловленные изменившейся социальной и культурной обстановкой мансийского народа,

В свадьбе принимают участие два противоположных друг другу коллектива, две семьи; семья жениха и семья невесты.

Существуют различные формы приобретения невесты: похищение и сватовство.

1. Похищение невесты женихом (нэ тулмантанэ).

Факт похищения невесты является более древним, чем сватовство. С целью похищения приходят или приезжают жених и сноха (иногда старшая сестра жениха). Они стараются встретить девушку на улице, чтобы близкие подруги не знали об этом, тем более родители. Они стремятся уговорить девушку. Сноха восхваляет жениха, что он хороший, работающий, на все руки мастер, охотник и рыбак. Когда девушка соглашается, то она едет вместе со своим женихом, взяв с собой только тучаң (мешочек, где девушка хранит необходимые вещи, мешочек шьют из оленьих лбов). Тучаң имеет каждая мансийская девушка, в него кладется две маленьких куколки – одна мужского, другая женского пола,

Сведения о свадебном обряде манси публикуются впервые. Описание его делается на основе полевых записей и личных наблюдений автора статьи.

если их не будет, то у девушки не будет счастья и не будет детей, когда она выйдет замуж. Покидая свой дом, девушка должна брать свой тучаң незаметно, тайно от родных. Обычно девушки-манси хранят свой тучаң в сенях, чтобы легче было унести с собой. Ночь проводит у жениха.

На следующий день родители узнают о побеге дочери. Они ее повсюду ищут, у всех спрашивают. Вскоре доходит до них слух, что дочь похищена женихом. Мать с отцом или старший брат едут на поиски. Если дочь похищена в другие юрты, то на поиски отправляется брат. Едет сама мать, если жених и невеста в одном селе. Бывает так, что когда мать находит дочь, она бьет ее, хватая за косы в присутствии жениха и его родителей. Жених защищает невесту. Мать уводит дочь домой.

После того, как родители невесты были поставлены перед совершившимся фактом, допускается обряд сватовства.

2. Брак с согласия родителей – сватовство.

Завязкой или началом свадьбы было сватовство (сговор родителями девушки н̄ х̄йталан в̄рмаль).

Сватовство

Проходило оно следующим образом. Жениху предлагают девушку (иногда совершенно незнакомую, из соседних юрт), понравившуюся отцу и матери. Жених чаще всего соглашается с родителями, а если нет, то они женят сына, не спрашивая его согласия. Посылают в дом невесты отца и сноху (б̄нге – жену старшего брата). Если нет отца, то очень близкого родственника (х̄йта хум 'сват'). Вообще иногда приглашают близкого друга отца. Сваты направляются в дом невесты. Родители невесты просят сватов раздеться и сесть. Сват старается подсесть к отцу девушки, если же нет отца, то к тому, который его заменяет (старший брат). А сваха старается подсесть к матери невесты. Вначале они говорят о том о сём, испытывают друг друга, выясняют настроение родителей невесты.

Разговор начинает сват:

Махумкве, нан, эрттам, эл-мин агит б̄нсьег̄н,

Эл-мин пыгт ɔньсегын.

Ман нан палтын саралахтуңке, пёрссалахтуңке ёхтысув.

Нан латнын ат хулнэв мос кон ат квэлэв.

Ман сыраил нявлылын мёнмён.

Ман касаил нявлылын мёнмён,

Кон квэлнэ ави ат хонтымён,

Кон миннэ ави ат ɔньсимен.

Перевод:

О, милые люди!

У вас есть дочери – для выдачи на сторону,

Сыновья – для выдачи на сторону,

Пришли мы досаждать вам,

Пришли мы донимать вас,

Ждем хорошего ответа

И не уйдем, не получив его.

Хоть саблей гоните нас,

Хоть ножом гоните нас,

Нас ничто не пугает.

Родители молчат, хоть они и согласны. И молчат до тех пор, пока на стол не положат деньги – сүп мёт (эти деньги как бы цена девушки). У девушки должен быть защитник. Он хватает топор, кладет его на плечо лезвием кверху и становится у двери со словами угрозы: "Юв сялтум авин по-сың, кон квэлнэ авин турман". 'Вход ваш в дом был светлым, выход ваш темный!' Сват свои слова повторяет несколько раз и также несколько раз может класть деньги.

Отец девушки отвечает свату:

Эл мин аги ат ɔньсегум,

Эл мин пыг ат ɔньсегум.

Анумныл хот титыглахтэгн.

Сака ти аги эри, сака ти пыг эри,

Аги ɔньсюм нэнныл титыглахтэн.

Тав тотта унлы.

Перевод:

Дочерей – для выдачи на сторону,

Сыновей – для выдачи на сторону у меня нет,

Вы меня не просите.

Если очень нужна вам девушка,
Если очень нужен вам сын,
Просите у матери, родившей девушку,
Вон она сидит!

При этом показывает на жену, как главную в решении судьбы дочери. Затем начинает говорить сваха. Она произносит те же слова, что и сват. Если мать не согласна выдать дочь за этого жениха, то она начинает ругаться и даже гнать гостей из дому. Снова сваты кладут деньги, потом мать говорит, если она согласна:

Аги õньсюм нэ ам кос,
Пыг õньсюм нэ ам кос.
Эла минуңкве лāвим āги эла мйны,
Ляпан минуңкве лāвим āги ляпан мйны.
Тый тōрум вāрум нак.
Тōрум ёлыпāлт вассыг ам
Хумле вāрхатэгум.
Сака ти эри,
Агим таквинātэ титыглэн.

Перевод:

Я мать своих детей,
Я не могу перечить своей дочери.
Этот закон издан богом,
И я подчиняюсь ему.
Если она вам очень нужна,
Спросите желание моей дочери.

При сватовстве девушка отсутствует. Ее приглашают при согласии родителей. Она заходит домой и, даже не раздеваясь, садится так, чтобы лицо ее не видели сват и сваха. Ее спрашивают, но она сразу не отвечает. Через некоторое время родители говорят: "Что ты молчишь? Убежать сумела, а тут слова не можешь вымолвить. И девушка начинает плакать и приговаривать:

Ам торас ти вāрэгум,
Анум сярисьн тāратэлын.
Ам ат ти эрэгум,
Вōрн тāратэлын, вōр пўрсиг ёмтэгум.

Мѳт хѳтпа колн минуѳкве ат таѳхѳгум,
Мѳт хѳтпа сѳнькве палт минуѳкве ат вѳрмѳгум
Ам номтум вѳти,
Ам ѳрум иѳ вѳгтѳл.

Перевод:

Если вам мешаю, то опустите меня на дно моря,
Если я вам не нужна, отошлите меня в тайгу,
Буду я в тайге бродить в образе кабана,
Но в чужой дом идти не желаю.
Не могу уйти к чужой матери,
Ум мой короток. Силы мои слабы.

Если девушка убежала, то мать ей грозно говорит: "Не для этого убежала из дому, надо было подумать раньше."

Сваха успокаивает невесту следующими словами:

Ѐгикве, ѳгикве, ул лѳньсѳтен.

Мѳн ѳс тох лѳвыгласув,

Мѳн ос тѳх лѳньсигласув.

Тѳрум ѳла миннѳ пыг

Ѐла минуѳкве лѳвыстѳ,

Ѐла миннѳ ѳги ѳла минуѳкве лѳвыстѳ.

Перевод:

Доченька, доченька, не расстраивайся.

В молодости мы тоже так говорили, так плакали,

Божьи законы не изменишь,

Сыновья уходят, дочери уходят.

Девушка успокаивается, дает согласие.

Согласие родителей на брак

Как только девушка дала согласие, родители невесты угощают сватов чаем, вином. Договариваются о свадьбе. Назначают день свадьбы. В этот вечер они устраивают семейное торжество. Если жених и невеста живут в одном поселке, значит, приглашаются самые близкие родственники невесты и жениха. Если из другого поселка жених, то приглашают того, кто здесь присутствует. На этом торжестве невеста за стол не должна садиться. Она сидит за занавеской, специально повешенной. С этого дня она должна скрывать лицо от стар-

ших братьев своего мужа и главное от отца жениха, при них она не должна ходить босиком, т.е. быть все время в одежде, платке, даже в летнюю жару. Невеста не должна носить платья с открытым воротом и короткие. Этот обычай называется "избеганием". Но это избегание снимается только к старости, когда молодые проживут лет 30-40. Скрывает лицо не только невеста, но и мать невесты скрывает свое лицо от зятя. Невеста сидит за занавеской (хасапсай) не одна, а вместе с подругами. Они вспоминают прошлое, веселые дни юности.

О женихе

Жениха не показывают родителям невесты до семейного торжества. Он все скрывается. Все садятся за стол и приводят жениха. Он приходит с закрытой платком или рубашкой головой. Его сажают на колени тестя. В это время тесть должен снять с головы жениха повязку и поцеловаться с зятем. Если он снял рубашку с головы зятя, значит рубашка достается ему. Если же платок, он отдает его жене или одной из родственниц невесты. Тесть усаживает своего зятя рядом с собой, и начинается пир.

Вообще так было до 40-х годов XX столетия, а сейчас этот обряд не выполняется.

Гости веселятся, поют песни. Обычно на таких вечерах и на свадьбах поют про свою жизнь. Прославляют своих сыновей, поют про свое горе и радость, и в целом получается хор нестройный, разноголосый.

После пира расходятся по домам. Если же родственники приехали издалека, то остаются у невесты и дня через 2-3 справляют свадьбу. Если родственники жениха живут не так далеко, то уезжают, а невеста остается у родителей до большой свадьбы. Она готовит приданое: шьет платья, платки с кистями, кисы праздничные и другие личные вещи. Сестры и подруги ей помогают.

Свадебный стол

В назначенный день приезжают или приходят гости. У манси никогда свадьба не начинается с вечера, обычно с утра. Имеется поверье: если очень хороший день, значит молодые супруги будут счастливы, если ветер, дождь, снег, гроза, значит, в семье будут неполадки, ссоры или другое несчастье. Накрывается стол с разными яствами. По мансийскому обычаю готовят большой общий котел (суп мясной) из оленьего или лосиного мяса – это самое ценное угощение.

Невеста за стол не садится, а сидит между своими родителями (это было раньше, в наше время, вот сейчас жених и невеста сидят за столом рядом).

Невеста сидит опять за занавеской. Эту занавеску заменяет иногда большой красивый платок. Она сидит с подружками, они угощаются за занавеской.

На этом пире начинается обряд раздачи подарков.

Подарки раздает, обычно, сноха невесты или старшая сестра. А кому что дарить, решают раньше. Ценный подарок преподносят отцу и матери жениха и очень близким его родным. Дарят обычно платки, платья – женщинам, рубашки – мужчинам. В последнее время дарят даже часы, дают деньги на покупку ценных вещей.

Одевание невесты.

К концу свадьбы невесту одевают. Одевает сноха или старшая сестра невесты. Платья и платки заранее приготовлены. На невесту надевают обычно 3 платья, т.е. непарное количество (парное – это грех, так одевают покойницу). Обязательно 3 или 5 платков на голову (в наше время невесты обходятся одним большим платком). Если свадьба проходит зимой, то надевают сахи (шубу из оленьих шкурок) и кисы праздничные. Летом шьют обувь из замши, оленьей кожи, крашенную внизу красной краской. При одевании невеста начинает плакать и рыдать – это знак того, что ей жаль оставлять родителей, близких.

Прощается отдельно с братьями, с сестрами и, наконец, с родителями. Подходят сваха и жених с платком. В этом платке невеста ходит первый день, как приведут ее в дом мужа, и считается это как бы подарком.

Невесту берут за руки две женщины. И они втроем — невеста, женщины молятся, поворачиваются к муликолу (в углу у манси делается маленькая угловая комнатка, где, якобы, живут сильные духи и всякие боги невесты) и начинается, кланяются три раза, чтобы невеста была здорова и счастлива. Не забывают поклониться иконе, если имеется в доме. Затем направляются к выходу, невесту ведут за руки, подхватив под локти. Невеста этим двум женщинам, выведшим из дому ее, дарит по платку, чтобы ей в чужом доме жилось хорошо.

При выходе невеста садится на пол или сопротивляется и не идет дальше. Это знак того, что девушке мать или отец не дали нужную ей вещь. При этом она все плачет и выговаривает:

Емас õтыр асьтем та хульты,
Емас най оматем та хульты.
Мõтхõтпа колн та тотāвем,
Мõтхõтпа колн та квāлтгāвем.
Аюкква!...

Перевод:

О милый батюшка,
О добрая матушка,
Меня уводят в чужой дом,
Меня выносят в чужой дом
Ой, ой

Подходят к невесте мать или отец и спрашивают, чем она недовольна или что она хотела бы еще. Спрашивают тихо, лишь бы только невеста слышала. Невеста говорит родителям, что ей надобно. Родители обещают, что они ее просьбу выполнят, невеста встает, идет вперед, но при этом горько плачет. Если она недовольна или хочет подарков от братьев или сестер, еще несколько раз может останавливаться, пока не добьется исполнения своего желания. Но когда девушку выдают против ее воли, она вообще ложится и даль-

ше не идет. Тогда братья или отец берут невесту и привязывают ее к нарте, так увозили жениху насильно, не считаясь с ее желанием. Нарта жениха и невесты нарядно украшена колокольчиками, кисточками из замши, красивым платком. Жениха и невесту усаживают рядом (раньше невесту увозили лежа, а жениха усаживали в другие нарты). Лицо невесты закрывают платком, сверху она покрыта тонким сукном, она неутешно плачет. По обычаю, жених должен успокаивать свою супругу. Прежде чем тронуться нарте с места, одна из старших родственниц невесты хватается за носовую часть нарты, якобы, не позволяет тронуться с места нарте. Подходит к ней кто-нибудь из родственников жениха и обещает ей в подарок оленя, тогда она выпускает нарту (если лето, то лодку придерживают за кормовую часть. В этом случае также обещают придерживающему лодку дорогой дар). Если в деревне есть церковь, то свадебные нарты объезжают ее, останавливаются у церкви и стоят молча несколько минут. Потом уже выезжают. Если они живут в одном поселке, то поселок объезжают три раза по кругу по ходу солнца.

При этом, если на встречу попадутся сани с дровами, то это к несчастью, обычно манси этого очень боятся. Если водозов — жизнь будет вольной, счастливой.

Когда жених и невеста приезжают домой, то их встречают мать и отец жениха, которые приехали раньше, чем свадебные нарты. Невесту вводят в дом жених и сваха. Ее раздевают и усаживают за стол рядом с женихом. Начинается семейный пир. Приглашаются самые близкие родственники.

На следующий день, если жених от невесты живет близко, приезжают гости, родные невесты, и продолжается свадьба в доме жениха. Невеста также сидит за занавеской, но теперь жених имеет полное право подходить к невесте. Теперь он считает себя ее хозяином. Когда пир в полном разгаре, начинают дарить подарки гостям. Дарит мать жениха. Самые ценные подарки получают мать и отец невесты.

Опять поют песни, веселятся, прославляют жениха и невесту. Так заканчивается свадьба. Гости расходятся, жених

и невеста идут провожать гостей. Если родственники близко живут, значит, через неделю или 10 дней новобрачные приезжают в гости к родителям жены. Подарки, обещанные отцом и матерью, получает невеста тогда, когда приезжает в гости. Если же они живут очень далеко, то приезжают обычно через год. Так завершается выдача дочери замуж.

Обряд сыгвинских манси в связи с рождением ребенка¹

В прошлом женщина манси в физическом и духовном отношении считалась по сравнению с мужчиной существом слабым, беспомощным. Ее физическая слабость и психологическая тонкость по сравнению с мужчиной постоянно подчеркивались не только в повседневной жизни, но и в верованиях народа. Женщина должна была подчиняться мужчине во всем, должна была стойко переносить все тяготы повседневной жизни.

Дети обоего пола (мальчик и девочка) с первого дня их рождения духовно считаются равноправными, одинаково "чистыми"². Но это равноправие длится лишь до их половой зрелости. Как только наступает половая зрелость девочки (с появлением менструации), она считается сакрально "нечистой", таящей в себе некую опасность — манс. иксям. С этого дня девушка обязана строго соблюдать все требования, поставленные перед нею обычаями, бытом, верой ее народа. Она должна быть осмотрительной, должна оглядываться на окружающие ее предметы, чтобы не задеть их своей ногой, обувью, не наступить на что-либо, не перешагнуть через что-либо запретное. А запрещалось задевать или перешагивать все предметы, которые могут быть подняты до плеча или выше, кроме железных.

1 Статья впервые опубликована в 1963 году в Венгрии на немецком языке. В настоящей работе представлены сведения, записанные нами у сыгвинских манси во время экспедиций, начиная 1958 года, собственные наблюдения из жизни среди народа.

2 Чистыми не в смысле гигиены, а по линии веры, обычаев данного народа.

У народа манси считалось, что "нечистота" девушки или женщины, пришедшая вместе с менструацией, воплощается в теле в разные периоды по-разному: якобы, в дни менструации девушка или женщина "нечиста" до шеи, хотя она в это время особенно строго следит за своим телом. Став девушкой, специальный гигиенический пояс, т.е. м^анькась¹, она никогда не снимает. Раз ее тело, кроме головы, "нечисто", все в доме и сам дом оберегаются от нее. На время менструации приходится идти в м^анькол² и жить отдельно от окружающих людей. Если "отшельнице" необходимо взять что-либо из большого дома, то ей разрешается подойти лишь к внешней стороне дверей, она вызывает кого-либо из женщин, и та передает ей тот или иной предмет или еду.

Пока женщина находится в м^аньколе, она не меняет одежду, однако оставляет минимум украшений, снимает накосники³. Волосы расплетает сразу же, после наступления менструации, так как потом при переселении в большой дом хлопотно очищать косы от "нечистоты": процедура очищения довольно сложна. Во время менструации женщина имеет право передвигаться только на отдельной нарте, а в общей лодке — куда шагнула, там и должна сесть, т.к. в этот период она не может перешагнуть или наступить даже на обломки досок, лежащих на дне протекающей лодки.

Проходит менструация, "нечистота" женщины, якобы, уменьшается и остается теперь в передней части ступни или только в пределах большого пальца ноги. Обувь девушки или женщины всегда считается "нечистой", и потому ее нельзя поднимать выше колена, держать над любым нежелезным предметом. Зимой женская обувь сушится у порога на дровах, летом обычно привязывается к прямо стоящему дереву, по-

1 м^анькась — специальный гигиенический пояс, сделанный довольно удобно и крепко (отчасти и для защиты от нескромных мужчин).

2 м^анькол — маленький домик, ничем не оборудованный, подчас плохо утепленный; строится в стороне от большого дома и больших проезжих дорог.

3 накосники — длинные, шнуровидные, искусственные косы, сделанные из материала и украшенные кольцами, бисером, цепочками, медными бляшками, оплетенные круговую цветными шнурками.

дальше от глаз детей и мужчин, чтобы "нечистота" обуви не передалась этим "чистым" существам. Если эта "нечистота" женщины или девушки перешла к мужчине, якобы, не будет ему удачи на охоте, на рыбалке.

Девушка, вышедшая замуж, ставшая женщиной, обязана вечно ходить в платке, должна закрывать лицо от мужчин, которые старше ее мужа. Даже смотреть на них запрещалось. Если она посмотрит на кого-либо из них, хотя бы случайно, то у нее, якобы, заболят глаза, или она ослепнет. До такой степени был возведен обычай запрета мужчины для женщины. (Это, по-видимому, объясняется соблюдением моногамного брака.)

До замужества девушка своего лица от мужчин не закрывает, но ей, а тем более женщине, приходится закрывать свое лицо перед духами мужского пола и священными местами, усами¹

Если женщине нужно обратиться к мужчине старше ее мужа, которого она называет аки², она должна обратиться к нему сквозь платок со словами: "он пусть скажет..., он пусть слушает...", но никак не: "ты скажи..., ты слушай...", т.е. употребляя при этом местоимение 3 л. вместо 2 л. ед. ч. Женщина, якобы, вся, кроме волос, "нечиста" при рождении ребенка, при менструационном цикле.

Как только женщина обнаруживает признаки беременности (по-мансийски п̄йт̄ыс, букв. 'прекратилось что-то'), она начинает соблюдать строго определенные правила поведения. Так, например, на 4-5 месяце беременности она должна иметь с̄с³, который делает сама будущая мать, если умеет, или какая-то другая женщина (не шаманка), специалист по изготовлению, у которой легкая рука.

Приготовление с̄са происходит в тайне от посторонних и сопровождается угощением. Делаящая с̄с периодически сопровождает свою работу причитанием, угощением со сто-

1 ӯс – место обитания духов.

2 аки – так называется отец мужа и все мужчины старше мужа и для самой невестки.

3 с̄с – изображение в виде маленькой куклы женского пола, величиной с большой палец, делается она из высушенной мягкой чаги.

роны матери, обрядовым освящением делаемой ею куклы. Приготовленный сѳс обязательно украшается: на шею надевают бусы из бисера, сзади прикрепляют косы. Посередине туловища куклу опоясывают ленточкой, концы которой висят сзади. За концы этой ленточки куклу берут в руки, когда бывает необходимость, и тогда она занимает висячее положение. Сѳс предназначается для сѳнь¹ (букв. 'мать') и, якобы, обеспечивает связь между женщиной (будущей матерью) и сѳнь. Если женщина имеет сѳс, то ребенок не очень большой будет и рожать будет легче.

Сѳс хранится в тучаѳе², завернутый в красивый платок, мягкую шкурку зверька. Впоследствии платок дарится духу-сѳнь.

На пятом-шестом месяце беременности женщина обычно делает примитивную люльку *ѳмп тѳн сѳн*³. В этой люльке ребенок будет спать в первую неделю своей жизни. Запасается также маленькое теплое одеяльце (*лѳнkv*), сшитое из шкурок лебедя или из зимней шкурки зайца, подушечка, *сѳснѳтмл*⁴, мягкая оленья шерсть, размятая труха березы или ивы, которая настилается на дно люльки для впитывания влаги. На первую неделю после рождения ребенка женщина przygotowляет себе самое изношенное платье, изношенную обувь. Впоследствии эта одежда вывешивается в лесу на дерево или выставляется в лес в ведре из бересты в такое место, куда не ходят люди. Будущая мать плетет себе *тѳвар*⁵, на котором сидит, спит в первую неделю после родов. Все при-

1 сѳнь – дух, представляемый в виде старой седой женщины, которая, якобы, владеет способностью продолжения рода человеческого и посылает людям детей, помогает в родах. рождение мальчика – удача для дома и семьи, а девочка – подмога до замужества, затем она покидает родной дом.

2 тучаѳ – нарядный мешочек, украшенный бусами, орнаментом, кистями из покрашенной замши, в котором хранятся принадлежности для шитья.

3 *ѳмп тѳн сѳн* – букв. 'берестяная чашка для кормления собак'

4 *сѳснѳтмл* – пластинка из бересты, величиною в две ладони, кладется вместе с оленьей шерстью на колени ребенка, сверху крепко привязывается, чтобы ноги ребенка не искривились, не намокло одеяльце.

5 *тѳвар* – циновка из пучков длинной сухой травы, связанных шнурочками.

готовленные предметы хранятся в строгом секрете от мужчин, в тайне от посторонних лиц.

В течение всей беременности будущая мать или кто-либо из женщин время от времени берет сѳс, обязательно целуют его, затем держат в всячем положении кончиками трех пальцев за концы ленточки. Женщина, которая держит сѳс, должна выяснить, благополучно ли доживет будущая мать до родов, хорошо ли развивается ребенок и т.п. Всё, якобы, это можно узнать по тому, как шевелится сѳс. Если не предвидится ничего неприятного, то сѳс качается спокойно, равномерно. Считается, если сѳс не делает никаких движений или как-то дергается, то ожидается что-то неприятное. Чем ближе к родам, тем чаще сѳс берется в руки.

Когда приходит время появления ребенка, будущая мать идет в ма́нькол. Берет с собой лишь тучаң и предметы, которые она приготовила для этого дня. В ма́ньколе она снимает всю хорошую одежду, переодевается в старую. Сама или кто-либо из сопровождающих её женщин, разводит огонь в чувале (шовал)¹, кипятит воду, готовят камни (в виде плоских тарелок), которыми после родов будет себя обогревать. При родах, кроме близко-родственных женщин, помогающих больной, разрешается присутствовать девочкам от десяти лет и старше, чтобы они видели этот процесс и переживали вместе с больной минуты страха. При этом женщины могут кинуть реплику по адресу девочек: "Слушайте своих мам, видите, с каким трудом вы появились на свет!"

Для принятия родов делается специальное приспособление: ставятся две параллельные жерди на расстоянии примерно 1 м. Одни концы жердей крепко прикрепляют к полу, другие концы к – потолку. К вертикальным жердям на высоте примерно 70 см прикрепляют поперечную палку, на которую в минуты потуг женщина ложится грудью и держится на ней подмышками. Женщина в процессе родов стоит

¹ шовал – приспособление для очага, чаще ставится в правом углу дома у двери. Чувал делается так: ставят близко друг от друга вертикальные тонкие жерди в виде толстой трубы, обвивают по длине в нескольких местах обручем из черемуховых прутьев, затем замазывают толстыми лепешками из глины, перемешанной с мягкой травой.

на коленях (во время схваток и потуг опирается на поперечную палку прикрепленных жердей). При сильных болях, чтобы женщина не издавала даже звука, ей дают прикусить край платка. Кричать при родах считается грехом.

Бывает, что роды задерживаются или проходят трудно, тогда какая-либо женщина берет сѐс в руки и узнает, в чем дело, скоро ли появится ребенок. Если женщина устанавливает, что причина задержки или трудности родов, якобы, заключается в том, что она когда-то назвала бранным словом кого-то или муж при беременности жены находился в интимных отношениях с другой женщиной или она сама изменяла мужу, то предпринимается следующее. Какая-либо женщина из мѣнькола идет к мужу больной в большой дом и сообщает ему, что жена не может поправиться и в этом виноват он. Если муж не хочет, чтобы жена мучилась или умерла, он обязан признаться, сколько раз и с кем он изменял жене при ее беременности. С этой вестью женщина возвращается в мѣнькол и делает на правой вертикальной жерди такое количество зарубок, которое соответствует количеству указанных мужем измен. Если виновата беременная, тогда женщина обращается к ней. После выяснения количества измен делается соответствующее количество зарубок на другой, левой жерди. Таким образом выводится на чистую воду неверность мужа и жены.

Во время родов муж обязан быть дома, сидеть в большом доме и ждать появления ребенка.

Если женщина и после этого не может разродиться, то ей помогают; две женщины продевают два больших головных платка, связанных углами, роженице через спину и под мышки. Во время потуг (ослабевшая женщина лежит на родовом ложе) эти помощницы поднимают ее за свободные концы платков, а сама роженица упирается ногами о что-либо. Это усиливает потуги, что способствует рождению ребенка.

Будущая мать перед родами обычно вешает в передний угол мѣнькола самый красивый платок для сѣнь. Назначение платка доводится до сведения сѣнь через женщину-шаманку

(нййтнэ)¹ Если положение больной слишком тяжелое, обращаются к самому сильному шаману-мужчине. Последний гадает так: берет в руки топор, к лезвию топора и к концу топорика привязывает тесемку таким образом, чтобы топор висел вверх острием. Обращается мысленно к тому или иному духу и так узнает причину мучений женщины-матери, выясняет, какая жертва нужна. В крайних случаях шаман делает турманкол². Иногда он выясняет таким образом, что тому или иному духу либо еще какой-нибудь тэнайн куль³ нужна в качестве жертвы сама роженица. Считается, что шаман может продлить ее жизнь, а шёпан⁴ вместо нее может указать на другого человека, совершенно постороннего, невиновного, который может умереть вскоре после замены. (Шёпаны возвышали себя в глазах простых людей, гордились своей "мудростью" и требовали уважения к себе, т.к. в противном случае они, якобы, могут отправить на тот свет любого человека, который не оказывает им должного почтения).

Родится ребенок – всеобщая радость! Одна из женщин отрезает пукни⁵ и намазывает щеки ребенка кровью, чтобы он был краснощеким. Пупок завязывают, отрезают, а рану присыпают порошком из угля. Образуется корочка, через которую не проникает инфекция, и ранка заживает быстрее. Иногда ранка начинает мокнуть, сочиться, тогда засыпают порошком из древесного угля. Женщину, отрезавшую ему пупок, ребенок впоследствии называет пукнисянь (букв. мать по пупку), а она ребенка называет пукнипыг или пукниаги (букв. 'сын по пупку' или 'дочь по пупку'). Мать ребенка обязательно дарит этой женщине нож, а иногда еще что-нибудь. Пукнисянь моет ребенка, укладывает его спать в люльку, запасенную его матерью. Самым ответственным в

1 нййтнэ – шаманка, она обычно гадает так: берет тонкую узкую дощечку длиной с палец, втыкает в нее кончик ножа, затем за дощечку поднимает нож и сидит, ждет колебания висячего ножа.

2 турманкол – (букв. 'темный дом'), шаман гадает ночью в абсолютно темном доме или один, или в присутствии большого числа людей причину болезни, якобы, узнает при разговоре с духом.

3 тэнайн куль – чертовщина, существующая невидимо, духовно.

4 шёпан – колдун в дурном смысле.

5 пукни – пупок.

родах мансийская женщина считала момент рождения детского места – сянъ мать. Если оно полностью выходило – это считалось большим счастьем. Если оставалась какая-то его часть или вообще не родилось детское место, то могло открыться кровотечение, и женщина чаще погибала. Ребенок оставался без матери. Но и в этом случае роженице могла помочь мудрая женщина, которая знала, как сделать ручное отделение приросшего детского места или его частички. Такая помощница была большой редкостью на несколько деревень, да, пожалуй, и на весь огромный район проживания манси. В деревне Хошлог, например, жила единственная и (последняя) такая мудрая женщина. Это Овёсова Мария Васильевна. В свое время она помогла спасти таким образом Лончакову Нину Кирилловну во время первых ее родов. Но во время вторых родов женщина погибла от кровотечения, потому что рядом не оказалось уже той мудрой женщины. И дети остались без мамы.

Для детского места делается специальный берестяной кузовок сянъ пӓют (букв. 'кузов матери'). Сначала послед укладывается в кусок новой ткани, связываются концы и эту котомочку с последом и детским местом укладывают в тот берестяной кузовок. Затем все это будет унесено в лес и подвешено на дереве, как можно выше, чтобы не достали собаки или хищники. Если ребенка ожидает долгая жизнь, то кузовок будет висеть долго.

Итак, благополучно закончились роды, прибран ребенок, детское место, уложена молодая мать на специально приготовленную на полу (возле чувала) постель. Укрывают ее потеплее, обкладывают горячими камнями (плоскими). Подносят ребенка для первого кормления.

Приготавливается угощение для помощниц, для молодой мамы. Таким образом, в первый и последний раз отмечается рождение человека. У манси не принято отмечать дни рождения.

Платье матери обязательно разрывается спереди сверху донизу, получается халат. При этом говорят, что ребенок выпал через живот, поэтому платье разорвалось. После рож-

дения ребенка мать подпоясывается веревочкой из волос, чтобы живот стал обычным, небольшим. В этом разорванном платье зимой в мороз, летом при комарах женщина выбегает на улицу по нужде. Так продолжается в течение недели. Затем она совершает первый этап очищения, такталахтыл¹, и переодевается в лучшую одежду. После родов и во время менструации вообще по обычаю, женщина может оправиться, где бы это ни было – в лесу, в пути и т.д., – только сняв с себя всю одежду. И это в мороз или летом при тучах комаров!

Мать очищает ребенка от "нечистоты", которая, якобы, перешла к нему от матери в первую неделю. (Для очищения ребенка расходуется сѳс, делаемый для сѳнь, и лѳлва², которые были у сѳса.) Затем ребенок укладывается спать в другую люльку, в другую постель. А свою старую одежду и недельную люльку мать ребенка уносит в лес, прячет в самое "нечистое" место за мѳнькол, куда вывешивают все недельные люльки ребят, родившихся в этом мѳньколе.

Только через три недели после рождения ребенка женщина, наконец, начинает собираться в большой дом. Для этого она должна проделать самый тщательный процесс очищения от "нечистоты": приготавливает сѳпйив хѳп³, украшает его қолечками из тоненьких прутиков, посредине делает ямочку, кладет туда подоженный сѳс (сухой кусочек чаги), на тлеющий сѳс кладется лѳлва, которая при горении дает особый, "очищающий" запах. Специальным образом готовится вода для мытья ребенка и матери. Вода нагревается, в нее бросается обуглившийся сѳс, который размельчается в воде в порошок и растворяется. Вода меняет немного цвет и становится мягкой, бархатистой. В эту же воду бросают разжеванный кусочек лѳлвы, для большей святости воды, лѳлва в воде размешивается, растворяется. Когда вода отстоится, женщина моет себя, а в другой посуде – ребенка, надевает платье после очищения.

1 такталахтыл – процесс очищения от невидимой "нечистоты"

2 лѳлва – засушенный кусок бобровой струи, т.е. мускусный мешочек бобра.

3 сѳпйив хѳп – выглядит как игрушечная яхта, делается из перегнившей березы или ивы, которая легко поддается ножу женщины.

Затем берется старый раскаленный топор без топорща, кладется на камень; на раскаленный топор бросают мокрый оссы: шипение, пар! Женщина вместе с ребенком и всщами, которые были с ней в мǎньколе, прыгает над этим паром и произносит: "кух-кух-х" – и таким образом очищается от тяжести "нечистоты", которая уносится паром. После этого женщина берет сапйив хǎп с тлеющим сѳсом и лǎлвой, обносит по мǎньколу, подносит под вещи, под стулья. Дымок от сѳса и лǎлвы, их запах очищают вещи от последних остатков "нечистоты". Затем держит над этой лодочкой ребенка в люльке, сама перешагивает несколько раз через эту лодочку. Наконец, совсем очищается.

Она может идти в большой дом, проделав еще одну церемонию. Ребенка в люльке, накрытого красивым платком, берет какая-либо женщина, а мать в одну руку берет тучаң, а в другую сǎпйив хǎп. Сделали первый шаг – остановились; ставится на пол сǎпйив хǎп, через него прыгает сначала женщина с ребенком, затем мать ребенка, и обе говорят: "сǎнттыг-понттыг" (значение последних двух слов необъяснимо). По пǔти к большому дому еще несколько раз повторяется эта процедура (4-5 раз).

Дошли до дома, женщина, несшая ребенка, стучится в дверь и говорит: "Эй, открывайте двери, приехала женщина (мужчина) на четырех оленях (на пяти оленях), или приехала (приехал) женщина, имеющая лошадей, имеющая коров. При этом сама приоткрывает двери локтем и ребенка ногами вперед показывает в щель двери, затем дверь закрывает. Так делает четыре раза, если девочка, пять раз, если мальчик. И в конце концов женщина распахивает дверь и прыгает с ребенком в дом, говорит при этом: "Сǎнттыг-понттыг" Ребенка проносит в передний угол и ставит там люльку. В честь прихода ребенка в доме устраивается угощение.

Женщина, которая несла в дом ребенка, впоследствии называется ѓлтумсянь (букв. 'мать по несению'). Платок, которым был укрыт ребенок, дарится ей. Лента или шнурок, которые лежали на коленях ребенка при переходе в большой дом и в которые были воткнуты четыре иголки (если де-

вочка), или пять иголок (если мальчик), означающих хорей, тоже дарится этой женщине. А она своей а́лтума́ги (букв. 'дочь по несению') позже тоже обязательно дарит что-либо.

Кроме пукнисянь, а́лтумсянь, у ребенка может быть и пёрнаңсянь (крестная мать) и пернаңа́сь (крестный отец). Они дарят ребенку обычно кресты, а им в свою очередь тоже что-либо дарят. Обряд крещения не производится.

Считается, что некоторое время спустя после рождения ребенка в него переходит душа умершего "ля́хтхату́кве"¹ Умерший, якобы, так хотел жить, что его душа переходит к ребенку. В одного новорожденного могут перейти души одного или нескольких умерших. Один умерший мужчина может пять раз передать душу в разное время родившимся детям, женщина – четыре раза, так как у женщин четыре души, а у мужчин – пять. О переходе души умершего к ребенку свидетельствует то, что ребенок ночью начинает плакать. Предполагают, что его что-то (кто-то) беспокоит. Днем, когда уснет ребенок, его осторожно берут с люлькой вместе, ставят поближе к боку, и кто-либо из женщин начинает его осторожно приподнимать, думая при этом о ком-либо из умерших родственников. Если ребенок становится очень тяжелым, значит угадали, кто его беспокоил, и ребенок перестает плакать.

Если ребенок родится мертвым или умрет в течение первой недели своей жизни, его хоронят не на общем кладбище, а в сухом бору, совершенно отдельно. Когда х́одят помянуть этого ребенка, около могилки не разводят костер, горячую еду готовят дома. Это отступление от обычных поминок, когда все готовится на кострах на кладбище. Это делается потому, что ребенок слишком мал и не может ни разводить костёр, ни есть ничего горячего.

Обычай утверждает, что после того, как ребенка принесли в большой дом, один из духов-покровителей берет его под свою защиту (по́нке мохлаве).

1 ля́хтхату́кве – (возможно, от ле́нҗтхату́кве) – что означает встретиться друг с другом (душа умершего с душой ребенка).

Церемонии, кажущиеся на первый взгляд нелепыми, по нашему мнению, предназначены были для остережения, сохранения здоровья женщины-матери, продолжательницы человеческого рода. Это объясняется, возможно, и тем, что у манси не было врачей. Если женщина заболела, кроме психологического воздействия, никаких мер не принималось. Все названные в работе остережения, оберегания женщины, заменяющие гигиенические средства, были придуманы в далеком прошлом безусловно разумными людьми.

Погребальный обряд

Погребальный обряд манси, как и другие обряды (свадебный, некоторые культовые, а также обряд, проводимый при рождении ребенка и добыче медведя), записаны летом в 1962 году по рекомендации венгерского ученого В.Диосеги. На основе этих записей и собственных наблюдений в прошлом, а также дополнений, сделанных моей матерью и старшей сестрой, написана настоящая работа.

По погребальному обряду имеются пока лишь некоторые отрывочные сведения. По этой причине мы стремились здесь изложить весь обряд относительно полно и в той последовательности, какой требуется по обычаю.

Похоронный обряд у манси считается священным, и в его тайны посвящены в основном женщины и причем самые старые, поэтому они в деталях знают этот обряд.

Умер человек, сразу разводится огонь в очаге. Угасла жизнь – зажигается огонь, этот огонь сохраняют непрерывно, сколько возможно. С помощью тлеющего гриба-трутовика на ночь загребают огонь в золу в очаге. А в течение дня для приготовления пищи разводят огонь в очаге с помощью этих тлеющих угольков, спичками не пользуются. Умершего снимают на пол, кладут вдоль половых досок, ногами к двери, сразу же начинают его оплакивать, плачут мелодично, негромко, чтобы, как считается, не было тяжело покойному. Плач импровизированный. Женщины при этом садятся на пол, ноги поджимают с правой стороны под себя, наклоняются вперед, опускают на лицо платки, накинутае на голову

так, что края платков или его кисти ложатся на пол. Оплакивающие причитают о том, какого дорогого человека они потеряли и каким он был хорошим и нужным для них.

Пока родственники умершего оплакивают его, двое или несколько пожилых женщин развязывают и расплетают им одновременно обе косы (при жизни человека этого делать нельзя). Затем отрезают пучок волос с затылочной части головы. У самых маленьких детей волосы на затылке слегка подпаливают лучиночкой или спичкой.

Если умер близкий человек, муж, кровный родственник, то волосы отрезают с левой стороны затылка, с сердечной половины.

Во время оплакивания кто-нибудь из посторонних женщин надевает родственникам умершего платки наизнанку. С этого времени они, пока соблюдается обряд траура по умершему, платки с головы не снимают и носят только наизнанку в течение сорока-пятидесяти дней¹. В прошлом в это время и платье носили наизнанку. И все люди видели, что у этого человека горе, к нему необходимо относиться внимательно, ласково. Когда кончался траур, эти платки и платья (все они должны быть не красными и не яркой расцветки) отдавали постороннему человеку.

По окончании оплакивания, с умершего снимают всю одежду, которая была на нем в момент смерти, сворачивают, сюда же складывают постельное, что было под ним и чем он укрывался. (Впоследствии все это уносят во время похорон на кладбище и подвешивают невдалеке на дерево), начинают мыть покойного. Это делают так: берут берестяную чашку, наливают в нее воду, раздавливают в ней обуглившуюся чагу — нарост на березе, разжевывают кусочек бобровой струи, смешивая все это с водой, получают, якобы, "чистую воду"

Затем готовят четыре (пять) пучков-тампонов мягкой стружки (оссы), берут один пучок, обмакивают в эту приготовленную "чистую воду", тампоном проводят по телу умершего один раз каждым из четырех (пяти) тампонов, по

1 Платок так носили все годы траура, т.е. четыре-пять лет. Цифра четыре связана с умершей женщиной, пять — с умершим мужчиной.

спине от головы до ног три линии как мужчине, так и женщине, а спереди женщине – от подбородка до ног одну линию, мужчине от плеч до ног с обеих сторон всего четыре (пять) линий по числу душ человека. По лицу тампоном проводят четыре (пять) кругов против движения солнца – якобы, моют лицо.

Берестяную посуду вместе со сложенными в нее тампонами отставляют в сторону, затем вместе с кусочками дерева, оставшимися на месте приготовления гроба, сжигают.

После этого покойному расправляют руки и ноги, затем его одевают в одежду, которую он носил при жизни. На него надевают ближе к телу то платье, которое более всего ему нравилось носить при жизни, обувают его любимую обувь, всегда меховую. Сначала обувают левую ногу, затем правую, а при жизни человека наоборот: обувают правую ногу, а затем левую. Умершего зимой и летом всегда одевают в теплую меховую одежду (несмотря на то, что считается что он, якобы, должен жить где-то на том берегу теплого моря). Одежду ему обязательно подпоясывают, на пояс подвешивают подарки для прежде умерших родственников жителей деревни. Это могут быть лоскутки ткани, меха, камус оленя и прочее, женщине – шубу, мужчине – малицу. При этом руки в рукав не засовывают, но рукава прихватывают вместе с одеждой шнуром, на кисти рук надевают тряпичные белые мешочки, у кистевого сустава их обхватывают шнурочком. Мужчине обувь ниже колена завязывают шнуром с кистями. Покойным обоего пола надевают сахи (женская меховая шуба). На мужчину не грешно и не обидно надевать женскую сахи. Мужчину одевают в малицу, которую разрезают спереди напроход, как шубу. Узел пояса и других шнуров обязательно завязывают по-особому, так называемый "узел покойного" (хола мохлыл – плохой узел). Обычно этим узлом не пользуются: детей же своих специально обучают завязывать узлы, необходимые в жизни, но со всей строгостью и на всю жизнь отучают от узла, предназначенного для покойного, они должны знать, как он завязывается.

Ничего нового умершему надевать нельзя, якобы, его тело этого не примет. Если надеть новую одежду, то на том свете он будет ходить, якобы, голышом. Со дня смерти он живет обратной жизнью и переживает все события, какие были с ним при жизни. Прodelывает все дороги и пути, по которым когда-то ходил.

После завершения одевания покойного кладут вдоль на нары ближе к краю или на пол на хорошую, неизношенную, оленью шкуру, головой в сторону переднего угла, ногами к двери. Носки ног связывают шнурочком, чтобы они не расходились, а перед закрытием гроба этот шнурочек обязательно снимают, в противном случае душа умершего, якобы, ползком будет добираться до назначенного ему места. Если люди забыли снять этот шнур вовремя, то, вспомнив об этом позже, открывают на кладбище сруб над гробом и его крышку и снимают этот шнур с ног. Если этого не сделают, то ребенок, в которого вселится душа покойного, будет неустойчив на ногах, будет падать и разбивать нос.

Срезанные с родственников волосы, разделенные на четыре (пять) пучков, кладут на умершего поперек. Предполагается, что с помощью своих и отрезанных от родных волос душа покойного доберется до мыса хоманел, потому что только волосы ложатся, как нить на его пути. И поэтому он может пересекать теплое море, соединяя по одному волоску. Если не хватает волос и ниток, которые тоже кладут в гроб, то душа умершего, не достигнув места, погибнет в море¹

Затем перед покойным ставят на низких ножках стол, расставляют чашки с различной едой (вареной и сырой), угощают умершего. После того, как эта еда немного постоит, все присутствующие ее едят. В дом к умершему из соседних домов заходят люди, подходят к покойному, целуют его через платочек, которым закрыто лицо умершего. Этот платочек краями слегка прикреплен к платкам, надетым на его голову (у мужчин к краям шапки). На этом платочке пришиты три

ж

¹ Волосам человека придается весьма важное значение. Запрещалось поэтому в прошлом бросать их где попало, женщине и мужчине запрещалось стричь волосы вообще.

бусины (пуговицы), а детям пришивают только бусы, имитирующие два глаза, рот. Иногда рядом с ними, на месте глаз и рта – три дырочки. На крышке гроба напротив этих дырочек и бус тоже делают маленькие отверстия.

Если умерший был круглый сирота, то его веки закрывают медной монетой, чтобы он не мог смотреть назад, т.е. ждать чего-либо от посторонних живых людей. Медные монеты кладут на глаза и тем покойным, у которых глаза остались открытыми. Иначе в доме снова будет покойник по родственной линии, якобы, он берет с собой попутчика, смотрит назад, ждет кого-то.

Ночью покойного одного не оставляют, рядом с ним сидят в течение всей ночи, если очень захочется спать, то люди поочередно прилягут на короткое время тут где-нибудь, в доме. Таким образом покойного, якобы, охраняют от различной нечистой силы.

Погребальный обряд в деталях знают пожилые женщины, поэтому, когда в доме есть покойный, обязательно приглашают пожилых людей, если они сами не пришли.

Каждое утро на восходе и вечером на закате солнца на некоторое время от умершего отодвигают стол с тем, чтобы ближе подойти к покойному. Родные и близкие опускают платки на лица и, садясь на пол перед умершим, начинают плакать¹

После оплакивания перед покойным опять ставят стол с угощениями. Через некоторое время все это съедают сами люди и угощают всех, кто бы ни появился в этом доме.

Умершего содержали в доме четыре дня – женщину, пять дней – мужчину. В настоящее время же – не более трех дней. В первый или во второй день сразу же делают гроб (толыхпа). Для этого берут готовую легкую лодку-калданку,

Следует отметить еще раз, что родные оплакивают покойного причитанием и только в определенные моменты похоронного процесса: сразу после смерти человека, на восходе и на закате солнца каждый день, пока держат покойного дома, при выносе его из дома и на кладбище сразу после прибытия туда, как только открыли крышку гроба, а также во время спуска гроба в сруб и перед самым уходом с кладбища после погребения.

принадлежавшую семье, родне покойного. У лодки срезают носовую и кормовую части, середину оставляют длиной в рост покойного. Из срезанных частей лодки заделывают концы гроба и изготавливают плоскую крышку ему. Если лодка маленькая, то крышку делают из имеющихся сухих тонких досок, хранившихся в хорошем месте. Если же у родных покойного не оказалось лодки, то весь гроб делается из досок. По поверию манси, гроб следует делать из лодки, так как она необходима покойному будет летом. На могилке хранится и весло. Если гроб делают из досок, то их аккуратно подгоняют друг к другу. Оставшиеся куски от лодки или от досок сжигают в день похорон после того, как покойного увезли на кладбище, считается все это принадлежностью умершего. Люди не могут их использовать для своих нужд или бросить как попало, покойному они, якобы, нужны. Гроб готов. Прежде, чем положить в гроб покойного, очищают его: на кончик ниточки завязывается кусочек шкурки, по дну гроба водят им и при этом пищат, как мышка. Затем на дно гроба кладут четыре (пять) кусков мягкой стружки, развернутых в длину (кладут их поперек гроба), затем стелют оленью шкуру, на неё кладут одетого покойного лицом вверх, руки и ноги под одеждой вытянуты вдоль тела. Если положить его вниз лицом, жизнь его не перейдёт к младенцу, не продлится. А вообще вниз лицом кладут того человека, который сделал большое зло людям, чтобы его дух исчез навсегда с мира.

После того, как покойного положили в гроб, обязательно кладут в него четыре (пять) чашек. Две чашки кладут по краям головы, две – рядом с бедрами (пятую чашку мужчине кладут у ног). Если у человека было много одежды, то её складывают в специальный мешок и кладут его с ним, или рядом с его захоронением делают небольшой сруб, отличающийся от сруба с покойником (и поэтому перед таким пустым сооружением угощения не ставят, все определяют по внешнему его виду, что там пусто). Такие сооружения делали в далеком прошлом и в основном только богатые люди. В гроб с умершим иногда кладут что-либо, таким образом по-

сетители своим покойным могут посылать подарок через этого усопшего.

Пред тем, как выносить гроб из дому, снимают волосы, срезанные с родственников, лежавшие на покойном, завертывают их в хорошую шкурку. Весной их сжигают.

Перед тем, как выносить из дому покойного, родственники должны выяснить, какова причина его смерти и с каким отношением к родным он уходит из дому. Этот обряд проводится так: гроб с покойным закрывают крышкой, сверху вдоль кладут тонкую прочную жердь, концы которой выходят на 40-50 см за края гроба. Затем в двух местах все это перетягивают кожаными ремнями в обхват гроба. Какой-либо человек (мужчина или женщина) берется за выступающую часть жерди и начинает поднимать гроб с конца. Если умерший "говорит", дает слово, то гроб словно бы прилипает к полу, невозможно его приподнять. В это время человек-"посредник" повторяет вслух или вполголоса все то, что, якобы сказал этот умерший. Это прикосновение к покойному может сделать любой желающий, кому захочет "дать слово" покойный. Иногда случается так, что все присутствующие поочередно поднимают гроб, а он не прилипает, так и выносят его из дому. Тогда считается, что это дурное предзнаменование. После этого снова открывают гроб. Окончательно кладут мелкие нужные ему вещи, поправляют сдвинувшиеся предметы.

Перед тем, как закрывать крышку гроба окончательно, какая-нибудь женщина берет 4 (5) прутиков, на конец нитки завязывает кусочек беличьего хвоста, на нитку прикрепляет кусочек свернувшейся бересты. Затем она водит против часовой стрелки прутиком вокруг тела покойного, начиная с левой стороны у ног, обойдя голову, доходит до стопы правой ноги, делает взмах той ниткой, на которую надета берестяная трубочка и завязан кусочек беличьего хвоста. Через небольшую щелочку двери один прутик выбрасывает на улицу, при этом она что-то говорит про себя, по-видимому, просит чтобы все четыре (пять) душ человека вышли из дому вместе с покойным (какие слова нужно говорить, моя мать этого

не слышала). Цель этой процедуры не только вывести души из дома, но и из гроба.

Затем закрывают крышку гроба, на левой боковой стороне гроба рисуют луну и солнце. Луна изображается полукругом, а солнце – кругом с лучами. Это обозначает, что луна и солнце теперь, якобы, с каждым днем все больше и больше отдаляются от умершего, лишь тень луны и солнца остаются с покойным. Сверху на гроб стелют большой платок или просто покрывают его пологом, это будто укрытие от дождя и ветра.

Когда начинают выносить гроб (покойного выносят ногами вперед), все родные опускают платки на лица и плачут. Плач причитанием, как правило, весьма сильно действует на психику окружающих и вызывает слезы у всех присутствующих.

В доме покойного остается несколько посторонних женщин. Они после всех процедур выноса усопшего подметают пол, моют посуду, выносят скопившиеся помои, сжигают дощечки и щепки, оставшиеся от приготовления гроба-лодки, а затем встречают вернувшихся людей с кладбища с поминальным угощением.

Одному из родных дают белый трухлявый кусок березового ствола, зажженный от домашнего очага. Он с ним едет до кладбища и там этим огнем разводит костер. Это обозначает, что умерший пришел со своим огнем, как и все прежде умершие, находящиеся на кладбище. Многие родственники пользуются на кладбище одним очагом, на котором готовят пищу.

До кладбища покойного доставляют на нарте независимо от времени года. И эту нарту оставляют на кладбище возле могилки, она нужна покойному ездить зимой.

На кладбище крышку гроба открывают. Перед тем как расставлять угощения перед могилами и вновь привезенным гробом, родные снова плачут. Когда разложены продукты, плакать нельзя: покойные обидятся на них, подумав, что их родные плачут из-за принесенного для них угощения. После этого ставят еду перед могилами и гробом вновь при-

везенного покойного, а затем угощение съедают присутствующие. На кладбище едет почти вся деревня (мансийские деревни были небольшие, в некоторых было всего лишь несколько домиков). Каждая семья останавливается у могилы своих умерших родственников и плачет перед могилой умерших, а затем накладывают чашки и все обмениваются привезенными угощениями. Если люди так делают, то считается, что умершие тоже будут дружны между собой. (Якобы после ухода людей души умерших выходят из своих домиков-построек и повторяют все то, что делали приезжавшие к ним.)

В то время, когда женщины заняты оплакиванием умерших, раскладыванием угощений и приготовлением пищи, мужчины в свободное от еды до еды время делают надгробную постройку в размерах гроба, высотой в три бревна. Эти бревна слегка обтесывают, и получаются толстые доски. Концы сруба заканчивают с треугольным завершением. На верхние углы кладут прочную жердь. Затем делается остов крыши, чтобы береста, которой покрывают сруб-могилку, не провалилась во внутрь. Сверху кладут настил из бревен или тяжелых досок вдоль длины могилки. Для прочности настил закрепляют поперечными полудугами, концы которых крепятся к срубу могилки. Все это делается тщательно, из них делают сруб прочно, чтоб вода во внутрь не попадала. Со стороны головы на срубе делают отверстие (кѣтас), через которое проходит рука. Через это отверстие во время поминок кладут горсточку продуктов, угощение. В некоторых селениях отверстие для руки делают сбоку.

На кладбище гроб не опускают в землю, как это делается, например, у русских или коми, а просто ставят на землю, верхний слой мха немного снимают, выравнивают площадку, кладут на это щепки, оставшиеся от сруба.

После того, как спустили гроб с покойным в сруб, кожаные ремни, с помощью которых несли гроб, по длине их надрезают и оставляют внутри сруба. Затем в него укладываются все личные вещи покойного. При этом вещи из ткани немного надрезают с краю (полог, шали, покрывала и т.п.). меховые вещи тоже надрезаются. Когда складывают железные пред-

меты, по ним постукивают несколько раз, в интервалах же произносят имя покойного. По-видимому это делается для того, чтобы он знал, что эти вещи принадлежат ему. Ружье мужчины обычно кладут в разобранном виде. На ложе его делают зарубки.

После того, как присутствующие на кладбище на похоронах или поминках поели и попили, кладут кусочки угощения в сруб через катас, отверстие в срубе плотно закрывают деревянной затычкой, а с левой стороны могилы оставляют сухих дров, чтобы в следующий раз ими разводить костер. Тут же оставляют котел, ведро и другую необходимую утварь и отправляются домой. Последним возвращается самый близкий родственник умершего. Немного отойдя от кладбища, он бросает палочку или прутик поперек дороги. Это обозначает, что дальше этой палочки нельзя провожать живых людей, приходивших на кладбище. Затем время от времени четыре (пять) раз необходимо оглянуться назад. Это значит, что уходящие просят, дают знак покойным, что нельзя вместе с ними идти домой, что они их любят. А потом смотрят на них до тех пор, пока не скроются могилы. По возвращении домой вечером обязательно следует поесть что-либо такое, чего не брали с собой на кладбище. А с привезенными с кладбища недоеденными продуктами на ночь кладут нож – знак охраны этих продуктов от злого духа.

В память о человеке, который жил и умер, обязательно делают "куклу". В прошлом сердцевину такой куклы делали из дерева, отрубленного от угла дома. Затем эту сердцевину начали делать из монеты, взятой из священного ящика. Существует поверие, что это стали делать потому, что кукла с деревянным сердцем может превратиться в черта, в пугало.

В первое время, как только начинают кушать, эту "куклу" сажают к столу и в ее ящичек всегда кладут самый лакомый продукт-угощение. Кукла, иттырма¹, не считается священ-

1 Иттырма – сложное слово, образованное от ит>эт 'ночь', тырма>торма 'небо', 'жизнь', 'Бог'. По мнению манси, умершие бодрствуют ночью, а днем спят, и поэтому, когда люди приходят на кладбище, вынимают пробку из отверстия, стучат ею по углу могилы, что значит: проснись, услышь, пришли близкие люди, а иногда говорят: "Ты слышишь или не слышишь, мы снова пришли к углу твоего горестного сруба".

ным предметом, а признается лишь как изображение умершего и хранится приблизительно столько времени, сколько лет жил на свете человек, затем ее предают забвению. Иногда этим словом могут оскорбить, обидеть человека, назвав его иттырма, похожим на покойного. Некоторых умерших переводят в высший ранг, в образ вечно существующего духа, каждый из них именуется по-особому и тогда уже перестает называться иттырма, держат его в закрытом ящике, посторонние его не видят, и не допускается, чтобы они его трогали. Зашедшие же в этот дом иттырму могут целовать, при желании брать на руки, погладить, поласкать.

Родственники со дня смерти человека в течение семи дней – большого траура – ходят с распущенными волосами, не расчесывая их за все это время, лицо тоже не моют, только глаза слегка промывают. Через семь дней все родственники в один день моют головы, расчесывают волосы, заплетают косы. Причем верхние концы и нижние концы кос и наконечников не соединяют и никаких украшений к ним не прикрепляют. Украшать косы во время траура нельзя.

В дни большого траура близким умершего запрещается что-либо делать по дому: убирать в доме, подметать, выносить мусор и помои, мыть пол, стирать, особенно пользоваться острым предметом. Это объясняется тем, что убитый горем человек во время траура может пораниться. Если они будут заниматься уборкой, то, якобы, вся эта грязь ложится на их покойного. В деревне и в других домах тоже не стирают, не выносят помои, не моют полы, пока усопший дома.

Когда соблюдают обряд траура, нельзя носить ничего красного (ни платья, ни платка), оленью упряжь нельзя украшать колокольчиками, летом весло и лодку нельзя красить краской, словом, нельзя пользоваться яркими предметами, чтобы это не означало, что люди не страдают по умершему родственнику.

В доме, где жил умерший, оставляют огонь, зарывая его глубоко в горячую золу или на дно большого котла. Огонь там тлеет в грибе-трутовике, засыпанном золой. Это надежный хранитель огня, который видел своими глазами умерший

при жизни. С этого времени для приготовления пищи огонь разводят только из очага, спичками не пользуются. (Этот запрет, возможно, придуман по той причине, что спички доставать было трудно, и огонь добывать было сложно посредством кремней.)

Если случится так, что огонь, оставшийся после умершего, погас, то родные оплакивают этот огонь, как умершего. Соседи, услышав плач, говорят: погас его (умершего) огонь, и идут в этот дом разделять горе этих людей.

После похорон в течение сорока (пятидесяти) дней каждую неделю ходят на поминки. Когда приходят туда, то огонь разводит сначала тот человек, у которого недавно умер родственник. Пока находятся на кладбище, каждый, даже ребенок, должен бросить в костер хотя бы по одной палочке. Без этого нельзя побывать на кладбище, неспочтительно.

На кладбище, перед тем как пить что-либо, нужно немного слить из чашки жидкость, и в то же время запрещается бросать на землю хотя бы крошку твердой пищи. Если кто-нибудь уронил кусочек хлеба, мяса и т.п., то он поднимает его и при этом говорит: "Не дам ни куска, и сам не приду к вам", т.е. он не желает умереть, хотя этого хотят покойные, они, якобы, зовут его к себе.

Вино на кладбище нельзя лить на землю. Покойные, якобы, любят вино и будут лизать землю, где оно разлито. Вероятно, это придумано по той причине, что вино достать было трудно, и оно было дорогое, и к тому же живые люди сами любили его.

Кроме угощения, покойнику могут приносить в подарок головной платок, а по истечении года — платок и платье женщине, мужчине — рубаху. Все эти и иные предметы в могилу кладут через отверстие, сделанное у могильного сруба.

Состоятельные люди сразу привозят на могилу покойного оленя, тут же убивают его. Это необходимая жертва колас-тбарттаве 'дыру в доме закрывают' для закрытия выхода, через которое ушла душа умершего из дома. Кровью убитого оленя замазывают углы сруба могилы, обмазывают углы, ко-

сяки, двери и окна, где жил умерший. Это будто бы обозначает, что выход в доме, через который вышла душа умершего, закрыт, покойный уже не ждет попутчика себе и может отправляться куда-нибудь за теплое море. Это, по-видимому, вызвано еще и желанием отблагодарить, угостить людей, которые пришли в дом, постигший горе. За неимением оленя в данное время люди могут убить курицу (или петуха), купленных у русских, коми, а оленя достают позднее, в течение предстоящей зимы.

Если умерший человек был круглой сиротой, то вместо жертвы на углу его дома кладут перевернутый айник (при покойнице) или ставят ружье – (при покойнике). Эти предметы будто закрывают отверстие в доме, и умерший спокойно отправляется за теплое море и являться людям и пугать их не будет.

Без такой процедуры умерший будто задерживается, его душа находится где-то около дома, и человек с "острым глазом", т.е. с даром видения, может увидеть его в том наряде, в каком его похоронили.

Наступает весна, прилетают первые утки, и до того, как растает озерный лед и начнут кричать гагары, убивают небольшую утку и сжигают вычесанные родственниками во время траура волосы и те, которые отрезали в момент смерти человека. Эти волосы умершему необходимы для переправы через теплое море, для продолжения жизни. Кстати, для манси волосы вообще – это очень важная вещь, их берегли, никогда не подстригали, мужчины и женщины носили косы. Для пожилых людей манси и теперь подстрижение – смерти подобно. Родители не разрешают подстригаться и школьникам. Поджигают волосы в миниатюрном специальном шалашике. Шалашик строят так: ставят две палочки как столбы, их соединяют палочкой, на ней делают четыре (пять) отверстий, в них вставляют концы четырех (пяти) маленьких наклонных жердей шалаша. Шалашик сверху покрывают куском бересты, на нее кладут четыре (пять) палочек, это для "тяжести", т.е. укрепления, и завязывают их ниткой, узлом мертвеца. Считают, что достигнув берега моря, по-

койный в этом шалаше и будет жить в продолжение того времени, сколько лет он жил на белом свете. Предполагается, что со дня смерти умерший начинает жить обратной жизнью, т.е. становится все моложе, доходит до состояния новорожденного. Душа человека, именуемая урт, превращается женщины в паука, а у мужчины – в жука. Детям, любящим давить всяких насекомых – ядовитых и неядовитых, взрослые внушают следующее: "Не убивай насекомых, а то раздавишь бабушку, дедушку, прабабушку, прадедушку" Кто знает, может быть, это было придумано людьми в целях охраны мелких невинных существ.

В шалаши кладут маленькую утку и накопленные, а также раньше срезанные с затылка родственников покойного волосы. Сжигаемые в шалашике волосы раскладывают на четыре (пять) пучков. Все волосы до весны хранились в одном лоскутке шкурки. Этот меховой лоскуток стелют в шалашик, а сверху покрывают тряпочкой, которая имитирует полог от комаров. Вместе с волосами в шалашик кладут маленькие мешочки с подарками. Один мешочек наполняют сухой икрой, другой – простыми продуктами. Икра считается самой ценной и питательной пищей для покойного.

Если во время сжигания волос вместе с угощениями пьют вино, то чарку обязательно тут же разбивают. Некоторые сосвинские манси в шалашик кладут платье, большой нарядный платок и жгут вместе со всеми мелкими вещами и шалашиком.

Если умерла женщина, то сжигают утку женского пола, если умер мужчина – утку мужского пола – селезня. Причем сжигают обязательно только так называемую мансийскую утку. К ним относятся утки маленьких размеров, как чирок. Нельзя сжигать уток тех пород, которые близки к породе чернеть. Эта порода называется русской уткой. По-видимому, уток крупного размера заготавливали на продажу. Предполагается, что сжигаемая утка покойному поможет переправиться через Урал, а волосы – через теплое море, до места постоянного пребывания умершего, т.е. до юга.

Если человек очень хотел жить, его сила жизни, якобы, переходит к новорожденному ребенку (ляхтхаты, букв. 'встретиться', 'стукнется') от одного и до четырех (пяти) раз.

Если два ребенка оказались продолжателями жизни одного и того же умершего, то их называют (и они друг друга) касмил, т.е. слившиеся в одно целое. Такие дети, якобы, могут походить на умершего и по поступкам своим, и иногда и болеть всеми его болезнями.

Иногда сила жизни (дух) человека еще при жизни или незадолго до смерти вселяется в новорожденного. О таком случае рассказывали мне летом в 1975 году в деревне Хошлог. В августе того года умер Лончаков Петр Дмитриевич. За месяц до смерти его невестка в соседней деревне родила сына. Будучи тяжело больным, мужчина настоял на том, чтобы жена свозила его к сыну в гости. Они приехали туда, зашли в дом сына, он взял на колени младенца и сказал: "Тый ам" – 'это я'. При этом слезы его градом лились на новорожденного. Его жена сильно рассердилась и обиделась, сказав: "Ты еще ходишь по земле, зачем о таких вещах говоришь" Вскоре он умер. И стали говорить, что действительно внучек является продолжателем жизни своего деда. Такое поверье предками было придумано, по-видимому, в связи со стремлением человека к вечной жизни и бессмертию.

Продолжателю жизни покойного иногда давали имя умершего, но этим именем никогда не называли. По данным Соколовой З.П., "Душа и имя по поверьям у хантов и манси тесно связаны друг с другом. Более того, некоторые их обряды свидетельствуют о том, что называть человека по имени – это то же, что обращаться к его душе"¹ По представлению самих манси душа человека воплощена не в его имени, а в его четырех (пяти) душах, каждая из которых называется по-своему (см. об этом ниже, стр. 117). К душе человека обращаются при необходимости, это верно, но ни в коем случае не обращаются по имени, а очень вежливо, нежно

1 З.П.Соколова. Наследственные или предковые имена у обских угров и связанные с ними обычаи. Советская энциклопедия, №5, М., 1975, с.49.

и ласково, даже самую старую женщину называют девушкой с густыми волосами & красивыми косами (личные имена у манси появились лишь с крещением, они все заимствованы из русского языка, см. стр. 45).

Живых людей с именем умершего при родных называют не по имени, а по родственной терминологии. Это делается с этических соображений, по той причине, что произнесенное вслух имя умершего вызывает боль в сердцах родных, напомним о нем. На неосторожных сердились так: "Ты разве поп, что выкрикиваешь имя"

Следует подчеркнуть, что у манси еще в недалеком прошлом не было принято обращаться друг к другу по имени. Это считалось непочтительным, невежливым, обидным. По-видимому, это связано с тем, что у манси не было личных имен, были имена только по месту жительства, у главы семьи были прозвища. Прозвища или дразнительные имена не употребляли в присутствии человека, чтобы не оскорбить его. Поэтому принято было называть друг друга только по родственной терминологии, которая у этого народа весьма развита, богата и детализирована. Еще лет 30-40 тому назад взрослые сердились на школьников, если те обращались дома по имени друг к другу, говоря на них: "Вы теперь совсем обрусели, забыли родню (родственные связи) и обращаетесь по имени" Кроме того, есть поверье, что умерший, якобы, услышит свое имя, если его называть вслух, и встрепетается, это причиняет ему волнение. Возникновение этого поверья можно было бы связать с каким-нибудь церковным обрядом, отпеванием или чем-то подобным. Ведь часть манси была крещеной. Во время траура родные покойного огонь, воду, все острые предметы, вещи называют иносказательно, не своим названисм: огонь 'горящий не в переднем углу', вода 'молоко', 'грудь женщины', нож 'острый нечто' и т.д.

Грудных детей (беззубых) манси хоронят не на кладбище, а где-нибудь в лесу, каждого отдельно, костер там не разводят. Считается, что ребенок мал, он не может повторить все то, что делали побывавшие у него на могиле родственники. Если же женщина умерла во время родов одновременно

с младенцем, то этого младенца хоронят вместе с ней в одном гробу. Мать сама будет нянчиться с ребенком, прежде умершие не обидят этого малыша.

Многие обряды, соблюдаемые строго последовательно и со всеми подробностями, не находят каких бы то ни было разумных объяснений с точки зрения современного человека. Смотришь со стороны на людей, проводящих этот обряд, и они кажутся большими детьми, до самозабвения погруженными в сложную "игру", придуманную для них далекими предками. Однако они убеждены, что следует соблюдать обычаи со всей последовательностью и со всеми подробностями. Якобы, отныне светлая дорога покойного на том свете зависит целиком от внимания и заботы оставшихся в живых.

Весь этот сложный обряд, проводимый со смертью человека за весьма длительный промежуток времени (4-5) лет, по-видимому, некогда был придуман предками для того, чтобы в какой-то мере отвлечь внимание близких и родных от большого горя, от самой тяжелой утраты родного человека и сосредоточить все внимание оставшихся в живых людей на том, чтобы они теперь думали не о смерти родного, а заботились бы о соблюдении всех обычаев, всех мер, какие требуются в связи с умершим.

Следует подчеркнуть, что описанный здесь вариант погребального обряда приписывать ко всем манси (или ханты) было бы ошибочно, так как различные группы манси (и ханты) не все одинаково проводят этот обряд.

По сведениям пожилых, у различных диалектных групп (или территориальных групп) манси по рекам Сосьва и Ляпин, погребальный обряд в целом проводят одинаково сложно. Однако имеются значительные отличия. По словам моей матери, еще в начале 20-го века, когда она была замужем в Куртьяпавле (район Средней Сосьвы) приезжавшие к ним на рыбалку манси своего умершего не клали в гроб и не делали сруб, а оставляли его в сидячем положении на нарте. Женщины во время сбора ягод случайно наткнулись на это место и сильно испугались.

Моя мать назвала некоторые группы манси на реке Сосьва и Ляпин (совпадающие с диалектными группами языка), которые по умершему волосы не стригли и не жгли. Вместо этого они делали что-то иное. Другие манси не делают катас или его делают с боковой стороны, а другие не делают ит-тырму или имя умершего не скрывают. Есть группы манси, которые не оплакивают умершего. Имеются и другие отличительные особенности, которые следует в самое ближайшее время выявить и зафиксировать, так как эти данные обряда исчезают вместе с уходящими стариками, которые в своей жизни проводили "на тот свет" не одного своего ребенка или родственника, как моя мать, похоронив своих семерых детей.

Среднее же поколение (начиная с 50 лет и моложе) знает лишь кое-что, отрывочные сведения о погребальном обряде или не желает делиться своими знаниями, в шутку выдумывая что угодно, чтобы отделаться от утомительных вопросов и любопытных исследователей обрядов манси.

В настоящее время похоронный обряд в деталях не соблюдают, начинают забывать его, упрощают его. И повсеместно у разных групп манси он становится похожим, унифицированным.

Души человека:

1) уртэ – душа, которая отправляется в теплые края после смерти или до смерти человека;

2) лаш – душа человека в образе птички, предвещающей смерти;

3) улм уйе – душа в образе птицы, хранящей сон и здоровье человека при жизни;

4) утыщи – душа, которая всегда с телом, даже после смерти человека. К нему ходят на поминки;

5) пятая – это, якобы, душа первой души, у нее нет конкретного названия.

Обряд, связанный с медвежьим праздником (по данным сыгвинских манси)¹

Медвежий праздник или медвежьи пляски² – это было хорошо организованное национальное театральное представление у манси.

Соблюдение обряда, связанного с обнаружением медведя, начинается у манси сразу же, как только охотник находит берлогу (вõңха, букв. 'яма', 'нора'). Он должен поставить две палки крест-накрест у входа в берлогу (пўсас ййвыг, букв. 'изгородь'). Это, якобы, делается для того, чтобы медведь не вышел из берлоги.

Человек, нашедший берлогу, возвращается в охотничий шалаш к товарищам. Ему нельзя говорить прямо об обнаруженной берлоге, нельзя говорить лишнее. Если же по опечаленному виду охотника товарищи догадаются, что их спутник обнаружил что-то серьезное, то они могут в осторожной, иносказательной форме спросить его о своей догадке. А тому разрешается (тоже в иносказательной форме) признаться в обнаружении берлоги. Скрыть же это охотник не имеет права, якобы, медведь на него обидится.

На следующий день охотники основательно готовятся (без лишней болтовни – комментарий информанта) и отправляются с серьезным намерением в путь. Подойдя к берлоге, они вводят палку во внутрь, начинают тревожить медведя, чтобы он высунулся из ямы. Как только медведь выскочит по грудь, его убивают метким запуском стрелы или выстрелом (сёмлыг паттāве, букв. 'черным сделают его'). Ранить зверя нельзя – опасно!

1 Описание обряда дается на основе сведений, полученных у информантов Овесова Егора Семеновича в 1958 г. и Номиной Анны Ивановны в 1984 г., а также на основе личных наблюдений в детстве в 1935-36 гг. во время проведения медвежьих игр.

2 В.Н.Чернецов представляет сведения о проведении медвежьего праздника обскими, вежакарскими манси в работе: "Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем", (см. стр. 204).

Убили медведя, вытащили его из берлоги, начинается игра. Охотники отходят от убитого медведя, тут же возвращаются к нему и говорят: "Ну вот, мы старались-старались, оказывается, это мохнатая собака Усың õтыр õйки... ("собака Мужчины, обладающего городом"). Если самец, то процедура "непризнания" повторяется пять раз, если же самка, то — четыре раза.

И вот, наконец, охотники "узнают" что они добыли то, перед кем можно устраивать пляски и игрища! И тут все люди, добывшие медведя, хватают друг друга, начинают бороться, выражая этим радость победы над сильным противником, сильным и опасным зверем тайги. Если зима, то при таком торжестве бросают друг в друга снегом, если лето, то обливают друг друга водой. В игре борются, меряются силами. Наконец, наигрались досыта и успокоились. Начинают свежевать зверя. Если это самец, то в пяти местах его шкуру надрезают по линии свежевания. Если же самка, то в четырех местах так же разрезают шкуру. Якобы, это развязывают его (ее) пять (четыре) завязок шубы (сахи теңнанэ). Причем первый надрез делается у пупка.

Закончили освежевывать добычу, делают лежанку, именуемую люлькой. Это изготавливается так: берут гибкую палку, сгибают в дугу, закрепляют эту дугу тремя поперечными укреплениями-перекладинами (тõсанэ). Дугообразная часть "люльки" считается передом ее, а концы — задней частью. На эту "люльку" погружают шкуру медведя с (целиком оставленной) головой. Голову кладут на лапы с когтями, а носом устраивают к дугообразному концу "люльки". Затем эту "люльку" ставят передом в направлении движения зимой на нарту, летом — на лодку. Охотники едут домой в деревню, исполняя медвежьи эпические песни. Подъезжая к почитаемым местам предков, они выкрикивают хором: "Утьщум õхõв!" — что значит — добыли медведя. Если они везут медведя, этот выкрик повторяется пять раз; если же медведицу, то — четыре раза. (Верхнесосьвинские манси кричат при добыче медведя: "Уй сали-воли õхõв!")

Наконец, охотники с добычей подъезжают к деревне. Они подают сигнал, одновременно стреляют из своих ружей и выкрикивают слова: "Ўтьшум бхбв!" (пять или четыре раза в зависимости от пола добытого медведя. В прошлом, когда не было ружей, сигнал предупреждения подавали только криком). В деревне услышали сигнал охотников, узгали, кого они везут, засуетились, забегали, в соответствии с полом убитого медведя начали готовиться к встрече. Взрослые и дети, торопясь, надевают на себя самое лучшее, наряжаются, выходят на улицу, идут навстречу к охотникам, туда, где те сделают остановку. Пять (четыре) женщин деревни, якобы, снохи медведя (маняно) идут навстречу с подоженной чагой в посудине, которую держат обычно в правой руке.

На месте остановки нарт или лодок начинается игра-борьба. Много народу или мало народу – все принимают участие в ней, бросают друг в друга снегом (обливают друг друга водой). Считается нормой, если кого-нибудь удастся сбросить в воду в нарядной одежде, обуви. Женщины и дети обычно стараются убежать от таких охотников удачи. Общий смех, шутки, веселье, радость. Собаки тут же вертятся под ногами, радуются, машут хвостами. Наконец, наигрались, успокоились.

В доме хозяина, добывшего медведя, в переднем углу сооружается полка (үй норма). Вносят "люльку" с медведем в дом, ставят ее на эту полку. Перед полкой сооружается нечто, наподобие рамы, в виде окна, и оббивается красивой тканью. Получается нарядный вид, словно это окно, а из окна виднеется разнаряженный медведь. Глаза его закрываются серебряной монетой, на конец морды (на область носа и пасти) прикрепляется серебряная чашка из священного ящика, на когти надеваются блестящие кольца, спина его покрыта шелковым священным халатом (ярмак сахи, если это самец, надевают бусы, накидывают шелковый платок, если это самка). Любо смотреть на медведя, словно он улыбается, радуется, так хорошо он выглядит!

Все жители деревни готовятся к празднованию в честь добытого медведя. Выступающие готовят соответствующие

костюмы, а зрители достают свои лучшие наряды из сундуков и мешков, идут в дом, где приготовлено все для праздника. Соседние деревни тоже оповещаются о предстоящем празднике, оттуда приезжают все желающие на своих быстроногих оленях (на лодках). Хозяйки из соседних домов берут с собой чашки с едой (пурлан аны), заходят в праздничный дом, подходят к медведю, целуют его, чашку с едой ставят на стол перед медведем (следует отметить, что мужчины целуют мужскую сторону медведя – левую, сердечную, а женщины – женскую сторону медведя, т.е. правую).

На стол перед медведем ставится длинная берестяная чашка с едой, разделенная на две части, одна из которых предназначена для пищи лиц женского пола, другая – для лиц мужского пола. Из теста делают изображения оленей, косачей, грибов, шишек, травы – пучок – все то, чем питается медведь. Перед медведем ставят также хлеб, табак (это делается потому, что медведь некогда был человеком – комментарий информанта).

Люди собираются на праздник. Мужчины в соседнем доме заготавливают берестяные маски для выступающих в вечернее и в ночное время (днем же все работают, делают свои дела).

В далеком прошлом каждый день перед выступлением масок пять (четыре) мужчин одевались в шелковые халаты из священных ящиков, в остроконечные шапки с семью лоскутками на макушке, становились перед медведем, брались за мизинцы, покачивая скрепленные таким образом руки вперед-назад, исполняли пять (четыре) медвежьих песен пробуждения (уй эрыг). При исполнении песен пробуждения помещение может быть совсем пустым (но дети, любознательные, всегда присутствуют, молча слушают, смотрят, и на них никто не обращает внимания). После этого торжественного обряда вечером начинались представления.

На медвежьем празднике должны были участвовать все: взрослые и дети, мужчины и женщины. Считалось, если кто-нибудь не примет участия, медведь обидится и когда-нибудь причинит ему неприятность. Этому верили все. Перед появлением выступающих в берестяных масках, в перерывах

между номерами, мужчины, мальчики исполняли под звучание сѣнквылтап (струнный инструмент) мужские танцы, а женщины и девочки с лицом, закрытым платком, закрытыми кистями рук исполняли женские танцы. Особенно активными были дети, начиная с 3-х летнего возраста. Пожилые говорили детям: "Хоть раз, но нужно потанцевать перед медведем, иначе он обидится и летом во время сбора ягѳд может напугать вас". Дети искренне верили взрослым, боялись медведя и плясали, как могли. Некоторых малышей-танцоров взрослые хвалили, подбадривали. Вынужденное выступление (пляска), по-видимому, было придумано мудрым человеком для выявления талантов как среди взрослых, так и среди детей.

Маски заходили в помещение, обязательно здоровались: "Паща, паща!" 'здравствуйте, здравствуйте!' Танцевавшие перед медведем тут же разбегались по углам, освобождая место для артистов-масок, которые так наряжаются и меняют свой голос, что трудно узнать кто именно выступает. Они выступают так искусно, так берут за сердце, что мурашки по спине пробегают.

Итак, представление начинается. Одни маски уходят, другие приходят, изображая самые разные эпизоды жизни (как в кино – комментарий информанта): показывали, как люди жили в прошлом, каким образом ловили рыбу, добывали зверя; представляли богатых и бедных людей; побывавшего в городе и расхваставшегося, зазнавшегося человека; недостатки в характерах людей, не называя имен; были ли они трусливы, были ли драчливы, лечили ли людей неумело, трогали ли чужие ловушки... Особенно осуждалось воровство. Если поймали вора на месте преступления, тут же строго наказывали его. (Дабы другим неповадно было – комментарий информанта.) Иногда те, кого они критиковали, присутствовали в это время, но они не должны были обижаться на артистов (это настоящая критика! – комментарий информанта).

Представляли на празднике и людей других национальностей, изображая их примечательные черты характера: коми

– торговцами, купцами; татар – взад-вперед подпрыгивающими, с вставленной между ног разукрашенной колокольчиками, бубенчиками палкой (иксям хатань); русских – человеком в "женском наряде" (голова повязана платочком, вокруг бедра обернута тряпка-юбка), моющим пол и ругающимся на всех со словами: "Ходят туда-сюда, топчут пол" Эту сцену, обычно, показывал Антип Осипович Сайнахов высокий, худошавый мужчина.

Медвежьи пляски для нашего народа были школой развлечений, обучения трудовым навыкам, школой храбрости и смелости, нравственной морали. Через критику и юмор учились жить, воспитывали людей, на плясках очищали и усталую свою душу и снова шли в тайгу. Сами манси о медвежьих плясках говорят так: "После плясок (уй ййкваве) на душе становится легко и весело, тяжелая работа не кажется уже особо трудной. После плясок с облегченной душой снова беремся за свой труд, терпим морозы, невзгоды жизни."

В далеком прошлом добытого медведя чествовали восемь дней и ночей, а медведицу – семь. Затем появился запрет на медвежьи праздники. Однако, несмотря на это, все-таки тайно праздник устраивали. При медведе успевали играть пять вечеров, а при медведице – четыре вечера. Но совсем не стали показывать торжественных номеров с представлением перед медведем духов-предков манси. А в прошлом это делалось так: перед тем, как ввести в зрительное помещение духа-предка, окуривали дом чагой, затем входил мужчина и докладывал, что вот сейчас придет к нам на праздник такой-то дух-предок. Музыкант начинал исполнять на инструменте сѣнквылтап его призывную мелодию. Если у духа есть призывной речитатив, то вместе с мелодией напеваются и слова призыва.

Для истории народа важно, в какой очередности представляются на медвежьем празднике духи-предки (нѣй бтыр), в том числе предок, человек на коне (лувѣ хум), и сам медведь с хрюканием хох-хох-хох...

Сам же медведь, как покровитель, и его праздник, по видимому, были введены в жизнь народа манси значительно

позднее, после того, как укрепились и обосновались они на территории теперешней (в сказаниях говорится, что дочь Ну-ми тōрума спустилась с неба на болотистую, покрытую шиповником и черемухой землю, на такую, где живут теперь манси... Она, не выдержав трудностей на Земле, стала медведицей, и пять звезд на небе, созвездие Малой Медведицы, над территорией проживания манси поименованы медведем. И манси знают, что медведь моложе всех их покровителей (нāй б̄тыр 'героинь, богатырей') и по этой причине его называют āпсикве 'младший братик', а нижнесосьвинские манси медведя называют брат нашей матери (сасыгкве). Поэтому он сидит на столе, и ему, как самому младшему духу, докладывают о древних предках манси и показывают их ему в том наряде, какой им присвоен потомками.

I. Главных духов-предков жителей деревни Мувыңтес было семь богатырей (я талих сāt б̄тыр). На медвежьем празднике их показывали дважды. Первый раз людьми, плывущими на лодке. Один мужчина весной во время отстрела уток на Оби поехал охотиться. Уток не было. И вдруг он видит: по весеннему половодью то ли большая коряга плывет, то ли что-то другое несет течением. Когда плывущий предмет приблизился, мужчина увидел лодку и в ней Семь богатырей. Охотник испугался, потерял дар речи. А они сидят в лодке, поют, слегка покачивая головами враз, в такт музыке и гребле. Они поют о том, чтобы охотник не боялся и признал бы их своими покровителями, защитниками. Охотник принял их предложение, вышел на берег, взял свой топор, срубил дерево, из него изготовил изображения семи братьев (ула). Вся эта работа проходила под пение – восхваление Семи богатырей на хантыйском языке. С этого момента он считает их своими духами-покровителями, защитниками. Они же ему ничего дурного не причиняют и только добра желают.

После этого богатыри сделали остановку в Березове на мысу и посадили там семь лиственниц, затем продолжили путь по Вогулке и вышли к реке Хохаң-я, под конец поселились в Сбрахте, в устье его притока Хулюм.

Со слов стариков, в район Сакв-я, деревни Мувыңтес, эти Семь Богатырей пришли из Вёрхней Лозьвы (лўссумныл ёхтум мǎхум). Второй раз тех же Семь богатырей должны представить зрителям уже в образах людей, вооруженных саблями, одетых в островерхие шапки с семью доскутками на макушке. Начинается первая их призывная песня. Они, одетые как воины, подходят к дому, где находится медведь, становятся с наружной стороны, дают сигнал, постучав по бревнам; в доме услышали, что они уже явились. Человек, начавший призывную песню, продолжает петь. Он держит в руке косынку (ǎссын), время от времени по кругу по ходу солнца ею размахивает, а богатыри стоят на улице, ждут своего времени для входа в помещение. Ведущий начинает исполнять вторую призывную их песню – это значит можно входить в дом, пришло время! Богатыри заходят, для них уже освобождается весь пол, место их выступлений. Они нарядны, их шапки отделаны мехом, низко сдвинуты, вокруг шеи ткань, как бы шарф, он слегка прикрывает подбородок. Они неузнаваемо торжественны! Музыкант продолжает исполнять их призывную мелодию, рассказывая о их великих делах, их путешествиях по семи рекам, по шести рекам. Они останавливаются перед медведем. Самый первый из Семи богатырей свою саблю, украшенную колокольчиками, обмотанную кусочками красного сукна и косынкой (ǎссын), держит перед медведем и как бы грозитя ею, а колокольчик звенит. Его шесть братьев попарно стоят, ударяют саблями о саблю, произнося при этом мелодичное: ох-ох-ǔв! Сначала в спокойном темпе, чуть слышно, а затем начинают двигаться по кругу. В это время мужчина, сидящий рядом с медведем, каждому из проходящих мимо него богатырей подает в серебряной рюмочке, с наперсточек, вино, чтобы они разогрелись.

Вот начинают исполнять третью призывную песню. Темп музыки более быстрый. В какой-то момент дошли до такого места, что ведущий вечера произносит: "Яңам ǎмп тёрум сун, я пир-р!", что значит: "Собачья нарта, запряженная белыми собаками, ну, пошла!" (Примечание информантки: тǎн

āмп хурил блэгыт, таймагс, улпыл, тох лавает" "Эти Семь богатырей, якобы, могли принять образ собаки, поэтому, вероятно, к ним так обращаются"). И вот они разгорячились, что становится страшно от их прыжков и выкриков: аг-ага-аг! – особенно детям и женщинам. Богатыри во время прыжков останавливаются в определенное время – всего семь раз. Как и раньше, главный потрясает саблей перед медведем, а другие попарно ударяют саблями и произносят то же самое: ох-ох-бв! – но громко.

Когда Семь богатырей выходят после выступления на улицу, один их мужчин берет впереди идущего богатыря за козынку, повязанную на шее, и выводит его как лошадь за узду; за ними следуют его шестеро братьев. А второй мужчина, обычно это подросток-мальчик, каждому из богатырей царапает спину, т.е. сверху донизу проводит пальцами по их спинам. Это делается для того, чтобы сбавить силу богатырей и темп движения. Если так не сделать, то эти разгоряченные люди будто убегут в лес, и их не поймаешь. В моей памяти в 1935-36 гг. призывную песню богатырей исполнял обычно Ромбандеев Павел. Он обладал хорошим звучным и приятным тембром голоса. Призывные песни им исполнялись с чувством, с большим волнением. Под конец лицо исполнителя покрывалось капельками пота, и рядом сидящий поднимался, вытирал его осторожно, не мешая поющему.

II. На медвежьем празднике духа Нёр бйку (гора-мужчина) не представляли, не исполняли его песню, лишь его мелодию призыва проигрывали на инструменте.

III. Духа Тюлям урың бйка представляли так: он пользовался двумя посохами из лиственницы, был высок ростом. Как повернется, так и меняет посохи в руках, таким образом он и танцевал перед медведем и делал семь кругов по ходу солнца.

IV. Духа Полум тбрум воспевали и вспоминали на празднике.

V. Духа Лувнёрумнэ воспевали и представляли так: мужчина, одетый в женскую шубу, в платок, с сидящим на плече

мальчиком в малице и маске; он заходит в зрительный зал и то туда повернется, то сюда, при этом каждый раз приподнимая руки; обойдет круг, танцуя, каждый раз останавливается перед медведем, а из помещения выходит в сопровождении ведущего.

VI. Духа Калташ представляет мужчина, одетый в женскую шубу, его воспевали и представляли зрителям в образе очень старой женщины, ее волосы так были седы, что походили на весеннюю или осеннюю шкурку зайца. Руки ее сжаты в кулак, трясутся от старости и волнения из-за бед и мук людей (она переживает за всех, льет слезы за них. И эти слезы вытирает своими дрожащими кулаками). Вид ее тревожный, трогательный. Многие зрители-женщины, дети, глядя на нее, не сдерживают слез. Калташ делает семь кругов, а затем выходит тоже в сопровождении ведущего.

VII. Духа Аяс ойка на медвежьем празднике не представляли, лишь исполняли наигрыш, посвященный ему, его великим делам.

VIII. Духа Ялиус ойка воспевали и приглашали. Он являлся в образе медведя, обходил дом, делал круг по движению солнца, время от времени фыркал.

IX. Духов Мань-я хумыг представляли так: заходили двое молодых мужчин, привязанных друг к другу на расстоянии ремня. Они садятся – одновременно, встают с места – одновременно, какие бы движения ни делали – все как один человек.

X. Духи Тõрум колáви у́рнэ мáхум (хранители входа в небо) всего трое мужчин: один из них Отыр – защитник всех людей, другой Калташ – подмогу делающий людям, третий – бог отец (тõрум а́ш). Появлялись трое мужчин, у каждого из них в руках была косынка, они тоже делали семь кругов по движению солнца, при этом то одной рукой, то другой косынками делали круг перед собой в такт музыке, якобы, танцуя.

XI. Мир суснэ хум, Лувуң хум, Отыр, исполняли его наигрыш и пели его призывную песню, воспевали вместе с сыном. Он появлялся человеком, маскированным под всадника

на лошади, обходил зал семь раз, при этом каждый раз он останавливался перед медведем на некоторое время, как и все другие духи, представляемые медведю.

XII. Касайн пёлым хум (раненный ножом) – это мудрость Отыра – сына бога. На ковре вносили человека, покрытого священным халатом. Из-под халата высывались две маленькие масочки – девочка и мальчик, начинали как бы танцевать, вертеться, меняться местами, друг из-за друга выглядывали, масками друг о друга стучали, при этом все присутствующие мужчины кричали: а-а-а! Семь раз так прокричат, маски перестают танцевать, вынимают у них окровавленный нож, обращаются ко всем зрителям, кто это сделал?.. Становится жутко... Затем этот ковер выносят из помещения вместе с притихшими масками.

XIII. Другого какого-то духа представляли так: у него в руках две стрелы, обойдет вокруг, потрет стрелы друг о дружку, при этом приподнимает одну ногу, а на другой ноге сделает полный поворот быстро, ловко и легко! Так делал семь раз.

XIV. Мисхума представляли пляшущим на коленях, он тоже пол обходил на коленях семь раз по ходу солнца.

XV. Суйур эква (женщина, находящаяся на гриве бора) – ее представляли нарядно одетой в меховую шубу с орнаментом; ее платок обязательно должен был иметь солнцеобразные рисунки. Она танцевала плавно, нежно.

XVI. Представляли вороватого персонажа в образе морской чайки (шира). Эта чайка крадет золотое блюдо, стоящее на столе перед медведем. Имитируя чайку, он машет руками, как крыльями, подражает крику чайки, убегает от преследующего его человека в маске. Этот человек с посохом в руках все шагает за чайкой и время от времени обращается с вопросом к зрителям и спрашивает: "Когда пролетела мимо вас чайка?" А те отвечают: "Третьего дня", а затем: "Два дня тому назад." И наконец: "Вчера" И через некоторое время он догоняет чайку и отнимает золотое блюдо, а она шумит и кричит: "Тяр-тяр-тяр!"

XVII. Дух в образе лисы. Заходит лиса, вместо хвоста у нее торчит соломенный пучок. Один из мужчин поджигает его. Лиса бегает по всему помещению. Это окуривается (хёртаве) помещение после всех представлений, и представления прекращаются, заканчиваются.

XVIII. Затем заходит артист, одетый журавлем, подходит к медведю и начинает снимать все украшения с медведя длинным носом (пупа а́пшитёв хораманэ лбсталавет). Предметы, которые стояли перед медведем на столе, журавль тоже переворачивает (тур тэп, ас тэп шуниң а́ниятэ та лбсталавет: хб́рие-хб́рие" 'богатый стол медведя разрушается', – при этом ведущий мужчина поет: "Хб́рие-хб́рие!" (это словосочетание не переводится). В это время хозяин медведя говорит: "Нашего младенца что-то сильно обижают." И поглаживает своего медведя. Следует отметить, что журавля, разрушителя праздника, на медвежий праздник приглашают обычно на хантыйском языке. Призывные песни на этом языке исполнял часто Антип Осипович Сайнахов. В молодости Антип Осипович много лет батрачил на Оби у русских купцов вместе с ханты и знал их язык. Возможно, и обрядовые песни он заучивал у них на хантыйском языке. (Это говорит о культурных связях наших двух близкородственных народов ханты и манси.) Вообще на медвежьем празднике произнесение слова или фразы на каком-либо языке считалось большим шиком. По фольклорным данным, предки манси впервые познали медвежьи пляски от людей Ёсың бтыр бйки. Известен и такой факт, что в некоторых мансийских деревнях был запрет на проведение медвежьего праздника. В частности, в тех местах, откуда была видна гора Нёр бйка.

Вот и наступил день прощания с медведем. В доме в одном из углов сделан занавес (хасап саиңпал), там время от времени звонят колокольчиком, при этом сидящие в помещении говорят: "А-ну, ищите его. Мужчины им отвечают: "Наступит малоснежная осень, мы тогда пойдем искать его." Звон колокольчика – это, якобы, признак наличия берлоги. После такой игры все женщины выходят на улицу, хозяин медведя тоже выходит с ними на улицу. А медведя с "люлькой" в

это время мужчины переворачивают, и все в доме кричат одновременно. Хозяин медведя, услышав крик, вбегает в дом, а затем снова выбегает на улицу и говорит: "Куда вы дели нашего младенца?!" А перед этим была сделана из бересты плоская маленькая люлочка, все углы ее подогнуты в одну сторону (это необычно!). Хозяин медведя подходит к старшей снохе и там находит эту люльку. Они вдвоем разрывают ее, после этого мужчины выбегают на улицу, начинают бороться, играть, обливать друг друга водой, бросать друг в друга снегом.

После этих игр медвежье мясо большими кусками погружают в два больших котла. В одном котле варится левая половина туши медведя – для еды мальчикам и мужчинам, а в другом котле – правая половина туши медведя. Это предназначено для девочек и женщин. Все это варят на улице и только мужчины. Разрубать кости медведя нельзя, запрещается! Сваренное мясо отделяется от цельных костей, разделяется на мелкие кусочки, чтобы можно было сразу же взять его в рот. Разносят разрезанное мясо в большой чашке по рядам присутствующих людей. Медвежье мясо жуют с закрытым ртом, чтобы ни крошки не упало на пол. После того, как проглотили разжеванное мясо, очищают пальцы и рот опаленной стружкой (оссыл хõрхатõгт). Женщины при менструационном цикле никогда не прикасаются к медвежьему мясу и не заходят в дом, где проходит праздник, веселье, представление. Кости же медведя (позднее) опускают в озеро, якобы, карась там будет жирный и большой.

Зад медведя (кости зада) ставят перед женой старшего брата, у которой нашли "люльку", а голову (кости головы) ставят перед старшим братом, т.е. перед старшим из родни хозяина, добывшего медведя. Позднее избранная женщина шьет хозяину медведя рукавицы с орнаментом медведя, а избранный мужчина дарит ему нож (шохри).

Хозяева медведя после завершения игрищ соблюдали траур как по умершему человеку пять (четыре) дня. А затем убивали оленя, чтобы все было благополучно в будущем. Этим заканчивается обряд, посвященный добыче медведя.

У манси был обычай: в последнюю ночь праздника посылали молодых людей с вымазанными в саже руками по домам, и они искали в них людей, кто не выдержал восьми (семи) бессонных ночей праздника! И им во время сна вымазывали лицо сажей. Такие люди утром, ничего не подозревая, выходили на улицу, их там поджидали шутники, поднимался общий смех, шутки, веселье. И потерпевший вместе с ними хохотал, веселился. Обычай: сердиться нельзя было!

Кто сегодня скажет, почему устраивали пляски в знак побежденного, убитого медведя? То ли имитировали торжество над побежденным врагом, и поэтому манси представляли ему своих именитых духов-предков, знакомили его с ними. Не напрасно же воины перед медведем, перед его носом потрясали саблями. Или же это было придумано для обычного театрализованного представления.

Обряд этот являлся всенародным массовым праздником, народным гулянием, где принимали участие все: или как артисты, или как зрители. Другой важный момент: на этом празднике представляются все предки-богатыри так, как они были одеты в прошлом, или вооружены, как воины. Представляли их по хронологической последовательности, по их значимости в истории самого народа, т.е. исторической последовательности.

Об этом мансийском празднике Л.Н.Толстой написал следующее: "... недавно я прочел рассказ о театре у дикого народа вогулов. Одним из присутствующих описывается такое представление: один большой вогул, другой маленький, оба одеты в оленье шкуры, изображают один – самку, другой – детеныша. Третий вогул изображает охотника с луком и на лыжах, четвертый изображает птичку, предупреждающую об опасности. Драма в том, что охотник бежит по следу оленьей матки с детенышем. Олени убегают со сцены и снова прибегают. Такое представление происходит в маленькой юрте. Охотник все ближе и ближе к преследуемым. Олененок измучен и жметя к матери. Самка останавливается, чтобы передохнуть. Охотник догоняет и целится. В это время птичка

пищит, извещая оленей об опасности. Олени убегают. Опять преследование, и опять охотник приближается, догоняет и пускает стрелу. Стрела попадает в детеныша. Детеныш не может бежать, жметя к матери, мать лижет ему рану. Охотник натягивает другую стрелу. Зрители... замирают, и в публичке слышатся тяжелые вздохи и даже плач. И я по одному описанию почувствовал, что это было истинное произведение искусства."¹

Заключение

В мировоззрении манси первоосновой жизни признается вода. Земля покрыта водой. На воде растет все. В том числе и сама земля, поднятая из большой глубины мирового океана.

Возникновению жизни на Земле способствовала, по мнению манси, Небесная сила – небесная птица лулы достала землю из-под воды. И сами люди, предки манси, якобы, некогда были спущены с Неба. Это были дети Тõрума 'Неба', 'Бога'.

Небо и Земля, жизнь на Небе и на Земле – в тесном контакте: человек некогда пришел на Землю с Неба, когда умирает, его душа (одна из четырех (пяти) душ) отправляется на Небо, если он творил на Земле значимые нужные дела, был честным, добрым человеком. На небе такой человек будет жить вечно и будет творить добро, будет помогать земным людям, обладающим светлой душой, а злые, недобрые после смерти попадают в темное подземное царство, где небо высотой лишь с собачий хвост.

По данным преданий, первым деятельным человеком на Земле была женщина, продолжительница человеческого рода. Лишь позднее мужчина приобретает силу, и то лишь с помощью женщины он начинает творить добрые дела. В больших трудностях он побеждает также с помощью ее советов и содействия.

Предания манси говорят о том, что в прошлом люди выбирали себе жену или мужа по деловым и моральным ка-

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М. 1951, т.30, стр.147.

чествам. О достоинстве девушки, женщины судили по одежде, по делам: если хорошо одета, то трудолюбива и хорошая мастерица; если юноша, мужчина добывает соболей и зверей – хороший охотник, значит может прокормить жену и детей.

Обряд в связи с рождением ребенка возник, по-видимому, в глубокой древности, в ту пору, когда складывалась борьба за соблюдение моногамного брака, за верность жене и мужу.

Погребальный обряд у манси очень древний и в цепи всех их верований, по нашему мнению, представляет первую стадию верования, возникшего на основе почитания памяти умершего близкого человека. Весьма вероятно, оно заложено еще в эпоху матриархата: в погребальном обряде ведущее положение занимают женщины, мужчины выполняют лишь тяжелую работу (приготавливают гроб и сруб для захоронения покойного). По всем имеющимся данным, основоположником религии, верования народа манси является женщина (см. разделы "Миграция манси", "Погребальный обряд", "Рождение ребенка").

Патриархальное общество, по преданиям манси, появилось после того, как были освоены земли на той территории, где теперь живут манси, по левым притокам великой реки Оби, а также по азиатским склонам Урала. Когда появилась необходимость защитить освоенные ими земли от посторонних посягателей, в это время выделяются сильные, мудрые воины – защитники своего народа (см. раздел "Сведения о культуре предков", "Символические изображения духов-предков", Список духов-предков).

Следует отметить, что в нашей работе представлены далеко не все духи-предки народа манси ввиду их бесконечного множества и ввиду их строгой секретности и утаивания со стороны поклонников тех или иных духов, того или иного, более или менее крупного региона. Выявление их, проживающих в разных регионах расселения манси, введение их имен, представление их дел в научную литературу предстоит в полном объеме сделать в будущем.

Вера в духов-предков возникла в глубокой древности в повседневной борьбе с суровой природой за существование,

за самосохранение и в целях утверждения силы и веры в себя. Все тонкости верования народа манси еще не нашли надлежащего освещения в литературе. Обряды уходят из жизни вместе с пожилыми людьми манси. Необходимо поспешить зафиксировать их во всех регионах проживания народа манси.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Фольклорные произведения, прилагаемые ниже, взяты из личного архива Е.И.Ромбандеевой. Сказки: №2 Мāнь мощнэ́кве, №3 Мощнэ́г порнэ́г сэмл у́йыг, №6 Мōщнэ́г порнэ́г (йис потыр) – были записаны ею в 1958г. в деревне Хошлог от Ромбандеевой М.Д. Сказки: №4 Касыр Э́кваг б̄йкаг, №5 Мāнь мōщнэ́ ос Мāнь мōщхум – записаны тогда же от Овесовой М.В. Текст №1 использован из фольклорных изданий Каннисто-Лиимола. Транслитерация из фонологической транскрипции на практическое письмо сделана автором данной книги.

Мā тэлум ялпың мōйт

1. Тунра сяхыл экваг ойкаг олэг. Акв яңк хулах оньсег. Кол титпал нупыл акв мус вит, мā атим. Ойка кона ат квāлы, коны мā матхурип ат вāгтэ. Тох олыматэн аквмат эрт нуми торуныл матыр курыгтанэ суйты. Ойка иснасныл кональ сунсы, нумыл торуныл тер тāхт ты юв, мā тинсуңкве витын ёл та сялтыс. Та ялыс, та ялыс, нонха нэглис, нэматыр мā ат хонтыс. Лылтыс, лылтыс, витын ос ёла сялтыс. Ялыс, ялыс, нонха нэглис; ос воньсял, мā атим. Мось лылтыс, хурмиттыг сялтыс, нонха нэглумёт тур ёлы-пālэ тāра лыласаме, нёлэт мāнь мā таврикве. Тыламлыс, тувл торум нупыл та мйнас.

2. Экваг ойкаг ёл-хуясыг. Холыт квāлмёнт торуныл ос матыр курыгтанэ суйты. Ойка кональ сунсы, торуныл ёла тер лұлы юв, витна ёл-сялты. Ялыс, ялыс, нонхаль нэглумёт нэматыр атим, воньсял. Мось лылтыс, лылтыс, ос витна сялтыс. Ос ялыс, ялыс, нонхаль нэглумёт ос нэматыр атим. Мось лылтыс, хурмиттыг ос сялтыс. Нонхаль нэглумёт пуңк паттат ос тāра лыласаме, нёлэт ёмас яныт мā ломткве люли. Ань тунра сяхл кол сāmна тув сартумтастэ, тувл торум нупыл та тыламлас.

3. Экваг ойкаг ёл-хуясыг. Холыт квāлмёнт мā лāгылтёр пāнхвитыг ёмтум. Титыт хотал квāлмёнт мā нāнкнэ пāсна та ёхтум, татем та яныгмам! Хурмит хотал экваг ойкаг иснасныл кональ сунсэг: вит атим, аквмус мāгыг та ёмтум. Яңк хулахе нупыл ойка лāви: "Ялэн сар, сунсэн, мā ман янытыг ёмтум?" Хулах мйнас, акв сёссуп ялыс, мā та янытыг та ёмтум. Экваг ойкаг ос хуясыг, ос квалсыг. Яңк хулах мā янытэ сунсуңкве ос тетытэн. Яңк хулах минам мātэт хотал ят порат усь та ёхтыс; мā та янытыг та ёмтум. Хурмит хотал квāлсыг, хулах нупыл ос лāвэг: "Ялэн сар, сунсэн мā ман янытыг ёмтс?" Минам мātэт акваг атим, хотал тох йтимлас. Ёл-хуйнэ орумт яңк хулах сэмлыг ёмтыма усь ты ёхтыс. Ойка хулахе нупыл лāви: "Наң ялнэ мāнт матыр ты вāрсын!"

№1

Священная сказка о возникновении Земли

1. Живут жена и муж торфяного клочка. У них есть один белый ворон. Вокруг дома повсюду вода; нет земли. Муж не выходит на улицу, что из себя представляет улица (мир вне дома), он не знает. Так поживали, однажды с верхнего мира (с неба) послышался гром (гул, грохот). Муж из окна смотрит на улицу, сверху с неба летит железная гагара, нырнула в воду искать землю. Ходила, ходила она там, вынырнула, никакой земли она не нашла. Дышала, дышала, снова нырнула в воду. Ходила, ходила, вынырнула она, снова пусто, земли нет. Немного подышала, третий раз нырнула. Когда вынырнула, то под шеей отверстие выдохнула, а на клюве же маленькая крупинка земли. Взлетела она к небу и улетела.

2. Жена и муж легли спать. Когда встали на следующий день, с неба снова послышался гром. Муж из окна смотрит на улицу, с неба летит железный дуды, нырнул в воду. Ходил-ходил, когда вынырнул, ничего у него нет, пусто. Немного подышал, подышал, снова нырнул в воду. Опять ходил, ходил, вынырнул, снова ничего нет. Немного подышал, нырнул третий раз. Когда он вынырнул, то у него лопнуло темя на голове (от напряжения), на кончике клюва у него небольшой кусочек земли торчит. Он этот кусочек земли мазнул на угол дома, стоящего на торфяном клочке, затем полетел в сторону неба.

3. Жена и муж легли спать. На следующий день встали — земля выросла на ширину стопы. На второй день встали — земля выросла на столько, на сколько может видеть глаз, так выросла быстро! На третий день жена и муж из окна смотрят на улицу: совсем не видно воды, повсюду земля. Муж говорит белому ворону: "Сходи-ка, посмотри, какой величины стала земля?" Ворон полетел, один час летал, такой величины стала земля. Жена и муж снова легли спать, встали. Белого ворона они снова посылают определить размеры земли. Белый ворон отправился и лишь к полудню вернулся; вот какой величины стала земля. На третий день встали они, снова говорят ворону: "Сходи, посмотри, какой величины стала земля?" От-

1 Переводы текстов с мансийского языка на русский близки оригиналу, сделаны Ромбандеевой Е.И.

– Хулах лāви: "Ам мāныр вāрсум?! Акв элмхблас сорумн патум, ам тувл тэсум, тōна ам сэмлыг ёмтсум." – "Хунь элмхблас тэсн, акв пална мйнэн. Элмхблас йисың тōрм унты пыл, элмхблас нотың тōрм унты пыл, наң наңки вōруй алуңкве ул вērмен, витхум алуңкве ул вērмен; элмхблас алам мāt вōруй тёлпың кант сымын лэсталэлн; тōв хōтал тэтāl хуен!" Хулах вōрна ты мйнас, аниңын хōталыңын тот ты блы.

4. Ань тунра сяхыл колэныл эква кон квāлы. Юв сялтум мātэт ойкатэ нупыл лāви: "Ойка, кол сыста акв йив сав тэлум." Ойкатэ лāви: "Тāре хумле блс, юв тулэлн." Ань йив экватэн хилвес, юв тулвес, ань ойкатэн хасьсаве: аньмань ульпа. Экватэ нупыл лāви: "Кона квāлттэлн, акв тув тусьтэлн!" Ойкатэ такви акв мус кона ат квāллыглāлы. Экватэнтыл ёл-хуясыг, нōнха квāлмёт экватэ āтим. Хоталь мйнас, ман ос блы; ойка кона ат квāлы, элаль тоха та блы. Тох блыматэ нилахатах сāt кэмыг ты ёмтыс, ты марсюмавес. Ат кос кон квāлуңкве рōви, ты хōтал экватэ кинсуңкве кона ты квāлы. Ави сунтэна мйнас; экватэ кон суйты, лāви: "Ул квāлэн! Ам пыгрись āньсёгм, ам пыгрисюм лэңын алнэ янытыг ты ёмтс; ам сātкэмыл юв ты ёхтэгум, наң ул квāлэн кон!" Сātкем кон та блэг, тувл эква пыгрисэнтыл юв ты сялтсыг. Пыгрисе хāйтыгтанэ янытыг ёмтум.

5. Эрыг хум, мōйт хум мана хоса яныгми?! Экваг ойкаг эла хулэг, эла блэг. Пыгрисэн вōруй алнэ янытыг ёмты. Оссыг йив сымныл ёвтыл вāрыстэн, оссыг йив сымныл нялыл вāрыстэн; витың пāl, вōрың пāl алысьлаңкве ты патс. Ойкатэ лāви: "Пыгмён мāныр намыл пиныламён?" Экватэ лāви: "Агирись те блнув, ам намтнувлум; хум няврам ул āсён намтаве!" Ойкатэ лāви: "Ам мāныр намыл пинылум?! Наме ты вос блы: Тāрыг-пёсь-нималә-сов (Кожица из бедра журавля).

6. Тāрыг-пёсь-нималә-сов вōрна ты мйны, урың пāl сāv сүмях тāгиньтапты, вōрың пāl сāv сүмях тāгиньтапты; нёхсыг уиг нас рāгпёг. Тох ялымат вит аюңкве тахмаяс. Акв мāt пāлыг овтнэ янн ты хōнтхатас; витэн аюңкве хұтыс. Тусың

правился он, и все нет его, день так и прошел. Перед тем, как укладываться спать, вернулся белый ворон почерневшим. Муж говорит ворону: "Ты в пути что-то сотворил плохое!" Ворон говорит: "Что я сотворил?! Один человек умер, я поел его, поэтому почернел." "Если ты поел человека, иди вон! Когда установится вечная человеческая жизнь, ты не сможешь сам добывать лесных зверей, не сможешь добывать рыб; на месте добычи зверей человеком слегка утоли голод остатками капель крови; а в иные дни ложись спать голодным!" Ворон ушел в лес, и поныне он там живет.

4. Из того дома, что на торфяном клочке, жена вышла на улицу. Вошла в дом, говорит мужу: "Муж, за домом, оказывается, вырос росточек дерева" Муж говорит: "Целиком с корнями, ветвями занеси его в дом." Жена выкопала тот росток, занесла в дом, муж рассматривает его: оказывается, это кедр. Муж жене говорит: "Вынеси на улицу, на то же самое место поставь!" Муж ее никогда не выходит на улицу. Муж с женой легли спать, муж встал: его жены нет. Куда она ушла, кто знает; муж не выходит на улицу, так и продолжает жить. Так прошло четыре-пять недель, соскучился он. Хоть и нельзя ему выходить на улицу, сегодня он должен пойти и поискать жену. Подошел он к порогу: его жена слышна на улице, она говорит: "Не выходи на улицу! Я родила сына, он уже так вырос, что способен добывать белку, через неделю я вернусь домой, ты не выходи на улицу!" Они (сын и мать) с неделю еще побыли на улице, затем жена с сыном вошли в дом. Сын ее крепко бегаёт, так вырос.

5. Человек песни, человек сказки долго ли растёт?! Жена и муж дальше живут-поживают. Сын их уже может добывать лесных зверей. Они ему сделали из сердцевины тальника лук, стрелу; он начал промышлять в лесу, на воде. Муж говорит: "Какое имя дадим сыну?" Жена говорит: "Если бы была девочка, то назвала бы её я (дала бы ей имя); ребенку мужского пола, наверно, отец даст имя!" Муж говорит: "Как назвать его (имя мне дать ему)?! Пусть будет такое его имя: Тарыпёсь-нималя-сов (буквально: Кожица-из-бедра-журавля).

6. Тарыпёсь-нималя-сов вот отправляется в лес, на возвышенных местах много амбаров на ножках наполняет, в лесных местах много амбаров наполняет; соболей, зверей много промышляет. Так, обходя возвышенные места, лесные места, однажды захотел пить. В одном месте нашел реку с полыньей; наклонился к воде пить. Оттуда выглянул бородатый мужчина. Испугавшись, он отскочил. "Эта река, по-видимому, с

бйкан лялът аңкватавес. Нбңха рохтыс: "Ты мат кулиң я тэл! – ләви, – куль бньси, вит аюңкве тыт ат рбви." Тувл мйнас, тўр яңк сәгрыс, вит аюңкве бс хоми хуяс. Тусың бйкан бс лялът аңкватавес. Ос ләви: "Ты кулиң мат тўр блнэтэ!" Тувл Асән мйнас. Ас котьлән пасатас вит вбңха, витын хоми хуяс, тусың бйкан бс лялът аңкватавес. Тыгл хбнтытэ: тәкви тусэ, исхоре лялът аңкваты. Ас витныл айыс, тувл юв та мйнас. Юв сялтыс лбвасьна унтыс: сўп атим, ләлм атим. Сянән та кос титыглаве, аквмус ат потырты. Сянэ ләви: "Ат те потыртэгн, хуньта матыр накна патэгн: ёл ул ёхтән, нбңха ул ёхтән!" Асе ләви: "Наң сўп нәмлтәл унтсын; мән нупы-ламән люль номт бньсегн?" Пыге усь ты ләви: "Ам тусум ты янытыг ёмтме сыс нэ ми́нам нэңың сәм ат та вәмбн?" Асе ләви: "Ам кон ат квәллэгм, нэ миннэ нэңү сәм хбт блы, ам ат вәглум; наң ма ёхнэ хум, вит ёхнэ хум, нэ миннэ нэңү сәм наңти та тинсэгн."

7. Тарыг-песь-нималя-сов пуңке, саме мәнигтастэ, ёла хуяс. Холыт квалыс, асе ләви: "Ёл-рагпум лувкол сәмна мйәнн, хилән. Матыр пирегн: та пирегн, ат ке пирегн: ат та пирегн." Пыге квәлыс ань рагпум лувкол сәмна та ми́нас. Ань лув лбўлт хилхатуңкве патс, сёрмат квәлыг бвл ты нэглис. Ань сёрмат квәлыг бвл ты пувыстэ, кона ты хартыстэ: та мбрс лув блум, хблуңкве ты ёмтум, тыгле-тувле нас поварәлы. Костер нялыл самыг халт патамтастэ, лыласа́ме мус аквпал нёлсамасэныл султмыл пәялтас, аквпал нёлсамасэныл посымыл пәялтас. Хўрум тәл лувыг ёмтыс. Луве сысын нбңха та порыгмас, ноңха та лапаяптувес. Миннэ тул, хәйтнэ тул халән тәлыгтавес.

8. Луве сыс тармыл тох ми́ныматэ ань Тарыг-песь-нималя-сов Асын нэглис. Ас вәтат нильтаң хосыт ми́ныматэ, нильтаң пуңкыт хўрум хәпга лбўли. Акв лўптанл сёрниң лўптаг наңки. Аквмус ларги, самна ат тахнаве. Тарыг-песь-нималя-сов номсы: "Кәтагум аман хурипаг, вос лисьсинтанувлум!" Юнтуп сам нялэтыл лыстэ, ань лўпта котьланыл тәра минвес. Нялэ лыме юипәлт у́лмын ёхтувес. Ёл-оилматвес, у́лмаи, хбт эква лявтнэт суйты: "Нявра́мт тоха ты ось-

чертями!" – говорит он, – она имеет чертей, пить тут нельзя." Затем он пошел, на озере прорубь сделал, лег ничком пить воду. Снова бородатый мужчина оттуда выглянул. Снова он говорит: "Это озеро, оказывается, тоже с чертями!" Затем он пошел к Оби своей. На середине Оби сделал прорубь, лег к ней ничком, снова бородатый мужчина выглянул. Из Оби напился воды, затем пошел домой. Вошел в дом, сел на лавку: молчит, молчит (букв. нет рта, нет языка). Мать его спрашивает, всё молчит. Мать молвила: "Если ты молчишь, в будущем окажешься в беде: пусть не сможешь ни вниз ни вверх попасть!" Отец молвил: "Ты молчишь; о нас ты дурно думаешь?" Лишь теперь молвил сын: "До такой степени выросла моя борода, вы за это время не узнали край, где много женщин?" Отец говорит: "Я не выхожу на улицу, где на земле много женщин, я не знаю; ты сам человек, объезжающий землю, объезжающий воду, ты сам ищи край, где много женщин."

7. Тāрыг-пёсь-нималя-сов закутал голову с глазами и лег спать. Назавтра встал, отец говорит: "Иди к углу обвалившейся конюшни, поройся. Повезет – так твое счастье, не повезет – твоя неудача." Сын вышел и пошел к углу обвалившейся конюшни. Он начал рыться в навозе, вдруг показался кончик узды. Он взял кончик той узды, вытаскивает её: такой конь оказался там, вот-вот подохнет, его туда-сюда качает. Он коня щелкнул ногтем между глаз, вздохнул тот, в это время из одной его ноздри искры посыпались, из другой ноздри дым пошел. Стал он трехлетним конем. Вскочил Тāрыг-пёсь-нималя-сов на коня, и понесло его. Смешало его с идущими облаками, с бегущими облаками.

8. Таким образом, несясь на коне, Тāрыг-пёсь-нималя-сов выехал к Оби. По берегу Оби двигался он по высокому обрыву. Стоят там три осины. Один лист у них выглядит золотым и все кружится, глазом не уловить. Думает Тāрыг-пёсь-нималя-сов: "Каковы мои руки, запустил бы я стрелу!" Свою игольчатую тонкую стрелу запустил, листок пронзило в самую сердцевину. После того, как запустил стрелу, захотел спать. Заснул, видит сон, где-то женщина ругается: "Дети все балуются; объезжают землю, объезжают воды, постельную шкуру насквозь прострелили." Проснулся он на спине коня, оказывается, спал у порога дома. Спустился с коня, заходит в дом. И вот женщина говорит: "Ну! Тāрыг-пёсь-нималя-сов, теперь лишь ты пришел?! Слишком долго ты спал, Бог для тебя женщину спускал, ту женщину украл Парпарсех."

марлэгт; ма ялэгт, вит ялэгт, Элмхблас хуйнэ төвле тара пәхтаве." Луве сыс тармыл нѳа сәйкаламѳт кол ави сунтта хуйи. Ёла ты вәглы, ань колѳн юв ты сялты. Аньмань эква, ләви: "Эйя! Тарыг-пѳсь-нималә-сов, усь та ѳхтысын?! Улмын хосаг та хуяслын, Тѳрумна нѳл таратавѳсн, Парепарсехна ань нѳн тулмантавѳс." Тарыг-пѳсь-нималә-сов ләви: "Тав кәсѳ, вос тулмантытѳ! Нѳңың мат хѳтпа хунь ѳлы? Нѳтәл ѳлуңкве ѳс ѳмас." Ақве эқван тыттувѳс, айтвѳс; элалъ ѳс ты минуңкве патс. Ақве эқван тит элмип касеил мәйвѳс, тѳр хѳртхан совыл мәйвѳс, тѳр сѳвыр совыл мәйвѳс, кѳр нѳлың мәтаприсъ совыл мәйвѳс, мәнъ тѳр сорт совыл мәйвѳс. "Апыгкве! – ләви, – та минѳгн, ювле ѳхтынѳн порат ты пормасанум тара ул тотѳн! Анумн эрѳгт. Мат ярумна, мунъсюмна патѳгн: анум сака ул кәстѳлн, ләсялакв номылматѳлн! Ты минѳгн, ѳлалъ сунсѳгн, сәт нуйкол лѳбли; акваг ѳс, пурьсь войкан уй хурип. Ань нуйколыт палт ѳл-таратѳгн, нуйколытныл сампал мәхум кона нѳглѳгыт, аква пал сампаланл пәлыг показымат, аква сампаланыл пустыт. Наң тот титапѳн: "Хѳңха ѳсыт, пурсит урегьн?" Тан ләвѳгт: "Парепарсех ѳсыт, пурсит урѳв. Наң тах ләвен: "Нән тох ул ләвѳн! Нән тох ләвѳн: "Тарыг-пѳсь-нималә-сов ѳсыт, пурсит урѳв! Юил нәиң хѳн юв. Аньмань Парепарсех ѳсыт, пурсит урнә ләвегына те, нәйн пѳламлиавѳн. Тарыг-пѳсь-нималә-сов ѳсыт, пурсит урнә те ләвегын: ѳмасна патѳгың." Тувл самананл хот-пусмалтѳн, лылы эпынтыл пувласѳн, тит самыңыг вос ѳмтѳгыт. Тувл ѳс та минѳгн элалъ. Сәт нуйколын ѳс ѳхтѳгың. Акваг мис войкан уй хурип. Ос ѳлтәратѳгн, тув патѳгың, кәтпал мир кон нѳглѳгт. Титапиян: "Хѳңха мист урегьн? Тан ләвѳгт: "Мән Парепарсех мист урѳв." Наң тах ләгалн: "Нән тох ул ләвен! Нән тох ләвѳн: "Тарыг-пѳсь-нималә-сов митыт урѳв! Тох ат те ләвегың, юйыл нәйың хѳн юв, пѳламлиавѳн." Тувл кәтанл лылыѳпыл пувласѳң, хот вос пусмѳгыт. Тувл ѳс та минѳгн, аква мәт ѳс сәт нуйкол лѳбли. Аква мус тѳлтәл лувт. Тувл ѳл ты таратѳгн, ѳла патѳгн, ләгылпал мир нуйколныл кона вәңкѳгт. Наң тананыл титапѳн: "Хѳңха лувьт урегьн?" Тан тах ләвѳгыт: "Мән Парепарсех лувт урѳв." Наң тах ләвен: "Тох ул ләвѳн! Нән ләвен: "Тарыг-пѳсь-нималә-сов лувьт урѳв; атиңке юйыл нәй хѳн юв, пѳламлиавѳн, нән әтим, лувт

Тāрыг-пёсь-нималя-сов говорит: "Что поделаешь, пусть крадет! Не всем же быть женатым. Без женщины тоже хорошо." Его бабушка¹ эта накормила, напоила, снова он отправляется в путь. Бабушка дала ему ножницы, дала шкуру железного коршуна, железного зайца, железной длинноносой мышки, кожу маленькой железной шуки. "Внучек², — говорит она, — отправляйся в путь, на обратном пути эти мои вещи ты не провези мимо! Они мне нужны. Если окажешься в беде, нужде, меня помяни остороженько, мысленно вспомни! Вот едешь, смотришь вперед, семь суконных домов (шатров) стоят; вокруг козы, свины в большом количестве, как черви кишат. К тем суконным домам ты спустишься, из суконных домов выйдут одноглазые люди, один глаз у них выколот, один глаз цел. Ты их спроси: "Чьих вы коз, свиной сторожите?" Они скажут: "Парапарсеха коз, свиной мы пасем." Ты тогда скажи: "Вы так не говорите! Вы так скажите: "Мы пасем коз, свиной Тāрыг-пёсь-нималя-сова!" Сзади идет огненный царь. Если вы скажете, что пасете коз, свиной Парапарсеха, то вы все сгорите. Если вы скажете, что пасете коз, свиной Тāрыг-пёсь-нималя-сова, то вам будет добро." Затем их глаза ты вылечи, вдохни в них, пусть они станут двухглазыми. Затем снова двинешься в путь. Снова дойдешь до семи суконных домов. Там множество коров, как черви кишат. Снова ты спустишься вниз, туда попадешь, там однорукие люди выйдут на улицу. Ты их спросишь: "Чьих коров вы пасете?" Они скажут: "Мы пасем коров Парапарсеха. Ты тогда скажи: "Вы так не говорите! Вы скажите так: "Мы пасем коров Тāрыг-пёсь-нималя-сова! Если вы так не скажете, сзади идёт огненный царь, сгорите." Затем ты на их руки дунь воздух, пусть они выздоровеют. Затем ты снова отправишься в путь; в одном месте снова семь суконных домов стоят. Вокруг одни сплошные лошади. Ты спустишься туда, окажешься на земле, одноногие люди из суконных домов выползут на улицу. Ты их спроси: "Чьих лошадей вы пасёте?" Они скажут: "Мы пасем коней Парапарсеха." Ты же скажи: "Так не говорите! Вы скажите: "Тāрыг-пёсь-нималя-сов коней пасём; а то сгорите — сзади огненный царь идёт; вас не будет и коней не будет,

1 Всякую пожилую или просто старшую по возрасту женщину манси именуют бабушкой.

2 Всякого моложе себя человека пожилые манси называют "внуком", "внучкой"

а́тим, пуссын тэвѐн." Наң нопылын ёмас те блэгыт, ла́гланл
лылыэпыл пувласѐн, пусмалтѐн! Ань ты, мѐнэн!"

9. Ань Тарыг-пѐсь-нималѐ-сов лувѐ сысн ты талс. Сат урпа
хѐмсит ты вистѐ; миннѐ тул, хайтнѐ тул халн ѓс ты
тэлыгтавѐс. Акв ма́т ёлалѐ кос сунсы: сат нуйкол лѐбли, акваг
ѓс, пурсь, войкануй хурип. Ань лувѐ ёла ты таратас. Мир
кона нэ́глыст, аквмус сампалт. Титапиянѐ: "Хѓ́ҥха ѓсыт,
пурсит урегын?" – Парапарсех ѓсыт, пурсит урѐв." – "А́тим
тох ул лавѐн! На́н лавѐн: Тарыг-пѐсь-нималѐ-сов ѓсыт,
пурсит урѐв; аньманѐ тох те лавегын: Парапарсех ѓст, пурсит,
на́й хѓн юил ёхты, пусын тэвѐн!" Пуңк пинэ́гыт, ла́гланьлн
хутэ́гыт. "Хотум ул лавѐв: Тарыг-пѐсь-нималѐ-сов ѓсыт,
пурсит урѐв!" Тав лылы э́пѐтыл пувласасанѐ, пуссын самыңыг
ёмтсыт. Лувѐ нѐвумтас, миннѐ тул, хайтнѐ тул халын ѓс ты
тэлыгтавѐс. Тох минымат акв ма́т ёлалѐ сунсы: сат нуйкол
лѐбли, ятыл мисыт, акваг войкануй хурипат. Лувѐ ёл ты
таратас. Ёл ты патс. Ань кол мир кона квалэ́гт, аквмус
ка́тпалт. Титапиянѐ: "Хѓ́ҥха мист урегын?" – "Парапарсех
ист урѐв." – "Тох ул лавѐн! На́н лавѐн: "Тарыг-пѐсь-ни-
малѐ-сов мист урѐв; юил на́й хѓн юв, на́йн пѐламлавѐн." Лылы
эпыл пувласасанѐ, ка́танл пусыг ёмтсыт. Тав ла́глѐн ты
хуэ́гыт: "Ка́тыңыг ёмтсув, хотум ул лавѐв: "Тарыг-пѐсь-ни-
малѐ-сов мисыт урѐв!" Тувл улт лувѐ сысн талыс, ос та ла-
паяптувѐс. Акв ма́т ёлалѐ сунсы: лув акваг войкануй хурип,
сат нуйкол люлѐгт. Лувѐ ѓс ёла таратс, колытныл ла́глпал
мир кона ва́ңкѐгт. Титапиянѐ: "Хѓ́ҥха лувт урегын? –
"Парапарсех лувт урѐв." – "Тох ул лавѐн! На́н лавѐн: "Тарыг-
пѐсь-нималѐ-сов лувт урѐв; тох те лавегын, ёмас накна пат-
тавѐн!" – "Хотум ул лавѐв!" – лавѐгт. Тарыг-пѐсь-нималѐ-сов
ла́гланл лылы э́пыл пувласасанѐ, пуссын ла́глыңыг ёмтсыт.
Ань лувѐ ѓс ёлалѐ нѐвумтас; миннѐ тул, хайтнѐ тул халѐн
ѓс та тэлыглас.

10. Тох миныматѐ аквматѐрт э́лалѐ сунсы: сат товлуп тѐр
лув тармыл ус унлы. Ань лувѐ та ус а́ви сунтын тув ты таратс.
Ёла порыгмас, лувѐ тув нѐгумтас, юв ты сялтыс. Ань Тѓрум
тавѐн тарата́лым ман тѐлум на́й а́ги, ман тѐлум ѓтыр а́ги

все сгорите." Если они с тобой добры, то ты дунь на их ноги и исцели их! А теперь ты иди!"

9. Этот Тарыг-песь-нималя-сов сел на своего коня. Взял он свой семигранный кнут; снова его смешало с идущими облаками, с бегущими облаками. В одном месте смотрит вниз: стоит семь суконных домов, вокруг много коз, свиней, словно кишат черви. Его конь опустился на землю. Люди вышли на улицу, все они одноглазые. Он спросил их: "Чьих коз, свиней вы пасёте!" – "Мы пасем коз, свиней Парапарсеха." – "Нет, так не говорите! Вы скажите: "Тарыг-песь-нималя-сова коз, свиней пасем; если вы так не скажете – сзади огненный царь идет, все сгорите!" Они низко кланяются, к ногам кланяются. "Конечно, мы скажем: пасем коз, свиней Тарыг-песь-нималя-сова!" Он дунул на них воздух, глаза у всех поправились (букв. глазастыми стали). Коня своего он тронул, снова его смешало с идущими облаками, с бегущими облаками. Так, двигаясь вперед, смотрит вниз: стоят семь суконных домов, много коров, словно черви кишат. Его конь спустился вниз. Достиг земли. И из тех домов люди вышли на улицу, все они однорукие. Спросил у них: "Чьих коров вы пасете!" "Парапарсеха коров мы пасем." – "Так не говорите! Вы скажите: "Мы пасем коров Тарыг-песь-нималя-сова; сзади идет огненный царь, все сгорите." Дунул он на них воздух, все руки у них стали здоровыми. Они все ложатся к его ногам: "Мы здороворукими (букв. ручными) стали, конечно, скажем так: "Мы пасем коров Тарыг-песь-нималя-сова!" После этого он сел на своего коня, и понесло его. В одном месте смотрит вниз: коней множество, словно черви кишат, семь суконных домов стоят. Его конь снова спустился вниз, из домов одноногие люди выползают. Спросил он их: "Чьих коней вы пасете?" – "Парапарсеха коней мы пасем." – "Так не говорите! Вы скажите: "Мы пасем коней Тарыг-песь-нималя-сова; если вы так скажете, вам придет добро!" – "Конечно, мы скажем!" – они говорят. Тарыг-песь-нималя-сов дунул на их ноги воздух, все они с ногами стали. Его конь снова двинулся дальше; снова его смешало с идущими облаками, с бегущими облаками.

10. Так он едет, однажды смотрит вниз: на семикрылом железном коне город стоит. Его конь опустился к воротам того города. Он соскочил с коня, привязал его, вошел во двор, в дом. В доме находится та прекрасная героиня (букв. дочь героини), та прекрасная дочь богатыря, что спускал для него Бог. Та девушка молвила: "Ну, Тарыг-песь-нималя-сов! Ты

блы кол тивырт. Ань аҕи лави: "Эйя, Тарыг-песь-нималы-сов!
Ань улмын хосаг та хуямын; наң нэн ам кос олсум. Ань
Парапарсех тав нэтэг та олэгм." Тарыг-песь-нималы-сов лави:
"Ам наңынтыл маныр вәрэгум: наң коньпалн емас нэ ос блы."
Ань нэ хот эссамавес. Тарыг-песь-нималы-сов лави: "Тынэ!
Анумн тэнэ матыр тотэн, сымум этгалаве!" – "Ам коньпалум
емас нэн, ам коньпалум хорамың нэн тэнутыл вос тотавен!"
– "Я-а! Анум тэнутыл тотэлн, сымум этгалаве." – "Ам ман
тэнут оньсегм, ам коньпалум емас нэн вос тотавен!" – "Я!
Парапарсех маныр мутра оньси?" – Нэтэ лави: "Ам коньпалм
мутраң нэн вос лави; ам мутра ат оньсегм." – "Я лавен,
молях лавен!" Тувл нэтэн тэнутыл ты тотвес. "Я! – лави
– лавелн, маныр мутра оньси?" – "Я маныр оньси? Нэматыр
мутра ат оньси; таях, – лави, – сат тальхуп наңк тармыл
хулах хурил та исы, хоталь олнэ ус, хоталь олнэ ере аквмус
сунсыглытэ; аньмань наң хонтавен те, роңхима вөрна та ты-
ламлы". Тэс, астыс, кона квалыс, лувэ нэтэн хот-туйтвес;
тав ань наңк тытн минас, ёла рамхатс, акв саме түп нонхаль
сунсуңкве нэглис.

11. Тох хуиматэ алы нёр бвылныл хулах та ронхувламе
суйты. Сунсытэ: аньмань хулах бйка та юв; нярум халэ
торумна сартлытэ, такем люлитт та юв. Йис, йис, ань сат
тальхуп наңкйив талхын тув та исыс. Хота олнэ ус ер акваг
сунсыглытэ, тыгл ронхима эла та тыламлас. Тарыг-песь-ни-
малы-сов ты хонтвес. Тав ань квалапас, тер хортхан совен
сялтапас, ань хулах юил та нюссылтавес. Та нявлувес,
нявлувес: ты ватимтастэ, тувл хотталь устыгпастэ. Ёлалы сун-
сы: совр хурил тот сулыньты. Тав тер совр совен сялтапас,
ос та нявлытэ. Ватимтастэ, ёхтуңкве патыстэ, ос хот-
устытастэ. Ёлалы аңкыватас: нёлың матапрись топ асэ люли.
Тав ос ань тер нёлың матапрись совен сялтапас, ань ос аква
лэх хосыт юил нявлытэ. Ос ты ёхтуңкве емтыстэ, мань сорт
хурил сярсыңа та сялтысь. Тав ос тер сорт совен сялтапас,
сярсы витын та хумитэ лэх хосыт нас воськасахтыглас. Ёх-
туңкве ты емтыстэ, ань сорт хурил хумит сярсы яңк тара
нонха лаквылтас; тав тосам ма тармыл тот ты пувыстэ;
сэйсам, хиссам сагростэ, найын палтыстэ; нонхаль миннэ

слишком долго спал; я была твоя суженая. Теперь же я жена Парапарсеха." Тарыг-пёсь-нималёв-сов ответил: "Ты зачем мне нужна: кроме тебя, хороших девушек (женщин) много." Той девушке стало неловко. Тарыг-пёсь-нималёв-сов обратился к ней: "Подруга! Мне принеси какую-нибудь еду, я есть хочу!" – "Пусть тебе принесет еду та девушка, что лучше меня, краше меня!" – "Все же принеси мне еду, я есть хочу!" – "У меня нет никакой еды, пусть принесет тебе еду та девушка, что лучше меня, краше меня!" – "Ну! Какие хитрости имеет Парапарсех?" Та девушка ответила: "Пусть об этом скажет та девушка, что лучше меня, краше меня; у меня нет мудрости." – "Скажи же, скорее!" После этого девушка ему принесла еду. "Скажи, – говорит он, – какие хитрости имеет Парапарсех?" – "Какие он имеет? Никаких он не имеет; вскоре, – она говорит, – он садится на вершину лиственницы с семью ответвлениями-вершинами, сядет он в образе ворона, будет зорко озирать все окрестности города; если он тебя обнаружит, с криком улетит в лес." Поел он, закончил, вышел на улицу, его коня спрятали эта девушка; он же отправился к комелю той лиственницы, зарылся в землю, только один его глаз виднеется, чтобы наверх смотреть.

11. Так, полеживая; услышал, на южном конце горы крикнул ворон. Смотрит он: летит, оказывается, тот ворон; крыльями-лопатами своими он трет небо, так высоко он летит. Летел, летел и сел на вершину лиственницы с семью вершинами. Все окрестности города озирает и тут с криком бросился наутек. Он обнаружил Тарыг-пёсь-нималёв-сова. Этот соскочил надел шкуру железного коршуна, и погнался за тем вороном. Догонял, догонял: вот-вот догонит он его и вдруг из виду потерял. Смотрит вниз: бежит тот в образе зайца. Этот надел железную шкуру зайца и начал догонять того. Вот-вот догонит, приблизился, опять потерял из виду. Взглянул вперед: виднеется лишь отверстие норки узконосого мышонка. Он теперь надел железную шкурку узконосого мышонка и бросился вслед за тем. Вот-вот догонит его, теперь тот в образе маленькой щучки бросился в море. Он тоже надел шкурку щуки, но железную, и бросился за тем человеком. Вот-вот догонит, тот человек в образе щуки проломил лед и выскочил наверх; он его там и поймал на сухом месте; раздробил он того в мелкий песок, в мелкую пыль, бросил все в огонь; угли, летящие вверх, он сбивает вниз, угли, летящие вниз, он сбивает вверх. Так колотя, заметил того Парапарсеха-сойку, он лежит расколотый на две половинки. Их

лотхе ёлалъ рāтытэ, ёлалъ миннэ лотхе нōнхаль рāтытэ. Тох рāтыматэ анъ Парпарсех – сёвнахнэ тит пālэ туп хуйи. Ос нāлув пālтыстэ, нāй халныл тёр сōвыр хурил элалъ сūлыньты. Юнтупсам нāлыл лыстэ, тит охсаг хуёг. Ос нāйна пālтыстэ, нāй лотхе харыгланэ мос та кос сунсы, та кос сунсы, минам хиле āтим. Нэтэ тұлмантам хумит тот ты аластэ.

12. Анъ нāвлымат акв накёт товлыл мйнас, матыр сāmна ёхтыс, ат вāгтэ. Акв накт сōвр хурил, акв накт мātāпрись хурил, акв накт мāнь сорт хурил мйнас; хоты сāmна ёхтыс, аквмус ат вāгтэ. Сома хōлуңкве ты номысы, лйōньсим тот ты ёмыгы. Аквмат эрт сысэт хōтпа ляги (лāви): "Тэхам! Нāн мāныр вāрөгн? Астэн, ам ты марсюмавёсум!" Тувле āнкваты, луве тыт лйōли. "Тālэн, – лāви, – ам сысумна!" Луве сысна та тāлыс. Элалъ ты нёвумтас; миннэ тул, хāйтнэ тул халэн тэлыгтавес.

13. Тох миныматэ аквмат эрт матыр элын ты курыгтанэ суйты. Луве ёл ты лйōлис. Тāрыг-пёсь-нималъ-сов нупыл лāви: "Вāглын, элын мāныр курыгтаве?" – "Ам хотыл вāглум?! Мāтыр курыгтаве?! – "Анъ ялпың сякв ты; Тōрум нāй акв пālэ тōрумт нумын тэг, акв пālэ тōрум тит сāмт тэг, мāгыг тōрмыг лап ты тэвёг. Ман урыл минымён ты нāй тāра?!" – Тāрыг-пёсь-нималъ-сов лāви: "Ам ос хотыл вāглум?!" Лув лāви: "Ам нёлсам асумна сялтсэн, вāt āрсын войкан тōр вуен, вāt āрсын сясқан тōр вуен!" Лув нёлсам асна сялтыс, аньманъ нёлсам ас тйвырт лāпка олы. Вāt āрсын войкан тōр вис, вāt āрсын сясқан вис, лāпканыл кона квāлс, луве лāглэ кātэ лап-пёрыгтасанэ, такви ос тув-пёрыгтахтас. Анъ лув та нёвумтаме суйты. Хосы мйнас, ман вāти мйнас, акв эрт лув ёл ты лйōлис. "Квāлэн!" – лāви. Пёрыгтāлм тōранэн сяраныл туп ёл-рāгматаст; анъ нāй тāра минымён сыс ты тāйвёст.

14. Луве тāрмыл элалъ та мйны. Элын ос ты матыр кур-гынэтэ суйты. Лув лāви: "Мāныр курыгтаве, вāглын?" – "Ам хотыл вāглум?!" – "Элалъ сунсэн сар, тав мāныр вāраве!" Элалъ сунсы: вāt хāрка акван сагхатыглэгыт, тувл лāкква минэгт; тōрум сām аквмус лапайлаве, нэматыр писил ми-

снова в огонь бросил, но тот из огня выскочил в образе железного зайца и побежал наутек. Этот запустил вслед тонкую игольчатую стрелу – того разорвало на две половины. Эти куски снова бросил в огонь, смотрит на кострище до самого его затухания, вроде бы он не выскочил из огня. Человека, который крал его девушку, он там и убил (уничтожил).

12. Гоняясь за тем человеком, он однажды летел, в каком краю оказался, не знает. Однажды он бежал в образе зайца, мышки, плыл в образе маленькой щуки; в каком краю оказался, совсем не знает. Дошел до того, что вот умрет, со слезами туда-сюда ходит. И вдруг за его спиной кто-то молвил: "Друг! Ты что делаешь? Собирайся, я соскучился!" Он взглянул в ту сторону, стоит его конь. "Садись, – говорит, – на мою спину!" Сел он на коня. Двинулся вперед; смешался с идущими облаками, с бегущими облаками.

13. Так, мчась вперед, он вдали услышал грохот. Конь его остановился. И говорит Тāрыг-пёсь-нималя-сову: "Ты знаешь, что там вдали грохочет?" – "Откуда я знаю?! Что же грохочет?" – "Это шумит огненная священная вода; всемирного огня одна половина на небе полыхает, другая половина в разных концах полыхает, и земля и небо – все горит. Как мы пройдем сквозь этот огонь?!" Конь говорит: "Ты залезай в мои ноздри, возьми тридцать аршин белой ткани, тридцать аршин ситца возьми!" Залез он в ноздри коня, оказывается, в ноздрах лавка имеется. Взял он тридцать аршин белой ткани, тридцать аршин ситца, вышел из лавки, передние и задние ноги коня обмотал, сам тоже обмотался (тканью). Слышит, конь двинулся с места. Долго ли мчался, коротко ли мчался, однажды он остановился. "Вылезай!" молвил конь. Тут ткани, которыми они окутывались, пеплом упали с них; когда они двигались сквозь огонь, тогда те и сгорели.

14. На своем коне двигается дальше, вдали снова что-то грохочет. Конь говорит: "Что там грохочет, знаешь?!" – "Погляди-ка вперед: тридцать осин то сближаются, то расходятся; вместе с ними край неба приподнимается, сквозь них никаким образом не пройдешь. Конь говорит: "Ты ни о чем постороннем не подумай!" Двинулись вперед. Тāрыг-пёсь-нималя-сов подумал: что опасного от этих осин. Пошли к осинам, осины раздвинулись. Задело Тāрыг-пёсь-нималя-сова, он упал с коня, куда делся конь, он не ведает, где он сам оказался, тоже не знает. Очнулся, оказывается, за подбородок его зацепила осина. Туда-сюда его болтает, не может он достать ни земли, ни наверх подняться. "Ну! – молвил он, – прежде ведь мать

нуңкве ат пасапаве. Лувe лāви: "Тыг ул номылматэн, тув ул номылматэн!" Элалъ та нѣвматс. Тāрыг-пѣсь-нималѣ-сов номылматы: ты хāпкат ман пилысьма днѣсѣгт. Хāпкат торыг мѣнас, хāпкат лāкква хосувмахтаст. Тāрыг-пѣсь-нималѣ-сов хдйвес, лувe сысныл ѣла рагатаc, лувe хотталь мѣнас, ат вāгтэ, такви хотталь мѣнас, ат вāгтэ. Ндх сайкаламѣт хāпка товна эҗнаспиныл тагматам, тыгле-тувле тот ты хосгаве, ѣл ат ѣхты, ндҗха ат ѣхты. "Эҗя! – лави, – сянюм мблал тдна та лāвыс: хуньта матыр накна патѣгн, ѣл ул ѣхтэн, ндҗха ул ѣхтэн; ань сунсэн: ѣлалъ ат ѣхтѣгм, ндҗха ат ѣхтѣгм. Ақвум эква мблал ты лāви: "Мат ярумн, муньсюмн патѣгн, анум кāстѣлн; тав тыт хдт лбди, ам тыт ты хдлѣгм!" Тдн друмт матыр ты мирыгтаве. Тувле аҗкваты: хурум товлуп лув сыс тармыл ань ақве эква ты юв." Хумле ѣмтсын, апыгкве?! Анум манарыг илттыг кāстыслын; сҗй айим унлысум, сҗйаныт акваг тāврийыг сакваласыт; мāныр ярумн, муньсюмн патсын?" – "Ақвум эква! Уснэ мām ты, ѣла ат ѣхтѣгм, ндҗха ат ѣхтѣгм; матыр сāmна лувум тотвес, ат вāглум." Ақве эқван вāt хāпка консыгтавѣст, супыг сāгмтавѣст; лāви: "Элмхдлас йисыҗ тдрм, элмхдлас нотыҗ тдрм унтхаты, мана элмхдлас нāн тāран пасапи!" Тāрыг-пѣсь-нималѣ-сов кос аҗкваты: ақве эква атим. Такви мāн патс, тот та лбди. Лувe атим, матыр атим. "Сдрникве, – лāви, – лувум хоталь тотвес, тыт ты хдлѣгум." Тдн друмт лувe тав сысѣт лҗгалас: "Астэн! Ам ты марсюмавѣсум, тālэн сысумна!" Сҗгтым лувe сысн та тāлыс. "Сāt урп хомсин воѣлн, – лāви лувe, – юныгтѣлн анум!" Сāt урп хдмситэ вистэ, лувe ақвсѣс юныгтастэ, ндҗха та лапаяптувес. Миннэ тул, хāйтнэ тул халын дс та тѣлыгтавес.

15. Тох миныматэ элын матыр дс ты курыгтанэ суйты. Лувe ѣл ты лбдис, лāви: "Мāныр курыгтаве элын, вāглын?" Тāрыг-пѣсь-нималѣ-сов лāви: "Ам хотыл вāглум?" – "Ат те вāглын, сāt-сҗе-нҗре-ултта-хуйнэ-дйка торвиньты; блум пāсмѣн тый, вассыг миңуңкве ат пасапимѣн, ты алавѣмѣн; мблал ақвын эқван матарыл ат майвѣсын?" Тāрыг-пѣсь-нималѣ-сов лāви: "Ам манарыл майвѣсум?" Лувe лāви: "Титѣлмип касаил ат майвѣсын?" – "Сдль! номысы, гитѣлмип касаил майвѣсум." Лувѣ лāви: "Минэн, нѣлыҗ

говорила: когда-нибудь случится беда, ты не попадешь ни вниз, ни вверх. Бабушка прежде говорила: "Окажешься в беде, окажешься в горе, вспомни меня; откуда она сюда попадет, я тут и умру!" В этот миг что-то начало греметь. Он взглянул в ту сторону: его бабушка мчится на трехкрылом коне. "Что с тобой случилось, внучек?! Почему ты меня вспомнил неожиданно; я сидела, пила чай, все чашки чайные вдребезги разбились; какое горе, какая беда постигла тебя?" – "Бабушка! Я тут и умру, не могу ни вниз, ни наверх; куда дели моего коня, не знаю." Его бабушка схватила тридцать осин и переломала все; сказала: "Начнется долгая человеческая жизнь, вечная человеческая жизнь, мимо вас ни один человек не пройдет!" Тāрыг-пёсь-нималя-сов только хотел взглянуть на свою бабушку, её след простыл. Он оказался на земле, там стоит. Коня его нет, никого нет. "Боже мой, – говорит, – куда дели моего коня, я тут так и умру." В этот миг за его спиной конь молвил: "Собирайся! Я соскучился, садись на мою спину!" Обрадовавшись, он сел на коня. "Возьми семигранный свой кнут, – говорит ему конь, – ударь меня!" Он взял свой семигранный кнут, один раз ударил своего коня, и его понесло. Смешался он с идущими облаками, с бегущими облаками.

15. Так мчась, он снова услышал громохание. Конь его остановился, говорит: "Что там грохочет, знаешь?" Тāрыг-пёсь-нималя-сов говорит: "Откуда я знаю?" – "Если ты не знаешь, то знай, Сāt-сүе-нйре-ултта-хуйнэ ййка (букв. мужчина, лежащий поперек семи боров, семи болот - нйр) храпит; нам теперь конец, нам не проехать, он убьет нас; прежде бабушка тебе ничего не дала?" Тāрыг-пёсь-нималя-сов говорит: "Что мне она дала?" Конь говорит: "Она тебе не дала ножницы?" – "Правда! – вспомнил он, – она дала мне ножницы." Конь его говорит: "Иди, надень шкуру длинноносого мышонка, носовые хрящи, ушные хрящи его (великана) обрежь; если тебе суждено быть человеком песни, человеком сказки, одолеешь его; если же нет – тут убьют тебя." Тāрыг-пёсь-нималя-сов залез в шкуру длинноносого мышонка, пошел в образе длинноносого мышонка к (великану) Сāt-сүе-нйре-ултта-хуйне-ойкё. А конь его остался. Тот мужчина выдохнет – его несет прочь, вдохнет – его чуть не втянет в нос; он упрется всеми силами, с трудом удерживается. Быстро он достал ножницы, хрящи носа, уши того мужчины отрезал, и положил в карман. Конь молвил: "Иди скорее, садись!" Он побежал к коню, сел быстро на него. Конь его

мāтāпрись совна сятэн, нёл нярге, паль нярге яктэлн; наң эрыг тотуңквё те лāvвёсн, мōйт тотуңквё те лāvвёсн: та вёритэгн, ат те лāvвёсн, тыт алавен." Тāрыг-пёсь-нималя-сов нёлың мāтāпрись совн сялтыс, Сāt-сүе-няре-ултта-хуйнэ ойка палт нёлың мāтапрись хурил мйнас. Лувe тот та хулытыс. Ань ойка лылы кональ тāраты, тав сысы хотталы та алмаве; лылы ювле харты-нёлссам ас кйвырна ты тўлаве; лялыт вёртхаты, ворил вёриты. Тит элмип касае лэгматс, ань ойка нёл нярге, паль нярге хот-яктапасаге, сёпн пинсаге. Лувe лāви: "Молях йиен, тālэн!" Лувe нупыл хайтыс, сьсэн та талматс. Лувe нōнхаль нёвумтас. Сāt-сүе-няре-ултта-хуйнэ ойкан кос нйавлыгтавес, лувe нōнха та лапаяс, ат та ёхтувес. Сāt-сүе-няре-ултта-хуйнэ ойка лāви: "Эйя, Тāрыг-пёсь-нималя-сов! Тōрум хонал акв хумитэн патнэг, акв нэтэн патнэг наң та блэгн; ам та хбласум." Тāрыг-пёсь-нималя-сов тувле лялыт лāви: "Хонал элмхблас йисың тōрум, нотың тōрум унтхаты, наң ётын мана элмхблас вёриты, тōна ты аласлум" Лувe элалы та нёвумтас; миннэ тул, хайтнэ тул хална тэлыгтāлвес.

[Мōйт мāk ялпың мātэ тыт ты блы; Экват кона квалэгт, пасан тармыл сягл олн пинаве.]

16. Тāрыг-пёсь-нималя-сов лувe тох миныматэ акв эрт ёла ты люли, лāви: "Нёлум сās курсипыл мāгёлн, кāтагум, лāглагум сās курсипыл мāгёгн, лэгумна сырайн тув пёрёлн!" Нёле, кāтаге, лāглаге сās курсипыл мāгсанэ, лэге сыраил пёрыстэ. Лувe лāви: "Ань тālэн ам сьсумна!" Лувe сьсн тāлыс, лувe нōнха лапаяс: миннэ тул, хайтнэ тул халн тэлыгласыг. Тох миныматэн акв эрт лувe ёла ты тāратс, ёла ты патс. Ёла патум мātэт колыг сўмяхыг унлэг. Лувe лāви: "Вāглэн ёла, мйнэн, Тирп-нёлп Эква āги нирумтэлн, сянэ ёла-ойылматвес!" Тувле кос ёмантас, лувe лāви: "Ул мйнэн, тыг йиен! Наң тах хотум мори ты номылматэгн, Эква ты сāйкалы, блум пāсмён тый; ам нёлссам асагумн сятэн, тот кāпак блы; та кāпакта хурум сярка аен!" Тāрыг-пёсь-нималя-сов лув нёлссам асн юв сялты, нёлсам аст аньмань кāпак; хурум сярка айыс, кона квāлс. Лувe лāви: "Ань мйнэн

полетел. Только хотел погнаться за ним Сāt-сӯе-нйре-ултта-хуйнэ бйка, конь уже полетел, он не догнал того. Сāt-сӯе-нйре-ултта-хуйнэ бйка сказал: "Ну, Тāрыг-пёсь-нималё-сов! В дальнейшем ты будешь жить вечно (букв. до последнего мужчины); я умираю." Тāрыг-пёсь-нималё-сов отвечает тому: "В будущем начнется вечная человеческая жизнь, долгая человеческая жизнь, с тобой никакой человек нё справится, поэтому я тебя и убил." Конь его двинулся дальше; смешало его с идущими облаками, с бегущими облаками.

Дальше начнется самая священная часть сказки; женщины выходят на улицу, на стол кладут серебряную монету.

16. Так мчась, конь Тāрыг-пёсь-нималё-сова однажды остановился и говорит: "Надень на мой нос берестяной рулон, на передние и задние ноги тоже надень берестяные рулоны, на мой хвост намотай свою саблю!" На нос коня надел берестяной рулон, на передние и задние ноги надел берестяные рулоны, на хвост намотал саблю. Конь говорит: "Теперь садись на мою спину!" Он сел на коня, конь взлетел: они смешались с идущими облаками, с бегущими облаками. Так мчась, однажды его конь спустился, оказался внизу. На месте остановки стоят дом и на ножках амбар. Конь молвил: "Спустишься вниз, иди и забери дочь Кирп-нёлп-экви, а мать же её спит!" Только он хотел туда направиться, конь говорит: "Не ходи, иди сюда! Ты что-то о дурном подумал, женщина (мать) проснулась, нам теперь конец; залезай в мои ноздри, там находится кабак, в этом кабаке выпей три рюмки!" Тāрыг-пёсь-нималё-сов залезает в ноздри коня, в ноздрях, оказывается, кабак; выпил он три рюмки, вышел оттуда. Конь говорит: "Теперь можешь идти, забери дочь Кирп-нёлп-экви!" Он вошел в дом, выдернул на улицу ту девушку. Конь говорит: "Садись скорее, вот нас настигают!" Только он успел сесть на коня, та женщина, Кирп-нёлп, вышла на улицу. Конь говорит: "Бросай жену, вот нас настигают!" Он бросил девушку, быстро сел на коня, понесся вперед. Кирп-нёлп-эква схватилась за нос коня. Конь взмахнул головой, тот рулон бересты слетел. Она схватилась за передние ноги коня; конь дернул передние ноги, рулоны бересты выскочили, затем она схватилась за задние ноги коня; конь вздыбился, в это время рулоны бересты упали с задних ног коня. После этого она схватилась за хвост коня: пальцы обеих рук ей саблей перерезало. Она стала гнаться за ними. Вот-вот она их поймает. Конь говорит: "Что у тебя в руках, вот нас поймают!" Тāрыг-пёсь-нималё-сов говорит: "У меня ничего нет в руках."

Тирп-нѣлп-ѣква аги нирумтѣлн!" Колна юв сялтс, ань аги кона нирумтастѣ. Луви лѣви: "Тѣлэн молях, ты ювемѣн!" Луве палт туп ѣхтс, ань Тирп-нѣлп-ѣква кона нѣглыс. Луве лѣви: "Нѣн хот-сѣлтумтѣлн, ты ювемѣн!" Аги хот-сѣлтумтастѣ, молях луве сысын тѣлыс, ѣлаль нѣвумтас. Тирп-нѣлп-ѣкван лув пуввес. Лув пуңке нѣвумтас ань сѣс курсип хот-лѣгматас. Лув кѣтын тув лаквыс; лув кѣтѣ нирумтас, ань сѣс курсипыг хот-лѣгматсыг, тувл лув лѣгылн лаквыс; лув нѣнхаль порыгмаме мус ань сѣс курсипыг ос та лѣгматсыг. Тувл лув лѣгн лаквс: тит кѣттѣгыл тулѣвланѣ ань сырайыл пусн супыг яктувѣст. Юил ты нѣвлуңкве патвесыг. Ты пувавѣг, та пувавѣг. Луве лѣви: "Кѣтыт наң мѣныр ѣнсьсѣгн, мѣн ты пувавѣмѣн!" Тарыг-пѣсь-нималѣ-сов лѣви: "Ам кѣтыт нѣматыр ат онсьсѣгум." Ань Тирп-нѣлп-ѣкван ты пувавѣг, та пувавѣг. Луве лѣви: "Наң манарн урѣгн; кѣтынт мѣныр ѣнсьсѣгн, ат вѣглын?" Кѣтѣн аңкваты: сѣт урп хѣмситѣ кѣтѣт лѣбли. Ань луве та юныгтастѣ; миннѣ тул, хѣйтнѣ тул халын та тѣлумтавес. Ань Тирп-нѣлп-ѣква лѣви: "Ѣйя, Тарыг-пѣсь-нималѣ-сов! Аги та тѣлмантаслын; ань Тѣрумна та войвѣсын, лылын та нѣглыс."

17. Ѣлаль та миначыг. Аквмат ѣрт Парпарсех усын та нѣглысыг. Луве ань ус ѣвин тув ѣла тѣратс, ѣла ты патс. Нѣтѣ иң кон нѣглыс, иң кѣтанѣн акван пувсыг. Нѣтѣн юв та тѣлвес. Юн нѣтѣ лѣви: "Ѣйя, ѣрыг хум, мѣйт хум! Сака сѣв сав тотсын!" Сѣрың тѣп, мѣгың тѣп пасан вѣрвес, тѣнкве патсыг. Аквмат ѣрт нѣтѣ лѣви: "Кона квѣлѣн сар, лувын кон вѣввесн!" Кона квѣлс, луве лѣглѣ нѣнх-ѣлмуме. "Йиен!" – лѣви, – ам лѣглум товын пѣлвес." Тув мѣны: аньмань Тирп-нѣлп-ѣква аги тув ханувям. Ань Тирп-нѣлп-ѣква аги ѣт ѣс юв сялтыс: тит нѣ хална унтыс, аниглахтаст, сыппыгхатаст. Тѣст ѣстыст; нѣгаге нуыл лѣви: "Ам ты хуѣгм; ам нѣнхаквѣлнѣм мос (анум) тунра сяхыл ѣкваг ѣйкаг ѣсягум сѣнягум палт ат те тотылыбн, ѣлм пѣсын ты, сыплуван ѣт осытыг. Саграпиягум: Ты ус мире-лѣтѣтыл, ѣсѣтыл, мисѣтыл, лувѣтыл аквмус амки мѣмна тотѣн!" Пуңке, самѣ мѣнигтас, ѣл та хуѣс. Аквѣрт хуиматѣ хунтлы, ѣква лѣвтнѣтѣ суйты: "Анѣ мѣнѣ мѣхум ѣлнѣ сиранд ты?! Тыгл ѣлаль ѣлнѣ хотпа: ѣкватѣ вос

Вот-вот поймают их Кирп-нёлп-эква. Конь говорит: "Ты чего ждешь, что у тебя на руках, разве не знаешь?" Он посмотрел на свои руки: у него в руках семигранный кнут торчит. Он хлестнул своего коня; его смешало с идущими облаками, с бегущими облаками. Эта Кирп-нёл-эква говорит: "Ну, Тарыг-пёсь-нималя-сов! Дочь мою ты так и не украл; тебя спас сам Бог, спас ты свою душу."

17. Они мчатся вперед. Однажды они вышли в город Пара-парсеха. Конь спустился к воротам города, оказались внизу. Жена его вышла на улицу, они взяли друг друга за руки, жена ввела его в дом. Жена в доме молвила: "Ну человек-песни, человек-сказки! Много мучений ты испытал!" Приготовили стол с золотой едой, с медовой едой, они стали есть. И вот жена говорит: "Выходи-ка на улицу, конь позвал тебя!" Вышел он на улицу, его конь, оказывается, поднял одну ногу. "Иди! -говорит (конь), - мою ногу занозило сучком." Он идет туда: оказывается дочь Кирп-нёлп-эквы прилипла (к ноге коня). Тут он вместе с дочерью Кирп-нёрп-эквы заходит в дом: сел между двух женщин, целовались, лобызались. Поели, закончили; своим женам он говорит: "Я ложусь спать; если вы меня не довезете до жены и мужа торфяного клочка (моих родителей), вам конец, ваши шеи толщиной с волосок. Перерублю их. Этот город с его людьми, с козами, коровами и лошадьми везите на мою родину!" Он окутал голову с глазами и лег спать. Однажды он сквозь сон слышит, женщина ругается: "Молодой народ вот как живет?! В будущем пусть жена возит, муж спит, каких моих двух детей мучают! Прежде я ему давала ножницы, шкуру железного коршуна давала, шкуру железного зайца давала, железного длинноносого мышонка шкуру давала, кожу маленькой шуки давала; этих моих вещей мимо меня он провозит!" А этот (далее) продолжает спать, не встает. Однажды сонного жена слегка задела: "Вставай, приехали на твою родину!" Он встал: оказывается, он вернулся к матери и отцу! Как схватили его мать и отец, он не чувял этого (так был счастлив), он тоже схватил мать и отца, и это не чувял. Они целовались, лобызались. Такой город возник: стоит он, разрезая (высоко) бегущие облака, (высоко) идущие облака. Возник серебряный дом, возник золотой дом, они начали здравствовать там.

18. Долго ли жил, коротко ли жил (наш герой) в городе на торфяном клочке; однажды Тарыг-пёсь-нималя-сов говорит своим двум женам: "Я снова отправлюсь искать край с женщинами, край с мужчинами." Мать говорит: "Ну! В бу-

мйны, бйкатэ вос хуйи, мана нйвраматѣгм саватавѣг! Ань мблал тит элмип касайыл майласлум, тѣр хбртхан совыл майласлум, Тѣр сбвыр совыл майласлум, тѣр нѣлың мѣтапрись совыл майласлум, мѣнь сорт совыл майласлум; тайианум тох ты тѣра тотыянѣ!" Тав эла та хуйи, нбѣха ат квѣлы, аквѣрт хуйиматэ экватэн сѣпсялтаве: "Квѣлэн нбѣха, юв ты ѣхтсув!"⁴ Нбѣха квѣлы: сѣняге ѣсяге палт ѣхтум! Сѣняге ѣсяге тав палтэ лаквме ат вѣс, тав бс сѣняге ѣсяге палт лаквме ат вѣс. Аниглахтаст, сыппыгхатаст. Тахурип ус та тѣлс: хѣйтнѣ тул сылыма унлы, миннѣ тул сылыма унлы. Олн кол унтхатас, сбрни кол унтхатас, эла сюнѣгт.

18. Гунра сяхл усыт хоса блыс, ман вѣти блыс; аквмат эрт Тѣрыг-пѣсь-нималѣ-сов нѣгаге нупыл лѣви: "Ам нѣ миннѣ нѣнѣ сѣм бс тинсѣгм, хум минам хумиң сѣм бс тинсѣгм." Сѣне лѣви: "Эйя! Хонал элмхблас йисың тѣрум, нотың тѣрум унтхаты: таквсы лѣнн, тѣя лѣнн акв тох тортѣл та тинсылн!" Аниглахтаст, сыппыгхатаст, кона квѣлс, луве сысн тѣлс, мйнас. Хоса мйнас, вѣти мйнас, акв эрт луве сѣрысь котильна ѣл ты тѣратас. Аньмань сѣрысь вит тѣра ѣлаль блн ѣви, сбрни ѣви. Луве тув та хулистѣ, такви ѣла та сѣлтыс, ѣла ѣхты, тот Вит хбн усѣ: олн ус, сбрни ус. Кол пѣхат мѣнь кол унлы; тув та сѣлтыс. Мѣнь колта вит сагпа сагѣ нѣ, вит вѣсьпа вѣсиң нѣ унлы. Аньмань Вит хбн ѣги; лѣви: "Эйя, Тѣрыг-пѣсь-нималѣ-сов, Тѣрмна тѣл ѣнумн та лѣввѣсн! Аныглавес, сыпгувес. Сбрың тѣпыл, мѣгѣ тѣпыл тытгувес. Нѣтѣ лѣви: "Мйнэн ягпыганум палт, яныг колна сѣлтэн; вѣритѣгын те, та вѣритѣгн; ат те вѣритѣгн, ат та веритѣгн." Квалс, та мйнас. Юв сѣлтыс: сѣт хум касырлѣгт. Тав нупылѣ ѣнkvатаст, ѣл ѣла ты патс, ворил ты вѣритс. "Эйя, Тѣрыг-пѣсь-нималѣ-сов, – лѣвѣгт, – мана тотн уйн тотвѣсн, мана ѣлмын уйн ѣлмувѣсн?" – "Блнѣ элмхблас акв мѣн хунь ѣхты!" – "Нѣй вѣпсыг, бтыр вѣпсыг блуңкве те таңхѣгн, пасан вѣтан тыг унтэн!" Пасанна унтыс; касырлаңкве, сѣкматлаңкве элаль та патсыт. Аквмус тав мѣсьтыр, сѣт хум коньпал тав хѣсы, тав мѣсьтыр. Акв эрт сѣт хумит нупыл лѣви: "Амти мѣңың хум, амти витың хум; мѣм, витум номтна ты патвѣсум, ты минѣгм." Минуңкве ты патыс, ань нѣтѣ сѣпитавес. Вит хбн

душем установится вечная человеческая жизнь, долгая человеческая жизнь: осенних белок, весенних белок так же усердно ищи, как женщин хочешь найти!" Целовались они, лобызались они, он вышел на улицу, сел на коня и поехал. Долго ли ехал, коротко ли ехал, однажды конь его спустился на середину моря. А там, оказывается, дверь, золотая дверь, ведущая на дно моря. Он там оставил своего коня, сам проник вниз, там город Водяного царя: серебряный город, золотой город. Рядом с домом маленький домик; вошел туда. В маленьком доме сидит с прекрасными водяными косами девушка, водяная красавица. Оказывается, это дочь Водяного царя, (она) молвила: "Ну, Тарыг-пёсь-нималя-сов, Богом, по-видимому, ты суженый мой!" Целовали его, лобызали его. Накормили его золотой едой, медовой едой. Жена говорит: "Иди ты к моим братьям, заходи в большой дом; если выдержишь – устоишь; если не выдержишь – не устоишь." Вышел он и пошел туда. Вошел в дом: семь человек играют в карты. Они взглянули на него, он чуть не упал (от одного их взгляда), еле устоял. "Ну, Тарыг-пёсь-нималя-сов, молвили они, – на каком звере ты приехал, на каком звере ты прилетел?" – "Живущий на земле человек в разных местах может оказаться!" – "Если ты желаешь быть нашим славным именитым зятем, садись к столу сюда!" Он сел к столу; начали дальше играть в карты, в шахматы. Среди них он самый умелый, среди семи мужчин он самый умелый, самый мастеровой. Однажды семи тем мужчинам говорит: "У меня есть своя земля, свои воды, я вспомнил мою землю, мои воды, поеду." Начал собираться, жену его собрали. Дочь Водяного царя говорит: "Какое приданое нужнее: коровы, лошади или рыбы?" Тарыг-пёсь-нималя-сов говорит: "Наверное, приданое-рыба нужнее; в будущем человеческая вечная жизнь установится, человеческая долгая жизнь установится, что же будет есть человек?!" Жена говорит: "Иди вперед, к твоему возвращению домой приеду и я." Этот Тарыг-пёсь-нималя-сов через дверь в воде вышел вверх к своему коню. Его конь, оказывается, совсем засох: высохло мясо его, высохли кости его. Тарыг-пёсь-нималя-сов дунул на своего коня; что там прежде был конь, вот теперь-то он стал конем; из одной его ноздри вылетают искры, из другой его ноздри идет дым. "Садись, – говорит он, – на мою спину!" Он сел на коня, двинулся вперед; смешало его с идущими облаками, с бегущими облаками.

19. Так мчась, однажды оказался внизу. Там, где остановился, лестница; ее один конец поднимается вверх. Своего

аги лави: "Маныр сүсас эри, аман мис, лув сүсас эри, манос витхул сүсас эри?" Тарыг-песь-нималю-сов лави: "Ул витхум сүсас эри; хонал элмхблас йисың төрм, элмхблас нотың төрм унтхаты, элмхблас маныр тэг вассыг?!" Нэтэ лави: "Минэн элал, ювле ёхтынэн порат ам амти ёхтэгум." Ань Тарыг-песь-нималю-сов луве палт ань вит авиныл нөх та квалыс. Луве аньмань акваг та каньсюм; нёвле холам, луве холам. Тарыг-песь-нималю-сов луве лылы эпыл пувласастэ; мблал маныр лув блс, мблал маныр уй блс, ёмас лувыг усь та ёмтыс: аква нёлсам асэныл султмыл нэгли, аква нёлсам асэныл посымыл нэгли. "Талэн, – лави, – ам сысумна!" Луве сысн талс, элал нёвумтас; миннэ тул, хайтнэ тул хална тэлыгтавес.

19. Тох минымат аква мат ёла ты патыс. Ань патум матэт ханхылтап нуми овлэ нөңхаль та мйны. Луве тыг тув тэлум нирн нэгыстэ, тыг тув тэлум пумн нэгыстэ. Такви ань ханхылтап хосыт нөх та ханхыс. Төрумна нөңха та ёхтыс. Этпос ойка ампентыл хартхатэг. Тарыг-песь-нималю-сов та кос нявлы, нявлы, ат ёхтыяге. Ёңхи, ёңхи, мунт минам матэнныл ос ты минэг. Тарыг-песь-нималю-сов аква мат ты урмыгтахтас. Ань Этпос ойка ёхтыс. "Эйя, Тарыг-песь-нималю-сов! – лави, – наң ос тыт?! Манурыл ёхтысын?" – "Олнэ элмхблас аква мат ман хунь ёхты!" Ань хонтхатам матэнт кол унлы. Этпос ойка лави: "Тарыг-песь-нималю-сов, сялтэн тыг, ам таях ёхтэгм!" Кол тивырт унлын агитэ нупыл лави: "Махум мат хум ул саватэлн!" Ань этпос ойка та мйнас, тав юв та сялтыс. Нэ хасап сайнпалт унлы. Тав ёл-унтыс. Хоса, ман вати унлыматэ, хасап сайнпал нёвсуңкве патс, тав пблюкве, та патвес. Асирман ты тэве, та тэве; этпос ойка ты сялтыс, агитэ нупыл лави: "Мань махум блнэ сирын ты-я!" Вассыг нэмат асирм атим. Ань этпос ойкан най вәпсыг сёпитавес, отыр вәпсыг сёпитавес, хасап сайнпална тұлвес. Эт хуяс, холыт квалс, тактёт мйнас.

20. Хоса мйнас, ман вати мйнас, аквамат эрт хотал эква палт ёхтыс. Та кос нявлы, нявлы, ат ёхтытэ. Хотал эква хурум лувыл тоха та мйны. Тувл аква мат урхатс, ань хотал

коня он здесь привязал прутиком, привязал травкой. Сам же поднялся вверх по лестнице. Дошел вверх до Неба. Луна-мужчина со своей собакой тащатся. Как бы их ни догонял Тāрыг-пёсь-нималя-сов, никак не может догнать. Кружит, кружит, все с того же места отправляется. Тāрыг-пёсь-нималя-сов в одном месте решил подождать. Дошел до него Луна-мужчина. "Ну, Тāрыг-пёсь-нималя-сов! – говорит он, – ты тоже здесь?! Каким образом здесь оказался?" – "Живущий человек (куда ни придет) везде может оказаться." Там, где они встретились, стоит дом. Луна-мужчина говорит: "Тāрыг-пёсь-нималя-сов заходи туда, немного погодя я приду!" Своей дочери, сидящей в доме, он сказал: "Человека неких людей ты не мучай!" Луна-мужчина куда-то ушел, а он вошел в дом. Девушка сидит за занавеской. Он сел. Долго ли, коротко ли сидел, занавес начал колыхаться, а он начал мерзнуть. Вот-вот он замерзнет; пришел Луна-мужчина, дочери своей говорит: "Молодые люди, так и живете!" И холод тут же прекратился. Луна-мужчина его определил в желанного зятя, именитого зятя; ввели его за занавес. Ночь переночевал, на следующий день он один отправился в путь.

20. Долго ли ехал, коротко ли ехал, однажды добрался до Солнца-женщины. Он догоняет ее, догоняет, не может догнать. Солнце-женщина на тройке коней все едет и едет, в одном месте он решил ее подождать. Солнце-женщина дошла до него. На том месте, оказывается дом стоит. Солнце-женщина говорит: "Ну, Тāрыг-пёсь-нималя-сов, на каком звере ты приехал, на каком звере ты прилетел?" – "Живущий человек куда не придет!" – "Заходи в дом; я немного погодя приду!" Дочери своей она говорит: "Неких людей человека ты не мучай!" Он вошел в дом, висит занавес. Долго ли, коротко ли сидел, занавес начал колыхаться. Вот-вот он сгорит от жары; весь вспотел. Солнце-женщина вернулась домой, дочери своей говорит: "Молодые люди, вот так и живете!" Жара моментально прекратилась. Золотой едой, медовой едой его накормили. Поел, кончил; он говорит Солнце-женщине: "Солнце, я покатаю-ка!" Солнце-женщина говорит: "Твое желание (как хочешь), осторожно покатай!" – "Я разве плохо покатаю! Осторожно покатаю." Солнце-женщина говорит: "Твое дело; если ты осторожно покатаешь, то покатай!" Тāрыг-пёсь-нималя-сов взял солнце, начал катать. Смотрит вниз: на земле много народу, все кривоглазые, криворотые. В одном месте два человека дерутся, до крови подрались. Тāрыг-пёсь-нималя-сов думает: если бы я там был, то я рас-

Эква тув ты ёхтыс. Аньмань тот кол унлы. Хөтал эква лави: "Эйя, Тāрыг-песь-нималы-сов, наң ос ман тотнэ уйна тотвёсн, ман алнтан уйн алмувёсн?!" – "Олнэ элмхөлас акв мат мән хунь ёхты!" – "Сялтэн, ам таях ёхтэгум!" Агит нупыл лави: "Мāхум мат хум ул саватэли!" Тав юв сялтыс, хасап сәинпал ханы. Хоса, ман вāти унлыматэ ань хасап нёвсалтаңкве патвес. Рёгн ты тёве, та тэве; витыг ты пёрыглас. Хөтал эква юв ёхты, агит нупыл лави: "Мāнь мāхум өлнэ сиранл тый!" Нэматыр рёг āтим вассыг. Сёрң тэпл, мāгң тэпл тыттувес. Тэс, āстыс; хөтал эква нупыл лави: "Хөтал ам тотыглылум сар!" Хөтал эква лави: Наң мат номтын, ёмасыкв тотыглэли!" – "Ам ман лёльсаң хунь тотыглылум! Аквтох ёмасыкв тотыглылум." Хөтал эква лави: "Наң кāsн; ёмасыкв те тотыглыли, тотыглэли!" Тāрыг-песь-нималы-сов хөтал вистэ, та тотуңкве потыстэ. Ёлаль сунсы: ёлы төрумт ятыл мир акваг сампалт, суппалт. Акв мāt тит хум алхатэг, тёлпыг-саиг алхатэг. Тāрыг-песь-нималы-сов номсы: ам тот те өлнум, та āсьпыгыг тэнтэн алхатнэтэн, сёпитанувагм. Тох номылматыглас, ань утыг ёл-рагатасыг, хөласыг. Тувл өс та мйны. Аквмат эрт өс ёлаль сунсы: тит эква лоңхитахтэг, ёрхатэг. Тав номсы: ам тот те өлнум, та аңквенёныг тэнтэн сёпитанувагм. Ань кулиг рагатасыг, хөласыг. Элаль та мйнас. Хоса ман вāти мйнас, аквэрт Хөтал эква палт та ёхтыс. Хөтал экван титапавес: "Ёмасыкв ялсын?" – "Ялсум." – "Нэматыр люль ат вāрсын?" – "Ат вāрсум." Хөтал эква лави: "Тāрыг-песь-нималы-сов, наң хөтал те ёсьнуви, сома лёльнэ элмхөлас āтим өлнув, пуссн алнуван; манрыг алам элмхөласан ты нила элмхөлас?" Тāрыг-песь-нималы-сов лави: "Алхатэгт, лявтэгт; ам нас номылматсум, тāн рагатаст." Хөтал эква лави: "Хонал элмхөлас йисың төрм, нотың төрм унтхаты, ты сирл элмхөлас пуссын алыян." Агит палт юв сялтсыг; Хөтал эква Тāрыг-песь-нималы-сов нāй вāпсыг унттыстэ, ётыр вāпсыг унттыстэ. Вāпсэ лави: "Ты ёлытөрумт өлнэ мāхум мāнарыг аквмус-сампалт, суппалт?" Хөтал эква лави: "Та хурип пус тит сампа мāхум та кос, та курип ёмас суппа мāхум та кос; наң ляльтн те сунсэгт, саманл хотл лапөгт?" Тāрыг-песь-нималы-сов ты минуңкве патс. Хөтал эква лави: "Ювле миннэн порат ам агим; этпос āги хāңхылтап

правился бы с ними. Так он подумал, а те тут же повалились, умерли. Затем он опять едет дальше. Однажды опять смотрит вниз: две женщины ругаются, бранятся. Он подумал: если бы я там был, то я бы их проучил. Те скверные женщины упали, умерли. Поехал дальше. Долго ли ехал, коротко ли ехал и вот доехал до Солнца-женщины. Солнце-женщина спросила: "Ты хорошо поездил?" – "Хорошо поездил." – "Ничего плохого не натворил?" – "Не сделал ничего плохого." Солнце-женщина сказала: "Тāрыг-пёсь-нималя-сов, если бы солнце было в твоих руках, то живых людей бы не осталось (на земле), всех бы убил; почему ты убил тех четырех людей?" Тāрыг-пёсь-нималя-сов ответил: "Двое дрались, двое ругались; я просто подумал, а они упали замертво." Солнце-женщина сказала: "В будущем установится долгая человеческая жизнь, вечная человеческая жизнь, таким образом ты всех людей не убьешь." Она вошла в дом к дочери; Солнце-женщина взяла в желанные, именитые зятя Тāрыг-пёсь-нималя-сова. Зять говорит: "Почему земные люди все одноглазые, криворотые?" Солнце-женщина сказала: "Они все полноценные, двухглазые люди, все пряморотые люди; смотрят они на сторону солнца, глаза ослепляет, как они могут смотреть нормально?" Тāрыг-пёсь-нималя-сов собрался в путь, Солнце-женщина говорит: "На своем обратном пути, если мою дочь и дочь Луны встретишь у основания лестницы, то хорошо (букв. то так и встретишь), если не встретишь, то так и не встретишь." Жена осталась, сам он спустился по лестнице, дошел до низа. Его конь с голоду, оказывается, совсем засох; нет ни костей, нет ни мяса. Он дунул на коня: что за конь оказался, стал лучше прежнего! Из одной ноздри искры летят, из другой ноздри дым клубится. Сел он на коня и отправился в путь; смешало его с идущими облаками, с бегущими облаками.

21. Долго ли ехал, коротко ли ехал, однажды он добрался до камня с входом вниз; (вход) затянут семислойным железным перевесом. Он залез в шкуру железного коршуна. Мужчина, караулящий перевес, сказал: "Ну, Тāрыг-пёсь-нималя-сов! По всему свету ты хитрил, хитрил; если ты пройдешь через мой железный перевес, то попадешь в железную сеть!" Тāрыг-пёсь-нималя-сов смотрит: у перевеса одна слабая железная ячейка, остальные ячейки все сделаны из прочного металла. Он тут собрался с силами, через слабую железную ячейку он прорвался; порезало ему плечи, упал он в воду. Тот мужчина говорит: "У меня есть железные сети! Через мои

тытта те хӧнтыягн, та хӧнтыягн; ат те хӧнтыягн, ат та хӧнтыягн." Нэтэ хультыс, такви хаңхылтап хосыт ёл та вӑглыс, ёла ёхтыс. Луве тэтӑл та кӑньсюм; луве ӑтим, нӗвле ӑтим. Лылыӑпыл пувласастэ: мӧлал маныр лув ӧлс, усь та ёмас лувыг ёмтыс! Акв нӗлсам асӑныл султмыл пӑйтахты, акв нӗлсам асӑныл посымыл пӑйтахты. Луве сысн тӑлыс, ӧс та ӗлаль нӗвумтас; миннэ тул, хӑйтнэ тул халн тӗлыгтавес.

21. Хоса мӑнас, вӑти мӑнас, аквмат ӗрт тӧрум ёл-вӑлын мӑн асың ахвтасна та ёхтыс; сӑтпис тӧр пӑтасыл хартыма. Тӧр хӧртхан совӑн сялтыс. Ань пӑтс урнэ ӧйка лӑви: "Ӕйя, Тӑрыг-пӑсь-нималѧ-сов! Мӑ янытыл осьмарласн, осьмарласн; ам тӧр пӑтсум тарӑ те минӑгн, ос тӧр хулпумт хуӑгн!" Тӑрыг-пӑсь-нималѧ-сов сунсы: рис тӧр акв сам ӧньси, тыгылнӑг акваг нӧпысь тӧрыл вӑрима. Тыгл ӑтытахтас, рис тӧр самныл тувле тӑп патс; маркаге яктувӑсыг, тувл витн та патс. Ань ӧйка лӑви: Тӧр хулпанум иң ӧлӑгыт! Тӧр пӑтсанум тӑраминасн, тӧр хулпумт нӑңын аквты пувилум." Ань тӧр хулпыт сунсы: рис тӧр акв сам, тыглнӑг акваг нӧпысь кӧрл вӑрима. Витна патум ӧрмӧт тӧр мӑнь сорт хурил ӗлаль та уймыгтас. Ялыс, ялыс, ань рис тӧр самныл кос ӑтытахтыглас, тувле ат патс, тот та пуввес. Ӗйкатэ лӑви: "Ам юныгтылум. Ӕкватэ лӑви: Ам юныгтылум." Ӕкватӑн мӑнь сорт пуваве, ӧйкатӑн тӧрсякыл ты юныгтаңкве патвес. Ойкатэ лӑви: "Тӑкысь пувӗлн!" Тӧрсякыл кос юныгты, ӑнь мӑнь сорт ӗлаль нӗвумтас, ань ӧква кӑтлуве супыг юныгтавес. Ӕква лӑви: "Ам мунт лӑвӑгум: ам юныгтылум; ань ос пувӗлн, ам юныгтылум!" Ӗйка ты пувыстэ, ӧкватэ пус кӑтӑтыл ты юныгтытӑ. Мӑнь сорт ӗлаль сӑңхвасас, ӧйка кӑтӑ супыг хӧйвес. Сӑңхвасама мус мӑнь сорт та мӑнас, тувле патс.

22. Ань Тӑрыг-пӑсь-нималѧ-сов мӑнь лунт хурил мӧртым тӧрум нупыл тыламлас. Мӧртым ӧкваг ӧйкаг колын та ёхтыс. Лунт сове хот-лӑгматастэ, юв сялты. Ӕкваг ӧйкаг унлӑг, лӑвӑг: "Мӧт тӧрум пӑлт лӑвылтавен, Тӑрыг-пӑсь-нималѧ-сов, ман тотнӑйн тотвӑсн, ман ӑлнтан уйн ӑлнтавӑсн?" "Ӗлнӑ ӗлмхолас акв мат мӑн хунь ёхты?" Мӧртым ӧква кона квӑлс, тит лылың пирва пувматум; юв тӑлсаге, асаге, нӑлв пӑтсаге.

железные перевесы ты прошел, железными сетями я тебя поймаю." Рассматривает сети: у железных сетей имеется лишь одна слабая железная ячейка, остальные ячейки сделаны из простого железа. Когда он оказался в воде, поплыл он в шкуру железной маленькой щуки. Плавал, плавал, хотел прорваться через слабую железную ячейку, не прорвался, там его и поймали. Тот мужчина говорит: "Я ее ударю." Жена его говорит: "Я ее ударю." Жена держит маленькую щуку, муж ударяет ее железным молотком. Муж говорит: "Держи крепче!" Только хотел ударить, та маленькая щука вильнула вперед, и он своей жене кость руки молотком перебил. Жена говорит: "Я прежде говорила: я стукну ее; теперь ты держи, я стукну ее!" Муж держит щуку, жена ударяет (ее) своей здоровой рукой. Маленькая щука брыкнулась, жена руку мужа перебила. Маленькая щука брыкнулась и ушла, прорвалась туда через сеть.

22. Тāрыг-пёсь-нималя-сов в образе молодого гуся полетел в южную сторону. Прилетел до дома женщины и мужчины южного края. Снял он гусиную шкуру и вошел в дом. Сидят жена и муж, и говорят: "В другом краю земного царства слышно было о тебе, Тāрыг-пёсь-нималя-сов, на каком звере ты приехал сюда, на каком звере ты прилетел сюда?" – "Живущий на земле человек куда не попадет?!" Женщина теплого края вышла на улицу, поймала она двух жирных чирков, занесла в дом, убила их, сварила. Их съел Тāрыг-пёсь-нималя-сов, закончил трапезу. Эта женщина все косточки (чирков) вынесла на улицу, высыпала их в озеро с живой водой: чирки с криком дальше полетели. Жена и муж теплого края говорят: "Тāрыг-пёсь-нималя-сов, выйди на улицу на время, если тебе повезет, то повезет; если не повезет, твое дело." Тāрыг-пёсь-нималя-сов вышел на улицу, смотрит в боковую сторону дома: стоит маленький домик; он вошел в этот дом. В маленьком домике сидит девушка с распущенными волосами; распустила косы, только начала заплетать их; колени укрыла шелком, под тем шелком что-то все время шевелится. Тāрыг-пёсь-нималя-сов говорит: "Я издали приехал, думал найду необычную девушку; слышал о девушке с черными косами, как чернядь (порода гагары), выясняется, нет ничего подобного, сидит девушка, а на коленях ее шевелится незаконнорожденный ребенок." В этот миг она сдернула шелк с колена; семь чернядей, семь гагар вылетели с ее колен; вот-вот они исцарапают его глаза, уши. Он говорит той девушке: "Хватит, останови их! Мои глаза, уши – все исцарапают." Они сели

Тāрыг-пѣсь-нималѣ-сов тѣсаге, āстыс. Ань ъква лувсакванэ кона квалттысанэ, лылың витуп тўрвѡңхан рāvтасасанэ: пир-ваг рѡңхим ъл-тыламласыг, Мѡртым ъкваг ѡйкаг лāvѣг: "Тāрыг-пѣсь-нималѣ-сов, кон кваллѣтен; матарыг пирѣгн, та пирѣгн; ат те пирѣгн: наң кāсн." Тāрыг-пѣсь-нималѣ-сов ко мйнас, кол пѡх нупыл сунсы; акв мāнь колкве; тув юв сяттыс. Мāнь кол тйвырт аньмань нѣ лыпась пуңкыл ўнлы; сагаге хот-тāрамтамаге, лильпылыг усь ты сагияге; сāнсэ ярмакыл пантыма, ань ярмак ѣлыпālэ нас лѣнтги. Тāрыг-пѣсь-нималѣ-сов лāви: "Мātэ хоса мā та йисум, ам номсѣгм торың мат нѣ хѡнтѣгм; сāt сāңки сагпанэ, сāt ѡвлах сагпанэ лāvылтѣгт; хѡнтылум: нѣмат сāңки āтим, нѣмат ѡвлах āтим, сāнсэ ўсял нйврамыл нас нѣвсы." Ань ярмак хот-нукумтавес; сāt сāңки, сāt ѡвлах ѣлаль тыламласт; ань саме, пале тыг консавет, тув консавет. Нѣтэ нупыл лāви: "Тѡвлы, ѣл-пувѣн! Самагм, палягум пулиг ты консавѣг." Акв пѡхын унтсыг, аниглах-тасыг, сыппыгхатасыг. Āги хумит нупыл лāви: мйнэн āсягм сянйгм палт; акв сѡрниң лунт сов, акв сѡрниң хотаң сов вос мыгыг!" Тāрыг-пѣсь-нималѣ-сов ъкваг ѡйкаг палт та мйнас, лāви: "Акв сѡрниң лунт сов, акв сѡрниң хотаң сов маѣн!" Пуңк тāратыма нас ўнлѣг. Ѳйка пуңке нѡңха āлмыс, вāпсэ акв сѡрниң лунт совыл, акв сѡрниң хотаң совыл майвес. Такви сѡрниң лунт совѣн сяттыс, нѣтэ сѡрниң хотаң совѣн сяттыс. Мѡртым ъкваг ѡйкаг лāvѣг: "Агиягм вāпсагм! Ѳлмхѡлас йисың тѡрм ўнтхаты, Ѳлмхѡлас нотың тѡрм унтхаты, ты лунтэ, вāсэ āгимѣн сўсасыг ты сѣпитаслумѣн; хонал акв хумитѣн патнэ мос, акв нѣтѣн патнэ мос вос тѣве, ул вос холы!" Ань анигла-лавесыг, сыпгувѣсыг, ѣлаль та тыламласыг. Ань лунт, вāс тѣн юипālѣнт та ѡлтхатаст. Ань асың āхвтас тāра миннэ мāн тыпал тѡрумна та ѣхтысыг. Тāрыг-пѣсь-нималѣ-сов лувѣ тыт ты хѡнтыстэ; акваг та кāньсюм, лувѣ āтим, нѣвле āтим. Лылыѣпыл пувласастэ; мѡлал маныр лув ѡлс, усь та ѣмас лувыг ѣмтыс.

23. Ань Тāрыг-пѣсь-нималѣ-сов лунт хурил лувѣ сысн та исыс, нѣтэ товлыл мйны. Хāңхилтап тытың ѣхтѣг, Хѡтал ъква āги, Ѳтпос ъква āги тот. Лувың āнасыл, мисың āнасыл ѣлал нѣвумтасыг. Хоса минаст, вāти минаст, сярсыс котиль витхон

рядом, целовались, лобызались. Девушка говорит мужу (мужчине): "Иди к моим отцу и матери, пусть они дадут тебе одну шкурку золотого гуся, одну шкурку золотой лебеди!" Тָрыг-пёсь-нималя-сов отправился к тем жене и мужу, говорит: "Дайте мне одну шкурку золотого гуся, одну шкурку золотого лебедя!" Они сидят, опустив головы. И вот муж поднял голову и дал зятю одну шкурку золотого гуся, одну шкурку золотого лебедя. Сам он залез в шкурку золотого гуся, а жена его залезла в шкурку золотого лебедя. Жена и муж теплого края говорят: "Дочь моя и зять мой! Начнется человеческая долгая жизнь, человеческая вечная жизнь, всех гусей, всех уток мы отдаем в приданое для той эпохи; чтобы их хватило всем людям, пока будет человеческая жизнь на земле, чтобы они не кончались!" Их поцеловали, полобызали (родители), и они полетели в путь. И вот все гуси, утки полетели вслед за ними гуськом. И они долетели до камня с выходом в ту сторону света. Тָрыг-пёсь-нималя-сов тут нашел своего коня; совсем он засох, нет костей, нет мяса. Он дунул на него воздух; что был прежде конь, вот теперь стал он прекрасным конем.

23. Тָрыг-пёсь-нималя-сов в образе гуся сел на своего коня, жена летит на крыльях. Дошел до основания лестницы, дочери Солнца-женщины и Луны-женщины там. Они двинулись со стадом лошадей, со стадом коров. Долго ли ехали, коротко ли ехали, доехали до середины моря, открылись ворота города водяного царя, оттуда выходит дочь водяного царя. Все вместе они двинулись вперед. За ними плывет лавиной рыба, летят гуси, утки. Долго ли ехали, коротко ли ехали, вошли в его собственный город. С матерью, отцом обнялись; целовались, лобызались. Тут такой город возник: режет он высоко идущие облака, высоко бегущие облака. Возник дом, где много мягкого золота, возник город, где много мягкого золота. На всех (деревянных) гвоздях висит шкура соболя, на всех (деревянных) гвоздях висит шкура зверя. Накрыли стол с золотой едой, медовой едой; поели, закончили. Во время еды мать сказала: "В будущем установится долгая человеческая жизнь, вечная человеческая жизнь. Нуждающиеся бедные женщины, нуждающиеся бедные мужчины на священной земле твоей будут приносить тебе в жертву рогатых быков-оленей, копытных быков-оленей!" Он в том доме окутался с головой, глазами и все легли спать. На утро проснулись: вытянет он руку – тепло, вытянет он ногу – тепло (такая благодать). Мать и отец вошли в его дом, мать молвила: "Ты

ус аби пұсхатас, витхон аги тувл кон нэглыс. Элалъ нѣвмтаст. Тѣн юипаланылт витхулэ, лунтэ, вѣсэ овтнэ вит хольтыл нас овтэгт, нас нѣрыглэгт. Хоса минаст, вѣти минаст, такви усэн та ёхтыст. Сяняге асяге нупыл акван лаквсыт; аниглахтаст, сыппыгхатаст. Та хурип ус та тѣлс: миннэ тул сылым унлы, хѣйтнэ тул сылым унлы. Лылың сѣрни овмаң кол унтхатс, лылың сѣрни овмаң ус унтхатс. Нѣхс хантѣл акв лѣңк аѣтим, уй хантѣл акв лѣңк аѣтим. Сѣрың тѣп, магың тѣп пасан вѣрвес; тѣст, айсыт. Тѣнѣнл халт сяне лѣви: "Хонал элмхѣлас йисың тѣрм унтхаты, элмхѣлас нотың тѣрм унтхаты. Савың сахип сѣв нѣ, савың сахип сѣв хум унлыне хоталь ѣлнэ нѣиң сѣмта, хоталь ѣлнэ ѣтырың сѣмта анытың хѣр йирыл тусьтавен, тоххң хѣр йирыл тусьтавен!" Ань коланылт пуңке саме маѣнигтастэ, хѣт нѣтэ ѣл та хуясыт. Холытан нѣңха сѣйкалас, кѣтэ нарыгтас: рѣгың маң хѣяс, лѣглэ нарыгтас: рѣгың маң хѣяс, лѣглэ нарыгтас: рѣгың маң, хѣяс. Сяняге асяге тав палт сѣлтсыг, сяне лѣви: "Наң пыгкве! Ёлы тѣрумт та ѣлэгн, нуми тѣрумна мѣн та минасамѣн. Хонал элмхѣлас йисың тѣрм унтхаты, элмхѣлас нотың тѣрм унтхаты, ёлы тѣрумт наң Мир-суснэ-хумыг ѣлэн, асын нуми тѣрумт Нуми-Тѣрмыг вос ѣлы, ам Калтасиг ѣлѣгм." Хурум маѣна та минаст. Та сюнянылт, та хуланылт ань та ѣлэгт, ань та сѣнѣгт.

№2

Маѣнь мѣщнѣкве

1. Аписитѣтѣнтыл ѣлѣг. Тох ѣлыгматѣн, аписитѣтэ хотталь мѣнас. Хассытым, таңквитым тайрись тав палтэ (маѣнь мѣщнэ палт) ёхтум. Алпыл туйт алумтан лѣх паттан хѣйттастэ. "Ань тай, – лѣви, – ѣс хунь ёхтѣгн!"

Титыт ѣт нѣх-квѣлы: ѣс ёхтум! Алмаястэ, нѣйв атнэ лѣх паттан тотыстэ. "Ань тай, – лѣви, – ѣс хунь ёхтѣгн!" Хурмит ѣт нѣх – квѣлмѣт: ѣс ёхтум! Алмаястэ, нѣиватнэ лѣх паттатэ тапѣлн тотыстэ. Та олы.

сыночек! Будешь жить на Земле, мы же пойдем в Небеса. В будущем установится долгая человеческая жизнь, вечная человеческая жизнь, на земном царстве будь Мир-суснэ-хумом (букв. 'Хранителем всех людей', 'Оберегающим всех людей'), отец будет на Небе, я же буду Калтась (букв. 'Подмогу делающей', т.е. она будет тем духом-предком, которая будет посылать людям детей; счастливой семье – мальчика, несчастливой – девочку, так думают манси). На трех разных местах они вот и обосновались. С тем богатством, с тем счастьем они и поныне здравствуют.

№2.

Маленькая женщина Мбщнэ

1. Мбщнэ со своим младшим братом живут-поживают. Однажды ее брат куда-то ушел. В это время к ней пришла плесенью покрытая поварешка¹. Она утром встала, схватила ее и бегом отнесла далеко, до конца дороги, по которой таскает домой снег (чтобы растопить для воды). Теперь же, она говорит, больше ты ко мне не придешь! Я тебя выбросила.

После второй ночи встает, поварешка снова пришла, оказывается. Она схватила ее и отнесла далеко до конца дороги, где (она) собирает дрова. Теперь же, она говорит, больше ко мне не придешь. Я тебя далеко отнесла.

После третьей ночи, когда она встала, оказывается, поварешка снова пришла! Девушка схватила ее и отнесла далеко, за пределы дороги, где она собирает дрова. И живет она.

2. Долго ли она жила, коротко ли жила, неожиданно для себя родила сына. Лед тронулся, она думает: начнут ездить люди и скажут так: они живут вдвоем с братиком, наверное, она от братика родила сына. Будет позорно. Мбщнэ на ухо сыну быстро надела золотую серьгу, быстро посадила она на льдинку, и унесло его по течению.

Так поживают вдвоем со своим братом, брат снова куда-то ушел. К ней пришел один мужчина после того, как прошел лед. Что за красавец мужчина, стройный и высокий. Он сказал:

3. – Куда ты дела моего сына?

– У меня разве был сын? – говорит она,

1 Поварешка у манси означает предмет мужской принадлежности.

2. Хоса олс, ман вати олѣ, пыгрись оньсис. Яңк натуңкве патыс, номсы: махум яласаңкве патэгыт, тах ты лавэгыт: "Апситэтэнтыл тэнттетэн олэг, ул апситэтэныл оньсям пыге." Палясэ олн симсякыл пувтмасте, яңк тармыл та унттыгпастэ. Тох олыматэн апситэтэнтыл, апситэтэ ол хотталы мйнас, акв хум ты ёхтыс яңк натум юйипалт. Ман тэлум най хум, ман тэлум отыр хум, мунт тэм пүлэ тара наңти.

3. – Пыгрисятем, – лавий, – хоталь тотаслын?!

– Ам мат, – лавий, – пыгрись хунь олсьсум.

– Хурум эт сыс ам ты ёхталасум, вавлын?

Хассытым таңквитым тай ты олсум!

Ань нэ нэматыр ат лавыс вассыг.

Сып сагрын тер вис, сыплуве супыг та саграпавес. Хум та мйнас.

Лупта – пум тэлуңкве патыс, ань нэ порыг каныг тэлыс. Апа арсьтёв тув ёхтыс, юв-ватвес.

4. Та олы, олыматэ хурум няврам катн – паттыс: аква олмхолас, титыг – такви хурипатэ сусамыг.

Янгыгнув ёмтсыт, ёнгуңкве патсыт, оманыл лави: "Сака ул апрамтахтэн, холтавлэв." Хуюңкв патсыт, нявраманэ пуссын патта нупыл хуюптасанэ, такви-кональ. Лави: "Хуимав холтавлэв Ысың отыр ойка пыгытн, ман кон-вивёв." Олмхолас хурип агитэ нупыл лави: "Наң тах тивырт хультэгн. Сув тивырн магаве, ханса тагатэн. Тан тах лавёгт: "Акв олмхолас олнэтэ." Титнтыг сув тивырн магаве, тув консынтахтэн. Тувл тах Ысың отыр ойка пыгыт кувысь тивырн ул сялтэн, кон – поварттахтэн. Ысың отыр ойка кувысь тивырн сялтэн.

5. Соль, мось олсыт, ты ёхтувёсыт. Махманэ кон-войвёст, ол сув тивырн магвес, ханса тагатас. Тан лавёгыт: "Олмхолас олнэтэ! Титнтыг сув тивырн магвес, тув та консыгтахтас. Ысың отыр ойка пыг кувысь тивырн магуңкв патвес, кон-поварттахты. Ысың отыр ойка кувысь тивырн та сялтыс. Юв тотвес, махманэ ёт юв ат таңхи. Такви колн та сёпитавес. Тувл олэгт, йиквуңкве патвёст. Махманэ сырутыл ты тотвес.

– В течение трех ночей я к тебе приходил, и знаешь ты это? Я был поварешка, покрытый плесенью, мхом.

Эта женщина ничего больше не сказала.

Он взял железо, которым отрубают голову, и ей перерубил шею. И этот мужчина ушел.

Весной начала расти листва, трава. Эта женщина превратилась в куст пучков (съедобная трава). Подошла туда медведица и съела всю эту траву.

4. И живет медведица, так поживая, родила она трех медвежат, один детеныш – человекообразный, а двое на нее похожие медвежата. Они немножко подросли, начали играть, мать им говорит: "Вы не очень шалите, люди услышат, найдут нас." Начали они ложиться, всех детей своих она уложила к дальнему углу берлоги, а сама легла к выходу. И сказала: "Во время сна нас найдут сыновья Ёсың ӧтыр ӧйки, нас вытащат (из ямы)." Дочери своей, похожей на человека, она говорит: "Ты останешься на дне берлоги. Они введут посох в яму, ты на него навешай вышитый орнамент. Они скажут, оказывается, здесь один человек есть. Второй раз введет в яму посох, ты схватись за него. Затем ты не залезай в гуся сыновей Ёсың ӧтыр ӧйки, выкатись из него наружу. А залезай в гуся самого Ёсың ӧтыр ӧйки." (Мать о чем-то догадывается, поэтому свою дочь так предупреждает – комментарии сказителя.)

Мать еще предупредила ее о том, что их, медведей, убьют и ей, дочери, принесут их мясо, пусть она это не ест, иначе будет им плохо и тяжело будет их исцелять).

5. И действительно, немного побыли они, и пришли сыновья Ёсың ӧтыр ӧйки к ним. Медведей вытащили из берлоги. Снова посох ввели, она на него повесила орнамент. Те говорят: "Оказывается, здесь человек!" Второй раз ввели посох в берлогу, она схватилась за него и вытащили ее. Начали ее закутывать в гусь сыновей Ёсың ӧтыр ӧйки, она выкатывается оттуда, и залезает она в гусь Ёсың ӧтыр ӧйки. Привезли они ее домой. Вместе с медведями она не желает войти в дом. И они ее поместили в отдельное помещение. Затем живут, те устроили медвежий праздник. Принесли ей вроде бы кусочки из тела ее медведей. Дочери Ёсың ӧтыр ӧйки говорят: "Ты ешь." Она говорит: "Вы уходите, когда я останусь одна, тогда я их съем." Девушки ушли, она эти кусочки подальше в надежное место поставила, и живет она. Наступила вторая

1 Гусь – верхняя меховая одежда мужчины.

Усың ӧтыр ӧйка агит лавегт: "Ватэн¹." Тав лави: "Нан минэн, таях амти хультэгм усь. Мӕхманэ минаят, аквман унттыгпасанэ. Та ӧлы, титыт этыг емтыс ӧс тотвес, ӧс ватуңкве лавсувес. Тав лави: "Нан минэгын усь." Ӧс тан минаят, ӧста аквман унттыгпасанэ. Хурмит этыг емтыс, ӧс тотвес. Ӧс ватуңкве лавсавес. Тав ӧс лави: "Нан минэгын усь."

6. Ӧвыл парманыл, эт найвань хусапт суйтэгыт, лӧсьнэныл суйтэгыт: "Аквсир уттэв атим, ул акватэв палт ӧлы." Тав юв-сялтапӧлс, анысуп алмаяс, тув та хайттастэ. Титыт эт туйт пӧсыгын лӧх паттат суйтэгыт, лӧсьнэныл суйтэгыт: "Аквсыр уттэв атим, ул акватэв палт ӧлы." Тав юв сялтапӧлс, анысуп алмаяс, ӧс тув та хайттастэ. Хурмит этыг емтыс, найватн лӧх паттат суйтэгт: "Аквсыр уттэв атим, ул акватэв палт ӧлы." Юв сялтапӧлс, юӧвл анысуптэтэ алмаяс, ӧста хайттастэ. Оматэн аниглавес, сыпгувес, лави: "Мань мӧщнэ агитем, элмхӧлас йисың тӧрум, нотың тӧрум унтхаты, манав нуми пос асиныл тувл сунсыглӧлн, тув та тӧлаӧв.

7. Ань, – лави, – юв-сялтэн, ман парссув. Аниглахтасыт, сиппыгхатасыт, титтыг та минсыт.

Та юипал хӧтал ӧс юв касилтаңкве патвес, Усың ӧтыр ӧйка колн та сялтыс. Усың ӧтыр ӧйка сяр мань пыге палт та унттувес, татем тӧлп пуңкуп нӧтнэ хумкве, акваг пумсыг ӧлы.

Хоса ман вати ӧлсыг, ӧлыматэн ӧйкатэ лави: "Ам пуңкум тинсӧлн." Мань мӧщнӧкве лави: "Тинсылум."

8. Ӧйкатэ тав сӧнсэн пуңте пиныстэ; паляге нупыл хӧнтыс, насати, такви ӧньсиглам пыге, такви магум пальсьимсякаге палӧт лӧлӧг. Лави: "Элмхӧлас йисың тӧрум, элмхӧлас нотың тӧрум унтхаты, элмхӧлас такви ӧньсям сӧне палт ул вос ликми, нуми пос асюм палт махманум хоталь тӧлаясыт, тув вос тӧлаӧгум." Касай вис и таквенӧтэ аластэ.

1 Ватэн – табу ӧт тайен – "ешь"

ночь, девушки еще принесли ей еды такого же рода. Снова они просят, чтобы она ела. Она сказала: "Вы идите, вы уйдете, я тогда поем." Они ушли опять, она снова эти кусочки подала в надежное место поставила. Наступила третья ночь, снова ей принесли поесть. Опять девушки просили, чтобы она ела. Она сказала: "Когда вы уйдете, тогда я поем."

6. В первую ночь, как только прекратили пляску, души медведей слышны были (рядом с домом) у кучи дров. Слышно было, как они плачут и говорят: "Одной нашей части тела нет, наверное, у нашей доченьки находится." Она быстро зашла в дом, схватила первую чашку и быстро унесла к ним.

На вторую ночь медведи слышны были в конце дороги, где берут снег; было слышно, как плачут: "Нет еще одной нашей части тела, наверное, находится она у нашей доченьки." Она быстро вошла в дом, схватила вторую чашечку и снова быстро отнесла к ним. Наступила третья ночь, они слышны в конце дороги, где собирают дрова: "Нет еще одной нашей части тела, вероятно, она находится у нашей доченьки". Она быстро вошла в дом, схватила последнюю чашку и опять туда отнесла. Мать поцеловала ее, полобызала и сказала: "Моя дочка – маленькая мѳщнэ (мѳщнэ снова родилась – комментарий сказителя), наступит долгая человеческая жизнь, вечная человеческая жизнь, ты нас ищи на небе, мы отразимся там (букв. ты нас рассматривай на фоне верхнего света).

7. Теперь, говорит мать, заходи домой, наша жизнь на земле кончилась.

Все они поцеловались, полобызались и разошлись.

После этого дня они (семейство \bar{Y} сың \bar{o} тыр \bar{o} йки) опять начали настаивать на том, чтобы мѳщнэ переселилась в их дом, и она поселилась в дом \bar{Y} сың \bar{o} тыр \bar{o} йки. И ее выдали они за самого младшего сына \bar{Y} сың \bar{o} тыр \bar{o} йки. Такой он красивый, с рыжими волосами мужчина, приятно на него смотреть.

Долго ли, коротко ли они жили, однажды так поживая, муж ей говорит: "Ты поищи у меня в голове." Маленькая мѳщнэ говорит: "Поищу у тебя в голове".

8. Муж ей на колени положил свою голову, она обратила внимание на его уши, оказывается это ее собственный сын, которого она сажала на льдину, на его ушах висят серьги, которые она надевала ему своими собственными руками.

Вот об этом и догадывалась прежде медведица, поэтому и предупреждала дочь, чтобы она не залезала в гусь сына

Ань та блэгт, ань та сюнегт.

Сяр торумт, пуңкпаттат нила сѣмпа нила сов, аква посуң, тай тѣн та, ёлыннун хурум сов – тай тѣнтѣёныл тѣлаялум мѣныл пупаквет.

№3

Мбщнэг порнэг сѣмл уйыг

1. Мбщнэг порнэг аквьёт блэг тѣнттетѣн пѣвылт.

Мбщнѣт ѣлмпѣлн ялс; нѣлув ѣмантас лѣви: "Сѣмл уйтѣгм, выгыр уйтѣгм хулюмтѣн!" Сѣмл уйтѣтѣ хулюмтас, та сысн тѣлс, ѣлмпѣлн унсыс. Пѣг квѣлс, та ѣманты, ѣлаль сунсы: акв кол унлы, та колн юв сѣлтыс, акв ѣква, яныг ѣква унланты.

2. – Я-та, – лѣви, – апыгквѣ, ам ань сахисуприсюм юнтсѣлн. Я-ты апыгтѣтѣн та юнтсѣве. Акве пѣт та вѣри: нѣлным нѣл тирплѣмт хусматас, пальныл пал хантлѣмт хусматас, пѣт та вѣри. Ань нѣ нѣмхотум ат лѣви, нас ѣнкватѣлы.

Ѧкве пѣтѣ ѣстыс, пѣг ѣлмыстѣ, осѣ акваг вѣйл хулиглам, пѣлям вѣйл пѣлима (реплика сказителя: татем вѣйң полхыт та)...

3. Я тувл лѣви: "Апыгквѣ, ам пуңкум тинсѣлн. Апыгквѣ, лѣвен: та мат нѣлкапайн сѣснѣл хурипа!"

4. – Ты манрыг тох лѣвитен, ѣквмѣкв, наң мѣнь нѣлп-самп нѣкве блмын мѣнь порат.

– Апыгквѣ, лѣвѣтен: кѣт капаягн тай сяр ѣрась хилне мѣнтыг.

– Я, аквмѣкв, манрыг тох лѣвитен, матпурат мѣнь кѣтуп-лѣглуп нѣкве блмын.

5. Ѧс та тинсасѣлахты. Тувлулт ѣстыс, апыгтѣте минуке ты патыс.

– Я-та, – лѣви, – мѣнѣн, тит сѣмьях унлѣг, акватѣ йильпи сѣмьях, акватѣ пѣс сѣмьях. Пѣс сѣмьяхѣн сѣлтѣн, акв пѣлѣт

Усың ӧтыр ӧйки, а залезла бы в гусь самого старика Усың ӧтыр ӧйки.

Мӧщнэ говорит: "Настанет долгая, вечная человеческая жизнь, пусть женщина не угадает в жёны к собственному сыну, пусть он не угадает в мужья к собственной матери. Я тоже пусть отражусь на небе, куда отразились мои родные" Взяла она нож и убила себя.

И поныне живут медведи и мӧщнэ, и поныне они здравствуют.

В самом центре небесного купола стоят четыре звезды четырехугольником, одна звезда из них самая яркая, это они и есть – три медведя и мӧщнэ. А чуть пониже три звезды – это были отражения медведей, когда они одни отражались на небе без человекообразной дочери – мӧнь мӧщнэ).

№3.

Мӧщнэ и Порнэ

1. Женщины мӧщнэ и порнэ живут вместе одни в деревне.

Мӧщнэ съездила за реку. Она съездила так: подошла к берегу и сказала: "Мои два зверя, черный и рыжий, быстро выплывайте из-под воды!" Выплыл на поверхность воды ее черный (приятный) зверь, она села на его спину и переплыла на ту сторону реки. Вышла она на берег и идет потихонечку, смотрит вперед: стоит один дом, она вошла в этот дом, там сидит одна старенькая женщина.

2. – А ну, – она говорит, – внучка, почини ты мне мою эту шубку. И вот та ее внучка начала чинить шубку. А бабушка варит пищу, из ноздрей отщипнула кусочек корки, из ушей взяла кусочек серы, варит суп в котле. Эта пришедшая женщина ничего не говорит, она лишь просто так иногда поглядывает в ту сторону.

У бабушки пища в котле сварилась, она ее сняла (с огня), поверхность (супа) покрыта жиром, застыл там жир. (Какая жирная еда у бабушки! – реплика сказителя)...

3. И затем она говорит: "Внучка; поищи ты у меня в голове. Внучка, ты скажи так: твой огромный нос – словно нос берестяной маски!"

– Вот уж зачём ты так говоришь, милая бабушка, твои черты лица когда-то в молодости были мелкие и аккуратные.

– Внучка, скажи, пожалуйста так: твои руки словно лопаты, которыми разгребают горячую золу.

йильпи тотапыт, акв палэт пёс тотапыт. Пёс тотапытыл акв тотап воен.

6. Та мйнас, сүмьяхыг палт ёхтыс, сялтыс. Пёс тотапытыл вис, налув та ёмантас, ань уяге пәг вёви: "Сэмл уйтёгм, выгр уйтёгм хулыглән!" Уяге хулигласыг. Ёс сэмл уе сысн тәлыс, та тотәве. Тапәлн унсуптәвес, пәг та әлмтахты, пәг ёхтыс, тотапә пәлыг пұнсыс: акв хумрись тот унлахёлы!

7. Я, та өлэг, хум матыр вәльсямтар ёрыгпәлы, нәл, ёвт вәры. Аквмат ёртн порнэ ты сямтапас: "Мощнэкв, наң хум ёньсёгн, хум хөтпа ёругм вәльсямыт хурлпат.

– Ати, амти ёргум вәльсяманум. Тот та вортахтёг. Я-ты, порнэтэ кон та квәләпас, матыр тәл тёргамтас.

8. Тав нәлми вәтан хәйтыс, ләви: "Сэмл уиг выгыр уиг, хулиглән!" Выгыр уйе сысн тәлыс, ёла тулаве, нёңха хәхтәве, тот та ёла-нөх тотыглаве. Я-та, пәг квәлыс, ань акв нэтэ хольт колн та хөнтхатас. Тув ёхтыс, юв сялтыс, сунсы: акв эква унлы.

9. – Апыгквё, ам сахирисюм ёнтсәлн (сахит манарн хот-хасьлуптаве!?). Маяпавес, нә та ёнты, та кури. Ань әквёкв пүт та вәри. Нёлныл нёл хант хусатас, пальныл паль хант хусатас.

– Әквә, манрыг пүтн тәртаслын паль хантыл? Ань акве нәматыр ат ләви. Я тав тай та ёнты. Аквматёртн сахитэ та әстыс, пүт пәг әлмувес, аньмунт хольт акваг пёлам вёй хулиглам. Та тәгтән. Пүт тёсыг әстысыг, әкве ләви: "Апыгквё, ам пуңкум тинсәлн!" Апыгквё, ләвётен: аквмёкв, та самка-папаягн тай тәгыг аёг! Сяр әла тёгыг, әла аёг.

– Я! Сөль!

– Апыгквё, ләвен: кәт капаягн сяр әрась хилнэ мәнтыг. Апыгтёт оста лягалас: "Я, сөль!"

10. Я-та, тыгл апыгтёт ты минуңкве патыс.

– Миннэ мәнт тит сүмьях унлөг. Пёс сүмьяхён ул хәңхен, йильпи сүмьяхён хәхсән, йильпи тотапытыл акв, тотап воен! Ань нә мәныр урум нә! Сүльяхыг палт ёхтыс, ләвиматэ

— Ну, бабушка, зачем так говорить, милая, ты когда-то была женщина с маленькими аккуратными руками и ногами.

4. Она опять продолжает искать в голове. Затем кончила искать в голове, и внучка уходить стала.

— А ну, иди, там стоят два амбара на ножках, один из них новый амбар, а другой из них старый. Ты заходи в старый амбар, на одной стороне амбара стоят новые ящики, а на другой старые ящики. Из старых ящиков ты возьми один ящик.

5. И пошла она, подошла к амбарам на ножках, вошла в старый амбар, взяла один ящик из старых ящиков и пошла к берегу, и снова просит она к берегу тех своих зверей: "Выплывайте мои черный и рыжий звери!" Ее звери выплыли на поверхность. Снова она села на спину своего черного зверя, и он везет ее. Он ее переправил на ту сторону, а она тащит ящик домой, принесла домой, открыла она свой ящик: там сидит один какой-то невзрачный мужчина!

6. И живут, мужчина стругает какие-нибудь кусочки дерева (и летят щепки), он делает стрелу и лук. Однажды зашла порнэ, говорит: "Милая мбщнэ, оказывается, у тебя есть муж, эти щепки похожи на то, что их стругал мужчина."

— Нет, эти щепки я сама стругала.

И начали они там спорить. И вот порнэ выбежала на улицу, видимо, она о чем-то догадалась. Она побежала на берег, говорит: "Черный зверь, рыжий зверь, выплывайте!"

7. Она села на спину рыжего зверя, он ее то погружает в воду, то поднимает ее на гребень волны, там ее он так и качает. И вот вышла она на берег, она тоже пошла по лесу, вышла к дому, как и та прежняя женщина. Туда пришла, вошла в дом, видит: сидит одна женщина.

— Внучка, почини ты мне мою шубку (кто рвет все время ее шубу? — комментарий слушателя). Дали ей тут же шубку, и шьет эта порнэ, но шьет она неаккуратно. А бабушка варит еду в котле. Из ноздрей отщипнула кусочек корки, из ушей взяла кусочек серы, варит суп.

— Бабушка, зачем ты в котел опустила серу из ушей?

А эта ее бабушка ничего не ответила. А та все продолжает шить. Наконец она кончила чинить шубку, и котел сняли с огня, как и прежде котел покрыт жиром. И они начали есть пищу.

8. Поели пищу, кончили, бабушка говорит: "Внучка, ты поищи в моей голове! Внучка, скажи^Е, пожалуйста, так: "Бабушка, глаза твои выглядят так, что вот они кого-нибудь

сирл та вис. Налув та мйны, ань уйтёге оста хулюмтасыг, выгыр уйтёт сысн тәлс, оста ёланõх тотыглаве. Пәг квәлыс, тõтапын тәгыл пәг та ёманты. Пәг ёмантас, юв тулыстә, пәлыг пунсыстә, насати ялпынууй капай! Тув сõхыртахтам, тот хуйи. Та õлыматә ялпын уён юв та тәйвес. Ань мõщнә õйкатәнтыл ань та сюнөг, ань та хулэг.

№4

Касыр Экваг õйкаг

1. Экваг õйкаг õлэг. Хурум аги õнсөг. õлыманыл; хулы-маныл янгәгитә нёхс сахи, уй сахи юнтуңкве патыс. Асыгён сянәгён титыглаве: наң хоталь масхатәгн? – Нõх яныгман элмõдлас нә миналь нәң сәм, хум минам хумын сәм тинсы. Кон квәлыс, колә мовылтас, мйнас ань аги. Хоса мйнас, вәти мйнас, хәссытым, тыңквитым колн нәглыс. Тактётә та лõляхõлы, нәнхõтп атим. – "Тав кәсә, сялтәгум", – ләви; юв та сялтыс. Колә та пәңк, та пõрыс. Хот та хосгитә, лõвтытә. Ловтыматә, сёпытыматә акв сысвой сырам хõнтыс, юв тәяпастә (комментарий сказителя: тох ат ликмыс!) Тувыл най тусьтыс. Этимас, акваг пуңте саме мәньюмтас, ёл та хуйыгпас.

2. Ань õйка эти юв ёмуңкве патыс. Колә най султмыл нәглы: "Аман хõтпан ёхтувес, пәлтвес." Я-та, юв та сялтапас ань õйка: нә хуйи. Ань хум энтапе нёхсыл, уйыл лап-таг-таламе. Тав алысьлапын хум. Я тувл ань нә та хуйи. (Комментарий информанта: тав вос хуйи.)

Нёхс, уйхул нуйгалас, пүт та вәри. Пүтә астыс, аны хуныс. Акв õвлә нә касайл пиныстә, акв õвлә хум касайл пиныстә. – "Ам нупылм õлнә номтын те õлы, тәйен." Та квәлапас! Та унтылматас. (Комментарий сказителя: нәлән нõх та квәлттувес.)

Тәсыг, астысыг, ёл-хуйыгпасыг. õйкатә ләви: – "Холытан ам минәгум, вõйыңныл вõйың нёвьель пётән. Конытә кол сёмыл нуйыл нортәлн, юитә выгыр нуйыл нортәлн, акв аны кон унтән, акв аны юв унтән."

уничтожат! Словно вот они съедят кого-нибудь, вот они пропьют кого-нибудь."

– Да! И правда! (говорит пришедшая женщина).

– Внучка, скажи так: руки твои огромные, словно лопаты, которыми разгребают золу в очаге.

Внучка ей снова сказала: "Да, и правда так!"

9. И вот сейчас внучка ее собралась уходить.

– Ты сейчас пойдешь, там стоят два амбара на ножках. Ты не залезай в старый амбар, залезай в новый амбар, из новых ящичков ты возьми один ящик! – Этой женщине что еще нужно! Она обрадовалась, пришла к амбарам. Как ей сказали, так и взяла. И пошла к берегу, те самые звери снова выплыли из-под воды, она села на спину рыжему зверю, снова ее то поднимает, то опускает на волнах. Она вышла на берег, внесла в дом ящик, открыла его, оказывается, там огромная змея! Змея свернулась там и лежит. Так живут, и змея ее всю высосала. Так исчезла с лица земли эта женщина порнэ. А женщина мбщнэ со своим милым мужем и поныне блаженствуют, и поныне живут.

№4

Муж и жена Касыр

1. Мужчина живет. У него есть три дочери. Живут, поживают. Живут, поживают. Старшая дочь торопливо начала шить соболиную шубу. Родители спрашивают: "Ты куда наряжаешься?"

– Растущий человек ищет край, где есть много женщин, ищет край, где есть мужчина. Вышла на улицу, обошла свой дом один раз, и быстро отправилась в дорогу эта девушка. Долго ли она шла, коротко ли шла, вышла к старому, престарому дому. Она там одна около дома стоит, никого нет. "Ну что поделаешь, войду в этот дом" – говорит она. И вошла в дом. В доме грязно-грязно, много мусору. Она подмела и вымыла в доме. При уборке дома она нашла какой-то кусок жиру и съела его (а как же иначе, попала добыча в руки! – иронизирует сказитель).

Она развела огонь на чувале. Настала ночь, она с головой закуталась и легла спать.

2. Хозяин дома ночью возвращается и видит: из дымохода искры поднимаются, думает: там кто-то пришел в дом. И вот он быстро заходит в дом и видит: спит женщина.

3. Холытаныг ёмтыс, օйкатэ масапахтас, օлпыл та тахас. Ань нэ нօх-квօлапас, урумныл урум нёвыл пётапас. Конытэ хօвт тօлыл нортумтастэ. Юитэ нօңк талыл нортумтастэ. Акв օны юв унттыгпас, акв օны кон унттыгпас; пуңке, саме мօньмытас, ёл – хуйыгпас. Аквмат матарыт та ёхтыгпаманыл суйты. – "Наң мօныр лувօвыл пурасьлэґн?" – "Ам урум лувօвыл пурасьлэґум!..." Акватэ нуыл титыглахты: "Наң ос мօныр лувօвыл пурасьлэґн?" – "Ам օс урум лувօвыл пурасьлэґум." – "Наң мօныр тармыл ёмыгтэґын?" – "Ам хօвт тօл тармыл ёмыгтэґум." Юв сялтсыт, лавёгыт: – "Наң мօныр тармыл ёмыгтэґн?" – "Ам нօңк тօл тармыл ёмыгтэґум. Тул օйка, Тул օйка, йистօл нэ тотмын! – ут капаянэ лавсыт.

Ань нэ лօви: "Нօх вос օңкватօлнувум". Нօх-օңкватас, ань утанэн та паляявес, юв та вօхлятаптувес. Пуңковрисе кон нօх та таґматвес. Ань утыт таияныл вօтасасыт, та тахасыт.

Ань օйкатэ Этипօлаг ювле юврись, нօй та кос уральтօлы, акваґ нօй султум ат нёґлы. Пилум-хурум халт та ёманты. Тыг нёґлы: насати օкватэ пуңков ты ханы, вօтн вօтґасьлаве. Юв сялтапас: колэ хумле равтыма, та сирёт! Тув хот-хиласьластэ, օла օлмыгтас. օлмаятетёт, ат օлмаятетёт, вассыґ хота мօны.

4. Ань та օйка котльօгитэ осты нёхыс сахи, уй сахи օнтуңкве унтылматас. Та օнты, та вօри. Сахитэ нօх-масыс. Сяняґён օсяґён осты титыглаңкве патвес: "Хоталь минэґн?" – "Нօх-масгалахтэґн?" – "Хоталь минэґм!?! Нօх яныгман օлмхօлас хум миам хумың мօ тинсы, нэ миам нэґың мօ тинсы."

Кон квօлыс, колэ титсёс мувылтастэ, колсыс лёңхе хосыт та ёмантас. Ань колэн осты ёхтыс, сунсыглахты: увситэ пуңков кон ханы! Вассыґ ман, люляхօлтёмт хоталь минэґум, сялтэґум юв. Юв сялтыс: порссың, лёбль. Нօй тусьтыс. Сёпитытэ, колкан хосґиматэ пурьсы нёвыль сырам хօнтыс, юв та вотытастэ. Пуңкр, саме мօньмытас, ёл та хуйыгпас.

Тул օйка та ёманты, сунсы: колэ султмыл пօйтахты, номсօлы: – "Колм хотютн та пօлтыма!" օс օвисунтн ёхтыс, юв сялтыс, сунсы: нэ хуйи, пуңте саме мօньмытам. Нёхсэ, уе та нуйґалыянэ. Пут пётыс, путэ, օстыс, путэ хуныстэ.

Этот мужчина весь свой пояс кругом обвешал соболями, зверями. Он хороший охотник, а вот девушка продолжает лежать. (Пусть она лежит! — комментарий сказителя). Он освежил соболей и зверей, сварил ужин и еду наложил в чашку. На один конец чашки он положил женский нож, на другой конец чашки положил мужской нож. Говорит он: "Если ты желаешь жить вместе со мной, садись есть." Девушка быстро соскочила! И быстро села за стол. (Жадность ее подняла с постели, ведет себя бестактно — комментарий сказителя).

Они поели, кончили, затем легли спать. Муж ей говорит: "Завтра я уйду, а ты свари самое жирное мясо. Внешний порог дома застели черным сукном, а внутри застели красным сукном, одну чашку с пищей поставь на улицу, а другую чашку с пищей поставь в дом."

3. Настал следующий день, муж оделся и рано утром ушел. Жена встала, начала варить самое тощее мясо. Внешнюю сторону дома она застелила еловыми ветвями (небрежно). Внутри дома она (небрежно) застелила пол ветвями лиственницы. Одну чашку еды поставила в доме, другую чашку поставила на улицу. Укуталась с головой и быстро легла спать.

И вдруг слышит, неожиданно явились какие-то существа.

— Какую косточку ты грызешь? — они говорят.

— Я грызу тощую косточку!

И другого спрашивают: "А ты что за косточку грызешь?"

— Я тоже грызу тощую косточку.

— Ты по чему ходишь?

— Я хожу по еловым веткам.

Они вошли в дом, говорят: "Ты по чему ходишь?"

— Я хожу по ветвям лиственницы.

— Мужчина Облако, Облако, оказывается, ты взял недолговечную жену, жену с короткой жизнью! — те говорят.

Эта женщина подумала: выглянуть бы ненадолго. И выглянула из постели, а эти существа быстро набросились на нее и ее проглотили. И кожу с головы с волосами повесили на улице. Эти существа быстро справились с ее телом и быстро убрались.

Ее муж вечером идет домой, бедняжка, он все высматривает огонь, что-то искры не летят из дымохода. Со страхом, потихоньку он шагает, подходит к дому, смотрит (и видит): вот висит кожа с головы его жены с волосами, ветер ее туда-сюда мотает. Он быстро вошел в дом, видит: в доме как

Акв ъвлэ нэ косайыл питеытэ, акв ъвлэ хум касайыл пинеытэ, лэви: "Я-та, ам нупылм ълнэ номтын те ълы, квэлэн, тэиен!"

Ань нэ нѡх та квэлапас, вассыг ман! Тэѡкв та унтылматас. Ань хумитэ потыртаѡкве патыс: "Ам лэстанрисюм хѡнтыгласлын?" – Аа, – лэви, – кол сѣпытымам акв пурсь нѣвыль сырам хѡнтыгласум, юв тэяпаслум (комментарии слушающих: тамле мат лэставыл ълы?)

Ќйкатэ нэмхотум ат лэви. Ќйкатэн ханисьтавес: "Холытан ам минѡгум, вѡйыѡныл вѡйыѡ нѣвыль пѣтэн, кол конитэ сэмыл нуйыл нортэлн, юитэ выгыр нуйыл нортэлн, акв аны кон унттэн. Акв аны юв унттэн, аныягын унттѡгн, пиѡкын, самын мәнмытэн, ѡл-хуйыгпен, нѡх ул аѡкватэн. Увьстен аквтох та кос ханисьтаслум, лэтыѡ ат хунтлас."

Тэсыг, астысыг, ѡл та хуйыгпасыг. Холытан квэлсыг, ань ѡйкатэ алпыл масапахтас, энтапахтас, та минас.

5. Ќйка минас, урумныл урум нѣвыль пѣрияс, пут та пѣтыс. Конытэ хѡвт тэлыл нортытэ, юитэ нэѡк тэлдѡвлыл нортытэ. Акв анытэ кон унттытэ, акв анытэ юв унттытэ. Пуѡтэ, самэ мәнмытас, ѡл та хуйыгпас. Аквматэртн хунтлытэ: кон та ѡхтыгпаманыл суйты, потыртѡгыт: "Наѡ мәныр тармыл ѡмыгтѡгн?" – "Ам хѡвт тэл тармыл ѡмыгтѡгум." – "Наѡ ос мәныр тармыл ѡмыгтѡгн?" – "Ам ѡс хѡвт тэл тармыл ѡмыгтѡгм!" – "Наѡ мәныр лувѡвыл пурасьлѡгн?" – "Ам урум лувѡвл пурасьлѡгум!"

Я, ань юв пастыг. Ќс титыглахтѡгт: "Наѡ мәныр тармыл ѡмыгтѡгн?" – Ам, нэѡк тэл тармыл ѡмыгтѡгум! Наѡ ос мәныр тармыл ѡмыгтѡгн? – "Ам ѡс нэѡк тэл тармыл ѡмыгтѡгум!"

– "Тул ѡйка, Тул ѡйка, йистэл нэ тотмын, ноттэл нэ тотмын!" Ань нэ номсы: Нѡх вос аѡкватэлнувум, аман хурип утыт ѡлѡгыт? Нѡх-аѡкватас, оста сипгасавес." Пуѡксоврисе ѡс кон тагматвес, ѡс хотталь та тахасыт.

Ань ѡйкарись, этимас, ювлэ ты ѡхттахты. Сунсы: колэ сяр турман. Та кос нэѡ нѡгылтты, ман нэѡ ѡлы! Ќс пуѡксов кон ханы (комментарии сказителя: тав вос, ат хэсы!) Юв та сьлтысысыс: колэ ѡс равтлыгытма... Ќл та ѡлмыгтас, эл та хулмыгтас.

перерыто, так и оставлено! Немножко он прибрал свой дом, живет дальше. (Живи, не живи, больше куда же он денется, продолжает жить один – комментарий сказителя).

4. У мужчины средняя дочь тоже собралась и села шить шубу из соболиной шкуры, из звериной шкуры. Все шьет, все делает. Сшила она шубу; надела ее. Родители спрашивают: "Куда ты идешь, все одеваешься, наряжаешься?" – "Куда я иду!? Растущий человек ищет край, где есть мужчина, где есть женщина." –

Она вышла на улицу. Свой родной дом она обошла два раза и пошла потихоньку по тропинке, которая ведет вдаль от дома. Она тоже к тому самому дому пришла, свой взор она бросает кругом, видит: кожа с волосами с головы ее сестры висит на улице! (Что поделаешь, хоть сколько угодно стой, куда же она пойдет – комментарий сказителя). Вошла в дом, смотрит: в доме много мусору. Вот начала убирать, развела костер. В доме убирает, подметая пол, она нашла кусок свиного мяса и, конечно, проглотила его. Убрала в доме, затопила чужал, закуталась с головой и быстро легла спать.

Вот шагает мужчина Облако, смотрит: из дома его искры поднимаются, думает: "В моем доме кто-то развел огонь!" Он подошел к порогу, входит в дом, смотрит: лежит девушка, оказывается, она и голову укутала. Он освежает добытых соболей и зверей. Варить в котел мясо положил. Сварилась пища, переложил он в чашку. На один конец чашки положил женский нож, на другой конец чашки – мужской нож и сказал: "Ну вот, если ты желаешь быть моим другом, вставай, поешь!"

Эта девушка быстро соскочила с постели (что тут ждать! – комментарий сказителя) и быстро села есть. Этот мужчина говорит:

– "Ты находила ли мое точило?" – "Да, – говорит она, – занимаясь уборкой помещения, я находила кусок свиного мяса, и его я моментально съела" (комментарий слушающих: что за точило у него такое?)

Мужчина ничего не сказал жене. Муж научил ее так: "Завтра я уйду, ты свари самое жирное мясо, вне дома постели черное сукно, внутри дома постели красное сукно, одну чашку поставь в помещении, другую чашку поставь на улице. Поставишь эти чашки, закутай свою голову, быстро ложись спать, не выглядывай с постели. Твою старшую сестричку учил-учил, она не послушалась меня."

6. Я-та, аквматэртн та ойка маны аги оста нёхыс сахи, уй сахи юнталтас. Та вәри, та юнты. Аквмат сахитэ оста астыс. Нёх-масыстэ, энтхатас. Асе лави: "Хоталь минэҥн?" Ань агитэ лави: "Нёх-яныгман элмхоблас, нё мидам нэҥ (нэҥың) ма тинсы, хум мидам хумиң ма тинсы!" Акв вёй сульга пүтин магумтас, кон квәлыс, колэ хурумсёс мовылтастэ, ос колсыс лёҥхэ хосыт та ёмы.

Хоса ёмыс, вәти ёмыс, ос хассытым, таҥквитым колн ты нёҥлыс: увсияге пуҥсовыг кон ханэҥ! Юв та сятлыс, кол ос акваг хот-равтыма. Нәй тусьтыс, колэ та хосгитэ, колэ сёпитас. Колэ сёпитыматэ ос пүрысь нёвыль сырам хонтыс, иснас хәпн пинумтастэ. Пуҥте саме манымытас, ёл-хуйыгпас.

Ань ойка этимлас осты ювле юв, сунсы: колэ нәйыл палтыма. — Я-ты, колум оста нәйңыг ёмтыс. Та ёманты, юв та сятлыс: нэ хуйи.

Аньмунт йимёт хөвтыгн нәҥкыгн ты патаве, та патаве! Вёй лөмтыл сартумтасагэ, тув та ротмыгпасыг, лёлөҥ сохтыл.

Ойка ос нёхс сов, уй сов та нуйгалы, пүт та пётыс, пүтэ пайты. Пүтэ астыс, хуныстэ. Акв өвлэ нэ касайыл пинумтастэ, акв өвлэ хум касайыл пинумтастэ. Эква ос нёх-квәлттытэ: "Квәлэн, ам нопылум өлнэ номтын те олы, тәен." Ань нэ нёх та пёрмтахтас, та тэҥыг. Тэҥкв патсыг ань нэ ос титыглаве: "Ам лэстанрисюм хонтыгласлын?"

— Хонтыгласлум, йснас хәпт та хуйи. Ос элаль та потыртаве, ханьсытаве: "Ам холытан алысьлаҥкве минэҥум, наҥ вёйыңныл вёйың нёвыль пётэн, конытэ сёмыл нуйыл нортэҥн, юитэ выгыр нуйыл нортэҥн, акв анытэ кон унттэҥн, акв анытэ юв унттэҥн."

7. Я-ты, холытаныг ёнтыс, хумитэ алысьлаҥкве та мидам. Ань нэ нёх-квәлыс, вёйыңныл вёйың нёвыль тинсыс, пүт та пётыс. Конытэ сёныл нуйыл нортыстэ юитэ выгыр нуйыл нортыстэ. Акв анытэ кон унттыстэ, акв анытэ юв унттыстэ. Пуҥте, самэ манымтас, ёл та хуйыгпас. Ань аквматэрт хунтлытэ: оста кон ёхтуманыл суйты: "Наҥ маныр тармыл ёмыгтэҥн? — "Ам сёмыл нуй тарвыл ёмыгтэҥум, вёйың лувөвыл пурасьлэҥум!" Юв сятлыс, титыглахтэҥыт: "Наҥ

Поели они, кончили и легли спать. На-завтра они встали. Ее муж рано быстро оделся, быстро подпоясался и ушел на охоту.

5. Ушел муж, она выбрала самое тощее мясо и начала варить пищу. Внешнюю сторону дома она застелила еловыми ветвями, внутри помещения застелила ветвями лиственницы. Одну чашку она поставила на улицу, другую поставила в помещении. Закуталась с головой (голову с глазами закрыла) и быстро легла спать. И вдруг слышит: на улице какие-то существа пришли и разговаривают: "Ты по чему ходишь?" – "Я по еловым ветвям хожу." – "А ты по чему ходишь?" – "Я тоже хожу по еловым ветвям!" – "Ты какую косточку грызешь?" – "Я грызу тощую косточку!" И вот они попали в помещение. Снова они спрашивают друг друга: "Ты по чему ходишь?" – "Я хожу по ветвям лиственницы!" – "А ты по чему ходишь?" – "Я тоже хожу по лиственничным ветвям!"

– Мужчина Облако, Облако, оказывается, ты взял недолговечную жену, жену с короткой жизнью! – предсказывают эти.

Эта женщина думает: "Выглянуть бы ненадолго (я бы ненадолго выглянула), что за существа здесь находятся?" Она выглянула, и ее тоже обсосали, эти съели ее. С волосами кожу с ее головы они повесили на улицу, снова куда-то ушли.

Потемнело, этот мужчина возвращается домой. Смотрит: в доме совсем темно. Как бы он ни высматривал огня, где там огонь! Снова на улице висит с волосами кожа с головы (комментарии сказителя: пусть так, раз она не умеет правильно делать, не умеет слушаться!" Бедный муж вошел в помещение, видит: в доме снова все перерыто... Начал он дальше жить-поживать.

6. И вот однажды младшая дочь мужчины тоже начала готовить для себя соболиную шубу, звериную шубу. Все делает, все шьет. И вот ее шуба готова, она ее надела, подпоясалась, отец ей говорит: "Куда ты идешь?" Эта дочь говорит: "Растущий человек ищет край, где есть женщины, где есть мужчины!" Она бутылку жира сунула за пазуху, вышла на улицу, свой дом обошла кругом три раза и пошла по тропинке, которая ведет в лес, за дом.

Когда она шла, казалось, ели и сосна вот-вот упадут на нее! Она их мазнула немного жиром, и они мгновенно успокоились, остановились, стоят спокойно. А она идет дальше. Долго ли шла, коротко ли шла, тоже вышла к старому-старому дому, смотрит: кожа с волосами с голов ее сестер висит на

маныр тарвыл ёмыгтэгн?" – "Ам выгыр нуй тәрмыл ёмыгтэгум, вёйың лувёвыл пурасьлэгум."

– "Тул ойка, – Тул ойка, йсың нэ тотмын, нотың нэ тотмын!" Тан тох та йисыл, нотыл хултсаныл. Ань нэ та хуйи, нох ат аңкваты.

Ос этимлас, ойка ювле ты ёманты: колэ найыл тэг. Та сьэгтыс, ёхтыгпас, юв сьалтапас, вассыг ман: нэтэ унлы!

– Мблал увсьтёгын таимагыс та кос ханьсьтасагум, латың ат хунтласыг, та таяпавесрисиг, – ань хум лавыс.

8. Хоса олсыг, вати олсыг, аквмат пыгрись ты осьсыг. Аквматэртн экватэ юв ты воратаңкве патыс, лави: "Пыгум наң палтын вос хультсы, ам юв ялэгум."

Ойкатэ лави: "Наң ялсэн, хуйэн, хотал ул олэн, юв йиен."

Ань нэ та тахас, та минас. Юв ёхтыс, юн та олы. Эт хуйяс, лави: "Аквман хоталрись ос олэгум." Та олс, холытан квалс, та минмыгтас. Та ёманты, тох миныматэ мблал вёйыл сартум наңкаге ховтаге палт ёхтыс, хот-тыпыс. Та кос ёмыгты. Этимаңкве патыс. Наңк тытн та унтыс. Та унлахоблы. Аквёртн матыр ты лургалтаве. Аквмат олн апа тав элыпалэн тыг ты патыс. Я-ты, ань апа тйвырн ты хуяс. Нбңхаль та хассумтавес, та холыгтаве. Нбх торумн та хәхтувес. Хоталэкв колн тув та тұлвес. Та олэгт, этипалаг най унтнэ порат хотал эква ты ёхтыс. Увськвёг ань нэ та осьмаявес.

Алпыл квалы хотал эква, минуңкв паты, лави: "Увсьтён хасап тйвырн ул вос аңкваты, тув ул тәратэлбн." Тав ман нйврамыг тайи хунь уралътэг!"

9. Тав унлахоблыматэ номсы: "Ам ань хасап сәйн аманрыг ат тәратавем? Тув вос аңкватәлнум." Тув хасап тйвырн аңкватас; ойкатэ нйврамың тагыл лёньсим ты ёмыгты. Ань нэ хот та лёньсялтахтас.

Ань сянаныл этипалаг ты ёхтыс, лави: "Ам ты лавёгум, увсйн хасап тйвырн ул тәртәлбн." Тан лавёгыт: "Аты, ат тәртәлыслу." – "Хоталь ат тәртәлыслын! Аквмат самвитанэ тыттыят, ам кәт аламт тытты лёлөгыт."

Я-та, аквматэртн хотал эква лави: "Я, миннұвын?" – Миннұвум, нйврамрисюм лёньси."

улице. Она вошла в дом, убрала в доме. Когда наводила порядок, тоже нашла кусок свиного мяса, положила его на подоконник, укуталась с головой и легла быстро спать.

Стемнело, этот мужчина снова возвращается домой, смотрит: в его доме кто-то развел огонь. — Ну хорошо, в моем доме снова появился огонь. И шагает он, вошел в дом, лежит женщина.

Мужчина опять освеживается соболей, зверей, приготовил в котле пищу. Пища готова, наложил в чашку пищу. На один конец чашки положил женский нож, на другой конец чашки положил мужской нож. Женщину он опять так же будит, просит встать: "Вставай, если желаешь жить со мной, и ешь." Эта девушка быстро встала, и они стали есть (едят они вместе). Начали есть, опять так же он ее спрашивает: "Мое точило ты не встретила?"

— Встретила, вон лежит на подоконнике. Он ее (как и прежде) учит уму-разуму, говорит ей: "Я завтра поеду на охоту, ты свари самое жирное мясо, вне дома постели черное сукно, внутри дома постели красное сукно. Одну чашку с мясом поставь на улице, другую — в доме."

7. И вот настал завтрашний день, и муж ее ушел на промысел. Эта женщина встала, выбрала самое жирное мясо и поставила варить. Вне дома она постелила черное сукно, внутри же дома постелила красное сукно. Одну чашку с мясом она поставила на улице, другую чашку поставила в доме. Быстро укуталась с головой и легла спать. И вот слышит: те опять пришли, разговаривают на улице: "Ты по чему ходишь?" — "Я хожу по черному сукну, грызу (лакомно) жирную косточку!" Вошли они в дом, спрашивают они друг друга: "Ты по чему ходишь?" — "Я хожу по красному сукну, грызу (лакомно) жирную косточку!"

— Мужчина Облако, Облако, ты взял долговечную жену, жизнь ее будет долгая! — предсказывают они. Эта женщина продолжает лежать, голову не высовывает.

Снова настал вечер, вот мужчина возвращается домой, видит: в доме есть огонь. И обрадовался он, быстро пришел, вошел в дом, и увидел жену, сидит она!

— Прежде твоих сестер (по этой причине) я учил, они не слушались, и их проглотили те.

8. Долго ли жили, коротко ли жили, у них родился мальчик. Однажды его жена начала проситься домой, говорит: "Пусть сын останется с тобой на время, я схожу домой." Муж

Я-та, ёл та тәртавес аквта олн а́патэ́тыл. Аквта нāңк тытэ́н та тārматвес, вассыг акваг хот ат тыпи, ань ойкaтэ́ палт та хāйты. Ойкaтэ́нтыл та олмаясыг, ань та сюнэг, ань та хулэг.

говорит: "Ты сходи, переночуй, но не оставайся на целый день, вернись домой."

Эта женщина быстро ушла. Пришла она домой, живет долго. Ночь переночевала, говорит: "Останусь еще на один денечек." Осталась, на завтра встала и отправилась в дорогу. Идет, так шагая, пришла к тому месту, где прежде она намазала жиром лиственницу и ель, и заблудилась. Она очень долго ходит. Начало темнеть, и села она у основания лиственницы и посиживает. Вдруг кто-то чем-то забренчал, и вдруг металлическая люлька перед ней упала. И вот она в эту люльку легла. Ее быстро дернуло наверх, и быстро ее везут. Наверх к небу ее подняли и ввели её в дом женщины-солнца. И живут. Вечером с заходом солнца она (женщина-солнце) пришла домой. И эту женщину дети солнца начали называть старшей сестрой.

Она (женщина-солнце) утром встает, начинает уходить и, уходя, говорит: "Ваша старшая сестра пусть не заглядывает в полог, вы ее туда не пускайте." Дети то тут, то там, они же за этим не будут следить!

9. Женщина – старшая сестра сидит и думает: "Почему же мне не разрешают туда заглянуть? Я бы заглянула туда ненадолго." Она заглянула в полог, видит: ее муж с ребенком ходит туда-сюда, плачет, ждет ее. И женщина тут зарыдала.

Вот мать-солнце вечером вернулась домой, говорит детям: "Я же говорила, чтобы вы свою старшую сестру не пускали, не разрешали заглядывать в полог." Те говорят: "Нет, мы ее в полог не пускали." – "Как же вы не пускали! Видите, вот ее слезы лежат на моей ладони."

И вот однажды мать-солнце говорит: "Ты ушла бы от нас? – Я ушла бы, мой бедный ребенок плачет там. –

И вот ее вниз спустили в той же металлической люльке. Ее выпустили у того же самого основания лиственницы, где она садилась в люльку.

Больше она и не блуждает, бежит и приходит она к своему мужу. И начали жить они со своим мужем, и поныне они здравствуют, блаженствуют.

№5

Маленькая мōщнэ, маленький мōщхум

1. Маленький мōщхум живет с сестрой. Его сестра день и ночь шьет одежду из соболиных шкур, звериных шкур.

Мāнь мōщнэ ос Мāнь мōщхум

1. Мāнь мōщхум ягāгитэнтыл олэг. Ягāгитэ этэ хōталэ нэхс вāрнут, уй вāрнут та вāри. Мāнь мōщхум тай этэ хōталэ та ялы сэмлуй, выгруй алым. Аквнакт āпситэ вōрн мīнас. Тав вāрнут вāрнэтэ халт номсы: "Āпсим ты ёхты, пүт вāрэгум, колканн вāглэгум." Тав пāлт унлы. Түп колканн вāглыс, ань нэ пүнксовёныл нōх та хассумтāвес. Нōх хассумтанэтэт матыр та лүраты, сылыт та лүратэгыт. Ань нэ ёмас палыт та ханасьлы. Тувл ёл та тāрматаве. Ань пүтэ ты тагматытэ молямтахтым. Āпситэ ёхтын мос вос āстыгпас. Āнкваты: āпситэ тытты юв! Молямтахтым пүтэ пāг āлмаитэ, усюм āпситэ тыттуңкве эри. Тувл тэңкве та унтэг, тэгыг.

2. Холытаныг ёмты, ос āпситэ мīны вōрн. Ань нэ ос вāрнутэ пōхан пинумты, ос аквта хольт пүт вāри кос. Пүтэ түп тагатаңкве ёмталастэ, ос ты пүнксовёныл нōх-тагматвес. Ос та ханасьлы. Тувл ос та ёл-тāрматвес аквта хольт. Āпситэ та юв. Ань нэ пүтэ астуңкве ат алымас, пāг āлмаястэ, āпситэ тыттыстэ ат āстум пүтыл. Āпситэ ос нэматыр ат лāви, нас та блы.

3. Холытан ос хүрмиттыг ты мīны, алпыл. Āпситэ мīнас, ань нэ ос вāрнут та вāри, та юнты. Пүт вāрнэ пораг ёмтыс, ос колканн вāглыс, аквта хольт оста нōх-хассумтāвес пүнксовёныл. Тувл ягпыге ёхтуңкве ляпамас, ос ты ёл-тармāтвес. Āпситэ та юв. Ань нэ ос пүтэ тагматыгластэ. Āпситэ ёхтыс, пүтэ ос няртāгыл пāг та āлмаястэ. Ань тэңкве патэг, ягпыге лāви: "Пүтын манрыг хүрмит хōтал пāсыл няр?" – "Ат вāглум, ос пүт вāруңкве патэгум, кол алан та хассумтāвем. Матыр лүраты, лүрги." Ягпыге лāви: "Та сир, холытан ам юв туйтхатэгум." Юв туйтхатас ань хум холыт хōтал. Увситэ та юнты, та вāры. Пүт вāрнэ поратэ ёхтыс. Пүт вāруңкве пāлныл нāлув вāглыс, ос пүнксовёныл нōх ты хассумтāвес кол алан. Нōх-хассумтāвес ань нэ. Ягпыге сунсы: сылың кātпал кол аланыл нэглум. Ань нэ ягпыге сырае вис,

А маленький мѡщхум день и ночь ходит добывать черных зверей, рыжих зверей. Однажды ее брат отправился на охоту. Она, занимаясь шитьем одежды, думает: "Скоро брат вернется, приготовлю еду, спущусь на пол". Она обычно сидит на нарах. Как только она спустилась на пол, ее вдруг схватили за волосы и быстро приподняли кверху. Когда ее дернули кверху, при этом что-то прозвенело, как будто бубенчики звенели. Затем ее опускают вниз. Она быстро вешает котел. До прихода брата пусть сварится пища. Тут она обернулась: брат уже идет! Она мигом сняла котел с костра, уставшего брата надо кормить. Они садятся есть, едят.

2. Наступает следующий день, брат снова отправляется в лес. Девушка опять в нужное время откладывает свое шитье, как и прежде, намеревается приготовить пищу. Она только хотела повесить котел, ее снова быстренько подвесили за волосы. Она опять висит. Затем через некоторое время ее, как и прежде, спустили вниз. А брат ее тут как тут. У девушки пища и на этот раз не успела свариться, она накормила брата недоваренной пищей. А брат ее по этому поводу снова ничего не говорит, не делает замечаний.

3. На следующий день он уже третий раз отправляется в лес рано утром. Брат ушел, а сестра все мастерит одежду, шьет. Настало время приготовить пищу, она снова спустилась на пол, как и прежде ее дернули за волосы вверх. Приблизилось время возвращения брата, ее спустили вниз. Идет брат. Эта девушка снова вешает свой котел ненадолго. Пришел брат, она котел с сырой пищей быстро снимает с костра. Начинают есть, тут брат ей говорит: "Почему твоя пища уже третий день все сырая?" – "Ведать не ведаю, только намереваюсь варить пищу, меня быстро вздергивают к потолку. При этом что-то звенит, звенит." Брат говорит: "Если так, то завтра я спрячусь в доме." На завтра он спрятался в доме. Сестра его шьет, делает одежду. Наступило время приготовить пищу. Спустилась она с нар для приготовления пищи, ее снова за волосы дернули к потолку. Вверх подвесили эту девушку. Брат ее смотрит: с потолка виднеется рука с бубенчиками. Брат этой девушки взял свою саблю и отрубил эту руку – руку с бубенчиками. Взял он ее в руки и говорит сестре: "Положи ее на дно неприкосновенного мешка, положи ее на дно неприкосновенного ящика. Если ты отдашь кому-нибудь эту отрубленную руку, ты меня больше не увидишь, и я тебя больше не увижу." Сестра взяла руку ту, положила как можно подальше.

ань кятпал сӑграпастэ – силың кятпал. Вистэ кятн, ягӑгитэ нопыл лӑви: "Ёхытлаттӑл хурыг паттан пинӑлн, ёхытлаттӑл тӑтап паттан пинӑлн. Ты кятпал те хотютн мыгн, наӑ аӑнум сусмын тый, ам наӑын сусмум тый." Увситэ ань кятпал вистэ, ёл та сӑпитастэ.

4. Та блӑг, та хулӑг. Холытаныг ёмтыс, аквмат ӑртн мӑнь мӑщнӑ юныскаты. Авиныл нӑ коныл нӑглыс, рӑнхи: "Апситем силың кятпал тыг маёлн. Апситем ты хӑлы. "Ань мӑщнӑ лӑви: "Матыр ӑлмхӑлас колын ёхты, коныл хунь рӑнхи, юв сялты." Ань нӑ хотталь та тахас. Ань холытан аквта нӑ осты ёхтыгтас, ӑс аквтох коныл рӑнхи. Мӑнь мӑщнӑн вӑваве: "Юв сялтӑн." Юв ат сялты нӑ.

– Ягпыгн юн ӑлы. Ам ат сялтӑгм. "Таитӑт хотталь та тахас ӑс. Тувл ӑс ёхтыс. Я-та, акв лӑглӑ юв тусьтыстэ осты рӑнхи аквта сирл. Ань мӑнь мӑщнӑ лӑви: "Юв сялтӑн." Аквмат ӑртн юв лӑсылакве ты сялтыс. Ань мӑнь мӑщхумн та пуваве. Ань мӑнь мӑщхум ёрыг ёмталанӑт порат кол паттан ёхталӑг. Порнӑ ёрыг ёмталанӑт порат кол авин ёхталӑг. Аквмат ӑртн – мӑнь мӑщхум ӑрыг тотунӑкве, мӑйт тотунӑкве лӑввес – кол патта нупыл таитэ та воськасастэ, ёрыг ёмтыс. Ань мӑнь мӑщхум лӑви: "Ань ам нопылум та патсын. Тӑрум ӑлнӑ юртыг та выглум." Ань порнӑ та ӑлмыгтас мӑнь мӑщхум палт.

5. Мӑнь мӑщхум вӑрт яласы, ӑтӑ хӑталӑ та ялы. Ань порнӑ ӑлыматӑ мӑщхумныл пыгрись ӑньсис. Тувыл ань пыгрисе ён-гын янытыг ёмтыс. Тав пыгрисе ань ханисьтытӑ, лӑви: "Наӑ матыр ёнгын утыл мивен, тув ул пӑхтӑн, лӑвен: "Сасыгтем силың кятпал аӑнумн маёлн."

Тав ань кон тӑйтхаты порнӑ. Ань пыгрись кос манарыл мӑйве, ат таӑнхи, лӑньси. Акваг лӑви: "Сасыгтем силың кятпал тыг маёлн." Порнӑ кон тӑйтхатас, ӑрттам сӑп ййвн тав мӑнас. Ань мӑнь мӑщнӑ номсӑлы, тав сар порнӑ тӑра хунь ёхты. Ам мосьсян маяпӑ лӑлум. Ань хурыг хӑлаты хурыг паттаныл нӑх ты выгтӑ силың кятпал. Тувл пыгрисьн мистӑ.

6. Тӑн кӑмт нӑ юв та нарумтас. Пыгрисе лапаяптастӑ силың кӑтыӑтагыл, ань та тотыстӑ. Мӑнь мӑщнӑ лӑньсиглы,

4. И поживают они. Однажды маленькая мѳщнэ шьет. В дверях показалась женщина и кричит: "Дай мне руку моего брата с бубенчиками. Мой брат вот-вот умрет." Мѳщнэ ей говорит: "Всякий пришедший человек не кричит с улицы, заходит в дом." Та женщина сейчас же куда-то исчезла. На следующий день она снова пришла, снова она о том же с улицы кричит. Маленькая мѳщнэ так же по-прежнему отвечает: "Заходи в дом." – "Твой брат дома. Я не найду." С этими словами она опять куда-то исчезла. Через некоторое время она снова пришла. На этот раз она одну ногу поставила в дом и то же самое кричит, как и прежде. Маленькая мѳщнэ говорит: "Заходи в дом." И вот наконец она медленно зашла в дом. Тут ее хватает маленький мѳщхум. Когда сила на стороне маленького мѳщхума, он оттаскивает порнэ от двери. Когда сила на стороне порнэ, она того подтягивает к двери.

От рождения было суждено маленькому мѳщхуму быть человеком песни, человеком сказки – он отбросил ту женщину в передний угол, осилил ее. Тут маленький мѳщхум говорит: "Теперь ты моя. Будем вместе век проживать." Порнэ начала жить у маленького мѳщхума.

5. Маленький мѳщхум промышляет в лесу, день и ночь ходит. Так поживая, Порнэ от мѳщхума родила сына. Мальчик вырос, может самостоятельно играть. Она, сына поучая, так говорит: "Тебе дадут игрушки, не бери их в руки, говори: "Дай мне руку моего дяди с бубенчиками."

Порнэ спряталась на улице. Мальчику то дают это, то дают то, не берет, плачет. Все твердит: "Дай мне руку моего дяди с бубенчиками." Порнэ спряталась на улице, якобы, она ушла за нуждами для детской люльки. Тут маленькая мѳщнэ думает, порнэ не скоро вернется. Надо дать ту руку мальчику ненадолго. Она распоролa неприкосновенный мешок, со дна этого мешка вынимает ту руку с бубенчиками и отдала ее мальчику.

6. В этот миг та женщина бросается в дом. Она хватает своего сына вместе с той рукой с бубенчиками и убегает навсегда. Маленькая мѳщнэ плачет, горюет, туда-сюда ходит. Смотрит она через болото, по тому берегу идет ее брат. Как посмотрит она, брат все на одном и том же месте идет. Тут она пошла, подходит к брату. Приходит туда – ее брат окаменел, превратили его в камень, сзади в него, оказывается, запустили стрелу. После этого какая может быть слава у мѳщнэ. Она не послушала совета брата. С тем горем и бедой она поныне живет.

тыстыгылы, та ёмыгы. Яңкылма а́луппал лялыт сунсы, а́пситэ юв. О́с а́ңкваты, а́пситэ аквта ма́тэт иң та юв. Тыгыл а́нь тув ё́ми а́пситэ палт. Тув ё́хты, а́нь а́пситэ а́хвтасыг овумлам, а́хвтасыг овумлаптыма, юил а́нь нъялыл лайима. Тав ла́тңэ, ма́щнэ ла́тңэ хоталь тотаве вассыг. А́пситэ ла́тыңн ат ху́нтлас. Та савё́т, та вёсё́т а́нь та ё́лы, а́нь та сюни.

№6

Ма́щнэ́г порнэ́г (йис потыр)

1. Ма́нь ма́щнэ́кве порнэ́л акв па́вылт ё́лэ́г. Ка́сың нэ́тэн а́йгыг пыгыг ё́ньси. Аквна́кт ё́лыманл порнэ́ коныл ты ся́л-тапас, ла́ви: "Ты́нэ, ты́нэ, найв ату́нкв я́лымён." Ма́щнэ́ ла́ви: "А́ть, ам ат я́лэ́гум, ам на́йив ё́ньсе́гум. Ам нъя́врамум мо́льща́ң ю́нтэ́гум, ат а́лымё́гум. Порнэ́ тыг ат ху́нтлы, а́нь ма́щнэ́кве та вё́витэ, та касилты́тэ. Аквма́т э́рт а́нь нэ́ та ка́сасяс, ла́ви: "Ты́яныт се́хлаңын патсын, ху́ньти я́лымён." Та ми́насыг. Хо́са ми́насыг, ва́ти ми́насыг, сы́пн ё́хтысыг, ё́мас ла́юлиң сы́п. Порнэ́ ла́ви: "Ма́щнэ́кве, на́ң та́хамтэ́н." - А́ти, на́ң та́хамтэ́н. На́ң те́р ё́сал ё́лэ́гн, э́ла тотавен." Порнэ́ - те́р ё́саң нэ́, ма́щнэ́кве ййв ё́сал ё́лы. Ха́лэ́нт та во́ратах-тасыг, та во́ратахтасыг. Порнэ́ ла́ви: "На́ң ул пи́лэн, на́ң ё́л ё́хтэ́гн, ам усь та́хамтэ́гм." Аквё́рт ма́нь ма́щнэ́кве та ка́сасяс, тав са́ртын та та́хамтас. Сы́п котильн ту́п ё́хтыс а́нь те́р ё́саң порнэ́н юил та ё́хтыгпа́вес, сы́стэ́тэ супыг та та́хамта́вес. Вассыг ма́н лылы ё́ньси а́нь нэ́кве. Порнэ́н сунн та́лтту́вес, юв та тотаве.

2. Ма́нь ма́щнэ́ а́йгыг пыгыг та кос у́рхатэ́г, ома́тэ́тэ́н аква́г а́тим, ат ё́хты. Увси́тэ ла́ви а́пситэ но́пыл: "На́ң ё́лэ́н, ам порнэ́ колн я́лэ́гм, уральта́хтэ́гм." Та ми́нас, тув ё́хтыс, нё́х-ха́ңхыс, суру́м¹ су́нтныл ювле сунсы: сы́нён а́рась ва́тан пи́ныма, ты толтыгла́ве, поля́м нё́влиг по́лима.

Порнэ́ нъя́врамыг ла́вёг: "Са́ме ам тэ́глум." Ма́танэ́ ла́ви: "Па́ле ам тэ́глум." Сы́нён ла́ви: "Ха́ш-хаш-хаш, нэ́н тав

1 сурум сунт – дымоходное отверстие в землянке (или в берестяном домике) с кострищем посредине пола.

Мбщнэ и порнэ (предание)

-1. Маленькая мбщнэ и порнэ живут в одной деревне. У каждой из них есть дочь и сын. Так поживая, однажды порнэ зашла к мбщнэ и говорит: "Подруга, а подруга, сходим за дровами". Мбщнэ ответила: "Нет, я не пойду, у меня есть дрова. Я шью малицу ребенку." Порнэ словно не слышит это, все продолжает звать мбщнэ, все настаивает на своем. И вот та согласилась, говорит: "Если ты так упорно настаиваешь, сходим." И пошли они. Долго ли шли, коротко ли шли, дошли до горы, довольно высокий скат. Порнэ говорит: "Мбщнэ экве, ты первая скатись." – "Нет, ты скатись первая. У тебя железные лыжи, (быстро и) далеко покатишься". Порнэ обладает железными лыжами, а у мбщнэ деревянные лыжи. Они между собой спорили, спорили долго. Порнэ говорит: "Ты не бойся, ты дойдешь до низа, я лишь тогда покачусь." В конце концов маленькая мбщнэкве согласилась, покатилась первая. И как только она дошла до середины горы, ее догнала порнэ на своих железных лыжах и переломила ей позвоночник. Может ли она быть живой после этого? Порнэ ее погрузила на санки и повезла домой.

2. Дочь и сын маленькой мбщнэ ждут и ждут свою маму, ее все нет, не возвращается. Сестра говорит брату: "Ты подожди (дома), я схожу в дом к порнэ, посмотрю, (в чем дело). И пошла она туда, пришла, залезла на крышу, смотрит в жилье через (дымоходное отверстие) сурум сунт: их мать положили к очагу, оттаивают, она сильно проморозилась. Дитя порнэ говорит: "Глаза ее я съем." А другой говорит: "Я съем ее ухо." Тут мать им говорит: "Хаш-хаш-хаш, вы съешьте глаза и уши ее детей. Они мягкие (нежные). Эти жесткие глаза, жесткие уши я сама проглочу, вы погодите, там для вас есть молодые глаза, молодые уши." Дочка (мбщнэ) тут встрепенулась. Быстро она спустилась вниз, побежала домой, взяла большой берестяной кузов, братика посадила в него. Положила с собой частый гребень, огниво и точильный камень. Братика подняла в кузове, кузов надела на спину и пустилась в бегство.

3. Долго ли шли, коротко ли шли, однажды доченька (мбщнэ) слышит: за ними гонятся, вот-вот догонят их. Доченька мбщнэ кузов с братиком быстро поставила на землю,

нйврамаге самыг, тав нйврамаге палиг тәен. Тай кәминьтат. Лувың сам, лувың паль амти тәяпилум, нән сар ләсял, мәнй сам, мәнй паль тот блы. Ань агикве та рохтуптахтас. Молямтахтым ёл-вәглыгпас, юв хайтыс, яныг пайп алмаяс, апситетә та тйвырн тусьтыгпастә. Акв пәль консуп ёт пиныс, акв нәй ахвтас ёт пиныс, ос ләстан ёт пиныс. Апситетә алмаястә, сысн хунтмыгпастә, та оймыгтасыг.

3. Хоса, ман вәти миначыг, аквмат миначыг ань агикве хунтлытә: ты нйвлавёг, ты ёхтавёг та ёхтавёг. Ань мөщнә агикве апситә ёл-унттыгпастә, коспе алмаястә, та воськастә, тымос ләви: "Ам ләтнум эл те мйны, ам потрум эл те мйны, паль ләптәл, нёл ләптәл пәль вөр вос унтхаты. Та тәра порнә ул вос пасапи." Ань мәнй мөщнә агикве ювле аңкватас, сунсы, сөль та хурип пәль вөр тәлум, нёл ат ләпи, паль ат ләпи. Ань нйврамаквёг мось лылыянэн та нәглапасыт.

Ос элаль та минэг. Хоса миначыг, вәти миначыг, аквматэртн вәгтыглас. Апситә ёл-унтыстә, усялахты. Ань порнә оста сумыллас, сәхил суге хоттыл пәсыл суйты, тымос ләви: "Сар ләсял, нән хоса патыл ат бньсёгбн, ам нәнн юил ёхтыгпиягум." Аквмат эртн ты нәглапас, ты нуйхаты. Супанә квәлганә сяр пулиг маныгтымат вөр тәра воратәлыматә.

4. Ань мәнй мөщнә агикве нәй ахватасә нөх та ләгматастә, порнә йинә нопыл та воськастә, тымос ләви: "Ам потрум эл тә мйны, ам ләнхум эл тә мйны, төрумн тәлум, мәнн тәлум яныг нәй вос пәламлы. Порнә тот хотталь вос тотаве." Ань агикве ювле аңкватас: сөль, тахурип нәй пәламлам, ты хорги. Мәнй мөщнә агиквёг пыгквёг мось лылыянэн та нәглапасыт, ос элаль та минэг. Нәмат хоса ат миначыг, ань порнә осты йинетә суйты; лявты, капырты: "Нән хоса патыл ат бньсёгбн, ам нәнн тах!"

5. Мәнй мөщнә агикве ләстанә нөх-ләгматас, порнә йинә мә нопыл та сәлтумтастә; тымос ләгалас: "Ам потрум эл тә мйны, ам ләнхум эл тә мйны, та хурип ахвтасың ур, та хурип яңкың ур вос унтхаты. Порнә нөхнув ялы, ос аквтув элаль вос нуяве. Тав тот консыматә кәтаге тоңар холът вос

схватила свой частый гребень и бросила, при этом промолвила: "Если слух обо мне пойдет далеко, весть обо мне пойдет далеко, пусть возникнет такой густой лес, куда бы нельзя было сунуть нос, куда бы нельзя было сунуть ухо. Пусть через такой лес не сможет пройти порнэ." Дочь маленькой мѳщнэ посмотрела назад, смотрит и правда, такой густой лес образовался, не проникнет в чашу ни нос, ни ухо. Этим милым детям чуть полегче стало.

Они еще дальше пошли. Долго ли шли, коротко ли шли, и вот устали. Сестра кузов с братиком поставила на землю, отдыхает. И тут снова послышалось приближение порнэ, далеко слышится ее глубокое дыхание, слышится ее голос: "Вы погодите, вы далеко не уйдете, я вас обязательно догоню." И вот показалась (порнэ), быстро несется. Вся одежда ее порвалась, когда она пробиралась через густой лес.

4. Дочка маленькой мѳщнэ быстро вытащила огниво, бросила в ту сторону, откуда идет порнэ, при этом молвила: "Если слух обо мне пойдет далеко, весть обо мне пойдет далеко, пусть возникнет огромное пожарище от земли до небес. Пусть там пропадет порнэ." Эта доченька (мѳщнэ) поглядела назад: и правда возникло пожарище, так полыхает. Дочь и сын маленькой мѳщнэ на некоторое время опять спаслись, они снова двигаются. Не долго они шли, снова слышится приближение порнэ; слышно, ругается она: "Вы далеко не уйдете, я справлюсь с вами!"

5. Дочка маленькой мѳщнэ вытащила свое точило и бросила его в сторону, откуда идет порнэ, при этом молвила: "Если слух обо мне пойдет далеко, весть обо мне пойдет далеко, пусть возникнет такая большая каменная гора, такая большая ледяная гора. Пусть порнэ по ней немножко покарабкается, а затем скатывается. Пока она там карабкается, пусть ее пальцы утолщенно-уродливыми, короткими станут. Пусть она не сможет перебраться через горы." Эта доченька поглядела назад: и правда, образовалась такая большая каменная, большая ледяная гора. И вот снова они спаслись на какое-то время, снова идут они дальше. Долго ли шли, коротко ли шли они, нет никакого звука от порнэ, она где-то застряла, не подает никаких признаков о себе.

6. Так двигаясь вперед, они дошли до места, где много морошки. Доченька (мѳщнэ) кузов с братиком поставила на землю, выпустила его, они стали есть морошку. То туда идут, то сюда идут. Так суетясь, вдруг братик говорит: "Сестричка, сестра, мои подошвы прилипли к земле." – "Ты подожди,

ѣмтѣг. Ур тыгле ул вос пасапи." Ань ѣгикве ювле ѣнkvатас: сѣль тахурип ур тѣлум, ѣхватасын ур, ѣнkvын ур. Я-ты, ѣс лылыянѣн та нѣглапасыт, ѣс ѣлаль та минѣг. Хоса миначыг, вѣти миначыг, та кос хунталалѣг, ань нѣтѣн акваг суге ѣтим, хотталъ та тагматас, нѣматыр аснатѣ ѣтим.

6. Ань ѣлаль миначыматѣн морхын мѣ хѣнтсыг. Ѧгикве ѣпситѣ ѣл-ѣнттыстѣ, морых тѣгкве патсыг, тыг ѣмег, тув ѣмег. Тох утыматѣн аквмат ѣпситѣ суйты: "Увськвѣ, увся, ам лѣгыл паттагум ѣл та ханувясыг." – "Лѣсялсар, лѣсял, ам ты морыхсамтем тѣяпѣгум." Ѧпситѣтѣ ѣс рѣнхи: "Увськве, увьськвѣ, ам сѣнспунок пѣсн та уйсум." (комментарий сказителя: тав ман тувмос морых тѣг, ѣпситѣтѣ ѣл ты уйи!) – "Лѣсял сар, лѣсял, ам ты морыхсамтем тѣяпѣгум." – "Увськвѣ, увьськвѣ, ам ѣнтапѣр пѣсн та ѣхтысум." – "Лѣсял сар, лѣсял, ам ѣс акв морыхсамкве тѣяпѣгум." – "Увьськвѣ, увьськвѣ, ам ханлпатта пѣсн та ѣхтысум." – "Лѣсялаквѣ сар, лѣсял, ты морхасамтем тѣяпѣгум." – "Увськвѣ, увськвѣ, сыплув пѣсн та ѣхтысум." – "Лѣсялакве сар, лѣсял, ты морхсамтем тѣяпѣгум (комментарий слушателей: тав манаре акваг тѣг акватѣ пѣтыранѣг!) – "Увськвѣ, увся! Та пѣтырматсум!" Ань увсьтетѣ та хѣйталтас, тув ѣхтыс, акватѣ ѣтим. Касайсупыл та кос кѣралы, вассыг хотыл выгтѣ ѣпситѣтѣ! Лѣбсь ѣлтѣрматас. Лѣбньсим ѣлаль та ѣмантас.

7. Ѧмиматѣ тѣрн ѣхтыс, сунсы: порнѣ ѣги пувлы. Порнѣ ѣги лѣви: "Мѣнь мѣщнѣкве, аквѣт пувлымен." Тав лѣви: "Ам ат пувлѣгум, нан пувлѣн." Акваг касилтаве, лѣви: "Пувлымѣн, ѣйен." Арген касилтанокве патвес, пувлунокве та вѣглыс. Тав туп пувлунокве вѣглыс, акв нѣтѣ пѣг квѣлапас, маснуганѣ нѣх-масапавѣсыт. Мѣнь мѣщнѣ ѣгикве пѣг квѣлыс, лѣви: "Тынѣквѣ, таяныт ѣмас вѣрен, маснуганум маѣн." Порнѣ лѣви: "Хаш-хаш, ам хѣвтсов, наноксов хурпын тѣгланум масѣтен." Мѣнь мѣщнѣкве лѣви: "Ам хѣвтсов, наноксов хурпын тѣглыл ат хѣсытем, хомос масыянум." Порнѣ лѣви: "Ѧти, нан тѣглан ам ат мыганум." Мѣщнѣ ѣгикве лѣви: "Хунькос тѣнунт ханасьлан хурьгсовтем таим маѣн." Ань порнѣ хурьгсов тѣнунт тагыл та манумтастѣ, мѣсьнѣкве палт та воськасастѣ,

жди, я съем вот эту морошку." Братик снова кричит: "Сестричка, а сестричка, я погрузился до колен (в мох)", (комментарий сказителя: что же она ест морошку, братик ее погружается в землю!) – "Погоди, погоди, я вот еще эту морошку проглочу." – "Сестричка, сестричка, я погрузился уже до пояса." – "Ты погоди-ка, погоди, я еще одну морошку проглочу." – "Сестричка, сестричка, я погрузился до подмышек." – "Ты погоди же, погоди, я съем вот эту морошку." – "Сестричка, сестричка, я погрузился по горло." – "Ты погоди, погоди, я съем эту морошку" (комментарий слушателя: что же она все ест, ведь полностью погружается в землю братик!) – "Сестричка, сестра! Я скрылся совсем!" Тут сестра его побежала к нему, прибежала, нет его. Она достала свой ножичек, начала ковырять землю, где она теперь возьмет своего братика! Зарыдала. В слезах идет дальше.

7. Так шагая, она (дочь мѳцнэ) вышла к озеру, смотрит: дочь порнэ купается. И тут эта дочь порнэ говорит: "Маленькая мѳцнэ, покупаемся вместе." Та отвечает: "Я не купаюсь, ты купайся сама." Но та все продолжает настаивать на своем, говорит: "Покупаемся, иди." Сильно стала настаивать, эта (мѳцнэ) пошла (в воду) купаться. Как только она вступила в воду, та быстро выскочила на берег и быстро надела ее одежду. Дочка маленькой мѳцнэ вышла на берег, говорит: "Подруженька, будь великодушна, верни мне мою одежду." Порнэ говорит: "Хаш-хаш-хаш, ты надень мою грубую одежду из коры ели, из коры лиственницы." Маленькая мѳцнэ говорит: "Я не умею ходить в грубой одежде из еловой коры, из лиственничной коры, как я их надену." Порнэ говорит: "Нет, я твою одежду не дам тебе." Дочка мѳцнэ тогда говорит: "Дай мне хоть тот мешочек, что висит на завязке моей шубы." Тут порнэ тот мешочек вместе с завязкой (шубы) вырвала и бросила к (ногам) мѳцнэке, при этом молвила: "Зачем он мне нужен (этот мешочек), бери!" Мѳцнэке взяла этот мешочек, развязала его, открыла. Что там была прежде (одежда), теперь она надела еще более нарядную соболиную шубу, меховую шубу, надела на голову тонкий шелк. Порнэ говорит: "Если бы я это знала, сама вынула все это из твоего мешочка. Дай мне ту твою нарядную одежду, помейяемся, эту свою одежду возьми у меня! Твой мешок надо было мне самой выворотить, не предвидела того (что оказалось там)." Маленькая мѳцнэ ничего не ответила ей. Они пошли дальше.

8. Порнэ (в пути) говорит: "Мы (скоро) выйдем в деревню Усың ѳтыр ѳйки и Тѳнтон ѳйки. Ты, – говорит она, – когда

тымос лягалас: "Ам маһыр вәрәгум, воёлн!" Мбщнэкве хурыгсове вистэ, сунтэ пестыс, палыг пунсыстэ. Аньмунт маһыр олс, ань тав та коньпал ёмас нөхсов маснут, уйсов маснут масыс, вбвта ярмак пиныс. Порнэ лави: "Аньмунт вәслум те, хурыгсовн амти вос ёхтласлум. Та маснутан аһумн маён, пентхатымён, тыйиян вбөн! Хургын аньмунт амти вос ёхтласлум, ат вәслум." Маһнь мбщнэкве нэматыр ат лавыс. Элалы та ёмтасыг.

8. Порнэ лави: "Усың бтыр бйкаг Тбнтон бйкаг павылн нёглымён. Наң тах, – лави, – Тбнтон бйка пыг нял лыг, наң тув консыгтахтэн. Ам тах бс Усың бтыр бйка пыг нял лыг, тув консыгтахтэгум." Маһнь мбщнэкве лави: "Аһумн аквхурипа." Та ёмёг, тох ёмиматэн Усың бтыр бйкаг Тбнтон бйкаг павылн та нёглысыг.

Усың бтыр бйка пыг аквата нопыл лави: "Хотыл ёмнэ нэтэ нёты?" Тбнтон бйка пыге лави: "Юил ёмнэ нэтэ нёты." Ань порнэ мбщнэтэ сартын та пувтмастэ. Усың бтыр бйка пыг бс титыглахты: "Хотыл ёмнэ нэтэ нёты?" Тбнтон бйка пыг лави: "Сартын ёмнэ нэтэ нёты?" Порнэ мбщнэтэ бс ювле та пувтмастэ. Мбщнэкве лави: "Манрыг туйхатёгн?!"

Тувл пыгыг потыртёг: "Нялыл лыгагагмён. Хотютамён сбтың, нётнэ нэтэ тах тув консыгтахты." Овлэт Тбнтон бйка пыг нял сёлтумтас. Ань порнэ номсы, тёл Усың бтыр бйка пыг нял, тув та лаквылтас. Усың бтыр бйка пыг нял сёлтумтас, бс мбщнэкве тув та лаквылтас. Усың бтыр бйка пыгн нётнэ нёкве, маһстыр нёкве ликмыс; Тбнтон бйка пыгн порнэрись ликмыс. Пыгыг нёңыг та ёмтасыг.

9. Та олмыгтасыт. Хоса олсыт, вати олсыт, маһнь мбщнэкве пыг бньсис. Тох олыманыл аквнакт порнэтэ лави: "Тынэквё, юв те ялнувамён." Мбщнэтэ лави: "Ам ялнэма ат бньсёгум, ам савыңканн ялэгум. Наң юв ялнэ ма бньсёгн, та ялёгн." Порнэ лави: "Хотталь ялнэ ма бньсёгн, аквёт ялымён."

Холытаныг ёмтыс, мбщнэкве акитэ нопыл лави: "Ам унтталахтуңкве ялуңкве та кос таңхёгум, ат вёрмёгум." Аки-тэ лави: "Тамле мат вәрмалы бньсёгн, манрыг ат ялёгн, маһн мат хунь пувилув." – "Йийимамен, аписитем акв мат хулытыс,

бросит стрелу сын Тõнтон õйки, схвати его стрелу. Я же схвачу стрелу сына Ёсың õтыр õйки." Маленькая мõщнэ говорит: "Мне все равно." И вот они шагают, так шагая, дошли до деревни Ёсың õтыр õйки и Тõнтон õйки.

Сын Ёсың õтыр õйки говорит соседу своему (увидев идущих девушек): "Которая из идущих (букв. шагающих) девушек более красивая?" Сын Тõнтон õйки говорит: "Позади идущая (букв. шагающая) девушка более красивая." Порнэ (услышав это) схватила Мõщнэ и толкнула ее вперед (сама пошла сзади). Сын Ёсың õтыр õйки снова спрашивает: "Которая из идущих (букв. шагающих) девушек более красивая?" Сын Тõнтон õйки (теперь) отвечает: "Впереди идущая (букв. шагающая) девушка более красивая." Порнэ тут же (схватила) Мõщнэ и толкнула ее теперь назад (сама пошла впереди). Мõщнэ ей говорит: "Зачем ты толкаешься?!"

Тут парни между собой разговаривают: "Запустим в их сторону свои стрелы. Кто из нас более счастливый, красивая девушка за его стрелу и схватится." Первым запустил стрелу сын Тõнтон õйки. Порнэ думает, что это сын Ёсың õтыр õйки запустил стрелу, схватилась за (первым запущенную) стрелу. Затем бросил стрелу сын Ёсың õтыр õйки, мосьнэ схватилась за эту стрелу. Сыну Ёсың õтыр õйки досталась более красивая девушка, сыну же Тõнтон õйки досталась дурная порнэ. Вот так парни и поженились.

9. Начали жить. Долго ли жили, коротко ли жили маленькая мосьнэ родила сына. Так поживая, однажды порнэ говорит: "Подруга, съездить бы нам домой (к родным)." Мõщнэ ответила: "Мне не к кому ехать, я съезжу на поминки. У тебя есть родной дом, съезди." Порнэ говорит: "Есть же место у тебя, куда ехать, съездим (туда) вместе."

Настал завтрашний день, мõщнэ своему свекру говорит: "Я хотела бы съездить на поминки, но не могу." Свекор отвечает: "Если есть такая необходимость, почему не съездить тебе, мы не запрещаем." – "Когда мы шли (в эту сторону), в одном месте остался мой братик, я туда съезжу." Запрягли нарту, поехали (две молодухи мõщнэ и порнэ). Доехали до места, где встретила мõщнэ эту порнэ, она остановилась. Порнэ ей говорит: "Возвращаясь, ты меня не оставляй тут, вместе вернемся." Маленькая мõщнэ промолчала, поехала дальше (к месту, где остался братик). Порнэ же осталась на берегу озера, где она (мõщнэ) нашла ее прежде.

10. Мõщнэке долго ли ехала, коротко ли ехала, доехала до того места, где прежде остался ее братик, смотрит: дом

тув ялэгум." Суныл сѣпитавес, та минмыгтасыг. Мѳщнѳкве порнѳтѳ хѳнтум мѳтѳн ѳхты, ѳл-лѳли. Порнѳ лѳви: "Анум тах наѳ ул хулѳлн, юв аквѳт минымѳн." Мѳсьнѳкве нѳматр ат лѳвыс, ѳлаль та мѳнас. Порнѳтѳ тай хѳнтум мѳтѳт, тѳр вѳтат та хультыс.

10. Мѳщнѳкве хоса мѳнас, вѳти мѳнас, ѳпситѳ хультум мѳн нѳглыс: колыг сѳмяхыг унлѳг! Ляпаннув ѳхтыс, ѳкваг ѳкарыгн сѳсигн пуруѳкв воратаве. Юн акв нѳ лѳгаламе суйты: ѳнумн мат ѳрнѳ хѳтпа те ѳхтыс, тѳйтѳ, яѳке нѳлувѳн, юв тѳрматѳлѳн." Я-тѳ, тѳйтѳ, яѳте нѳлувѳвес, юв та пувтмѳвес. Сунсы: ѳпситѳтѳ мулы пѳлт унлы! Насати, мѳлал акв самѳ ань нѳ такви пѳлыг кѳраламе, акв самтѳтѳ ѳтим. ѳпситѳтѳ, насати, мѳснѳн воима. Аниглахтаст, сыппыгхатаст, тѳст, айсыт.

Тав ман лувыѳ сѳтѳ, тав ман нѳвлиѳ сѳтѳ тѳвлынѳг ѳлыс, мѳснѳ лѳвыс: "Ам лувыѳ сѳтум, ам нѳвлиѳ сѳтум та тѳвлыс. Наѳ миннѳ мѳ те ѳньсѳгн, та минѳгн. ѳтим те, та ѳлѳгн." Мѳнь мѳщнѳкве лѳви: "Ам минѳгум."

11. ѳвлѳ нѳѳктѳл хоса ѳнасыл сѣпитѳвес. Хансаѳыл, яѳкыл тѳрвѳс, вѳвта ѳрмакыл, вѳвта нѳйыл мѳнигтавес, та минмыгтас. Порнѳтѳ хѳнтум мѳтѳн ѳхтыс, та урхаты. Аквмат ѳртн тох урхатыматѳ порнѳтѳ ты ѳхтыс. Порнѳ лѳви: "Тынѳквѳ, акин ус ѳхтаѳкве наѳ манарыл майвѳсн?" – "Ам, – лѳви мѳщнѳкве, – аким ус ѳхтаѳкве тѳр квѳлгыл майвѳсум. ѳс наѳ ѳс манарыл майвѳсн акин ус ѳхтаѳкве?" – "Ам, – лѳви порнѳ, – аким ус ѳхтаѳкве салт квѳлгыл майвѳсум." ѳс порнѳ лѳви: "Акин тахсуѳкве манарыл майвѳсн?" – "Ам, – лѳви мѳщнѳ, – аким тахсуѳкве аргин пѳтыл майвѳсум. Наѳ ос акин тахсын мѳгыс манарыл майвѳсн." – "Ам, – лѳви порнѳ, – аким тахсын мѳгыс сѳлипут пѳлыл майвѳсум. Наѳ, – лѳви, – манарыл сѣпитавѳсн?" – "Ам, – лѳви мѳщнѳ, – яѳкыл хансаѳыл сѣпитавѳсум, вѳвта нѳйыл, вѳвта ѳрмакыл мастувѳсум. Наѳ ѳс манарыл мастувѳсн, мѳйлуптавѳсн?" – "Ам, – лѳви порнѳ, – кѳсѳвыгтыл, тѳрхулыгтыл тѳрвѳсум, хѳвтсов, нѳѳксов хурпыѳ тѳглыл мастувѳсум."

и амбар на ножках стоят! Приблизилась она (к ним), вот-вот искусают ее злая собака и охранный собака. В доме слышно было, как некая женщина молвила: "Если пришел нужный мне человек, вы слижите с него снег и лед и впустите в дом." И вот слизнули с нее снег и лед и мигом толкнули в дом. Смотрит она: ее братик сидит на передних нарах! Оказывается, она прежде (ковыряя своим ножичком) расковыряла его один глаз, у него теперь нет одного глаза. Оказывается, его взяла к себе миснэ (лесная богатая и добрая женщина). Они поцеловались, пообнимались; поели, попили все вместе.

То ли она костлявую неделю жила, то ли мясистую неделю жила, ей говорит миснэ: "Моя костлявая неделя, моя мясистая неделя завершилась. Если у тебя есть место, куда ехать, поезжай. Если тебе некуда ехать, живи здесь." Маленькая мѳщнэ говорит: "Я поеду."

11. Ей дали бесконечно длинный обоз. Запрягли (в нарты) пестрых, белых оленей, ее окутали (одели) в тонкие шелка, в тонкое сукно, и поехала. Доехала до того места, где она раньше встретила порнэ, начала ждать ее. И вот она появилась. И эта порнэ ее спрашивает: "Подруженька, для обтягивания города твоего свекра что тебе дали?" – "Мне, – говорит мѳщнэ, – для обтягивания города моего свекра дали мне железную цепь. А тебе что же дали для обтягивания города твоего свекра?" – "Мне, – говорит порнэ, – дали для обтягивания города моего свекра лыковую веревку." Порнэ дальше продолжает спрашивать: "Для скатывания свекра (с горы) что тебе дали?" – "Мне, – говорит мѳщнэ, – дали для скатывания свекра медный котел. А тебе что дали для скатывания свекра?" – "Мне, – говорит порнэ, – дали для скатывания свекра половину глиняного горшка. Тебе что дали в подарок?" – "Мне, – говорит мѳщнэ, – белых, пестрых оленей дали, тонкие сукна, тонкие шелка дали. А тебе что дали, что подарили?" – "Мне, – говорит порнэ, – запрягли (в нарты) рыбу сорогу и карася, на меня надели грубую одежду из еловой коры, из лиственничной коры."

12. И отправились они домой. Показалась их деревня, порнэ закричала: "Сын Тѳнтон ѳйки, сделай прорубь. Вот-вот подохнут мои рыбы, сорога и карась!" Сын Тѳнтон ѳйки сделал прорубь. Ехавшие женщины подъехали туда, и те рыбы, карась и сорога вмиг нырнули (в прорубь). Нарты порнэ так и остались у проруби.

Женщины вернулись домой. Их свекры начали обтягивать свои городища. Усың ѳтыр ѳйка начал обтягивать городище,

12. Та минмыгтасыг аквёт ювле. Пáвылн нэглысыг, порнэ та рõнхи: "Тõнтон õйка пыг, вит вõнха пасатэн. Кáсэвагум, турхулагум ты сáкапёг!" Тõнтон õйка пыг витвõнха пасатас. Ёинэ нэг тув ёхтысыг, ань турхулаге, кáсэваге ёлаль та та-хасыг. Порнэ сунанэ вит вõнха вáтат тот та хультсыт.

Нэгыг юв ёхтысыг. Акиянён ус хартуңкве пáтсыг. Усын õтыр õйка ус хартуңкве пáтыс, тёр квáлыг – усэ акваг нас тõнги! Тõнтон õйка ус хартуңкве патыс, акваг сáлт квáлыг та тõллы.

Аклянён тахсуңкве патсыт. Усын õтыр õйка тахамты, ар-гин путёт акваг эла тотаве. Тõнтон õйка тахамты, сүли пүт пáлёт сып котильн ат ёхты.

13. Тох блыманл, аквнакт мáнь мõщнэкве пыгрисятётэ колкант хайтыгтыматэ лáви: "Сасыгтем колт нýл пáгле лыгум – нас луратáлы, нáлваль лыгум – нас луратáлы. Опарисюм колт нýл нáлваль лыгм – хоплых, нýл пáгле лыгм - хоплых." Ань пыгрисьякве õпарисе лáви: "Ты яныт сёлың сасыгкве õсьмын, хõнтлуңкве ялэв." Мáнь мõщнэкве лбõньсялтахтас, кон квáлапас. Порнэ тав нопылэ лáви: "Тынэквё, манрыг лбõньсёгн?" – "Пыгрисюм лáвум мáгыс, аким õйка хõнтлуңкве минуңкве лáви áпситем палт. Порнэ лáви: "Наң, тынэквё, этпосыг, хõталыг ёл-áлмаёгн, пáлõвылн ханувяптёгн, акваг тах ат мýны.

14. Мáнь мõщнэкве этпосыг хõталыг ёл-áлмаясаге, такви пáлõвлён ханувяптасаге. Усың õтыр õйка кон квáлыс, та кос лёңкталахты, кáтыл пувнэ мá ат хõнты. Юв сялты, лáви: "Мáнь мáхум акв лáтың мáгыс та хурип тулмахыт та, этпосыг хõталыг ёл-висаныл, сяр турман, самт пумн пёлялаңкве воравет. Нас мовиньтёгум."

Мáнь мõщнэкве кон квáлтапасаге хõталаге этпосаге, нõхханувяптасаге. Элаль та блымгтасыт.

Ань та блэгыт, ань та сюнёгыт.

у него железная цепь – его город звенит! Тõнтон õйка начал обтягивать свое городище, лыковая веревка все время рвется.

Их свекры начали кататься. Усың õтыр õйка покатится, на медном котле его далеко уносит. Тõнтон õйка покатится на половинке глиняного горшка, даже до середины горы не докатывается.

13. Так поживая, однажды сынишка маленькой мõщнэ, бегая на полу, говорит: "У дяди (маминоного брата) в доме брошу стрелу в переднюю сторону – слышу звон, к порогу брошу – слышу звон. А у деда (папиного отца) брошу стрелу к порогу – слышу стук, брошу стрелу в переднюю сторону – слышу стук." Тут дед мальчика говорит: "Если у тебя есть такой богатый дядя, то пойдем на него войной." Маленькая мõщнэ заплакала, вышла на улицу. Порнэ ее спрашивает: "Подруга, почему ты плачешь?" – "Мальчик мой (горделиво) сказал (о дяде), из-за этого свекор мой хочет пойти войной на моего братика." Порнэ говорит: "Ты, подруженька, луну и солнценими (с неба), прикрепи их у своих нар (в доме), тогда он не пойдет (войной на твоего брата)".

14. Маленькая мõщнэ луну и солнце быстро сняла (с неба), прилепила их у своих нар. Усың õтыр õйка вышел на улицу, все тычется туда-сюда, не видно ни зги (букв. не находит места, за что бы можно было взяться). Зашел домой, говорит: "Молодые люди, из-за одного слова так зло поступили, сняли (с неба) луну и солнце, совсем темно, глаза чуть не выколола трава. Я просто прежде пошутил."

Маленькая мõщнэ быстро вынесла на улицу солнце и луну, на то же место прилепила. Начали жить дальше.

И поныне живут они, и поныне блаженствуют они.

ЛИТЕРАТУРА

Вавра К. Принципы классификации терминов родства мансийского языка. Журн. СФУ, №2, Таллин, 1965, стр.107-115.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Изд-во "Наука", Новосибирск, 1986.

Горький А.М. О литературе. М., 1953.

Давыдова Г.М. Антропологические исследования северных манси и некоторые вопросы расо- и этногенеза. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1976.

Заплатин М.А. В лесах северной Сосьвы. Средне-Уральское книжное изд-во. Свердловск, 1969.

Заплатин М., Вибе Ф. Самый красивый Урал., Средне-Уральское книжное изд-во. Свердловск, 1983.

Очерки общей этнографии. М., 1960.

Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

Ромбандеева Е.И. Мансийский (вогульский) язык. Изд-во "Наука", М., 1973.

Ромбандеева Е.И., Карелин В.Г. Мансийские оронимы на вставке к карте Северного Урала А.Регули (середина XIX века). СФУ №4, Таллин, 1989.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров. Сб. Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX вв., Л., 1971, Т.27.

Соколова З.П. Наследственные или предковые имена у обских угров и связанные с ними обычаи. Советская этнография, №5, М., 1975.

Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв. Проблема фратрии и рода. Изд-во "Наука", М., 1983.

Субботин Ю.К. Православные таинства. М., 1990.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1951, т.30., стр.147.

Чернецов В.Н. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем. II Международный конгресс ф-угров. Хельсинки, 1965.

Эстонский фольклор. Таллин, 1980.

Bakro-Nagy M. Die Sprache des Varenkultes im obugrischen. Akademiai kiado. Budapest, 1979.

Hunfalvy Pal. A vogul fold es nep. Pest, 1864.

Kannisto – Lumola – Virtanen: Materialien zur Mythologie der Vogulen. MSFOu. 113. Helsinki, 1958.

Содержание

Предисловие	3
Введение	6
Представления народа манси (вогулов) о Земле Космосе	14
Представления манси о возникновении Земли и жизни на Земле	14
Представления манси о происхождении человека, растений и животных	15
Легенда о происхождении медведя	16
Слои жизненного пространства в представлении манси	19
Связь между слоями жизненного пространства	20
О силе Солнца и Луны	21
Звезды	21
История народа манси по данным фольклора	22
Тематические жанры мансийского фольклора и характер их исполнения	23
Отражение исторических формаций в фольклоре народа манси	32
Древние и современные способы создания семьи	32
Миграция манси	35
Предание о людях Мбсь и Пор	36
О Млечном Пути, о лосе и мужчине Мбсьхум	39
Мрак небесной силы	41
О теплом крае юге (мбртым м̄а, алы м̄а)	41
О реке Печоре	42
О большой "огненной воде"	43
Антропонимия	45
Обряды народа манси	50
Сведения о культе предков духов-покровителей (по данным сыгвинских манси)	50
Хара кан – место поклонения погибшим в лесу, в воде, на войне	65

Символические изображения духов-предков манси	70
Список известных нам духов-предков манси	74
Свадебный обряд сыгвинских манси	80
Обряд сыгвинских манси в связи с рождением ребенка	89
Погребальный обряд	100
Обряд, связанный с медвежьим праздником (по данным сыгвинских манси)	118
Заключение	132

Приложение. Тексты фольклорных произведений:

№1. Священное сказание о происхождении Земли	136
№2. Маленькая женщина Мбщнэ	167
№3. Мбщнэ и Порнэ	173
№4. Муж и жена Касыр	177
№5. Маленькая Мбщнэ, маленький мощхум	187
№6. Мбщнэ и Порнэ (предание)	193
Литература	204
Содержание	206

РОМБАНДЕЕВА

Евдокия Ивановна

**История народа манси (вогулов)
и его духовная культура**

(по данным фольклора и обрядов)

РЕДАКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редактор Н.Г. Ширыкалова.

Рецензенты: В.Ю. Лыткина, Т.Д. Слинкина.

Ответственный за выпуск: Р.В. Привалова.

Оригинал-макет подготовлен ТОО "ББЛ^{КО}", г. Сургут.

Подписано в печать 1.04.93 г. Формат 84x108/32.

Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл.п.л. 10,92.

Тираж 10 000 экз. Заказ №1513.

Цена договорная.

АИИК "Северный дом".

Северо-Сибирское региональное книжное издательство.

626400, г.Сургут, Тюменская обл., ул. Энгельса, 10, 308.

Издательско-полиграфическое предприятие "Слово Тюмени",

625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81.